

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра гражданского процесса и трудового права

Развитие частного права и цивилистического процесса:
преемственность и инновации

Сборник статей секций гражданского процесса и трудового права
по материалам международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию кафедры гражданского права и процесса БГУ.

19–20 октября 2022 г., Минск, Беларусь

Минск
2023

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета БГУ
30 марта 2023 г., протокол № 7

Под редакцией О. Н. Романовой, И. Н. Колядко

Рецензенты:

Мещанова М. В., доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета;

Шкляревский А. Н., кандидат юридических наук, доцент, декан факультета права Белорусского государственного экономического университета.

Развитие частного права и цивилистического процесса: преемственность и инновации : сборник статей секций гражданского процесса и трудового права по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию кафедры гражданского права и процесса БГУ, 19–20 октября 2022 г., Минск, Беларусь / БГУ, Юридический фак., Каф. гражданского процесса и трудового права ; [под ред.: О. Н. Романовой, И. Н. Колядко]. – Минск : БГУ, 2023. – 195 с. – Библиогр. в конце отд. ст.

В сборнике помещены статьи ученых и практикующих юристов Республики Беларусь, зарубежных стран о современных тенденциях развития цивилистического процессуального права, трудового права, права социального обеспечения по материалам докладов на международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию кафедры гражданского права и процесса БГУ, представленных на секциях гражданского процесса и трудового права.

Алещенко А. В.

**ПРОИЗВОДСТВО В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ: НЕКОТОРЫЕ
ПОЛОЖЕНИЯ ПРОЕКТА КОДЕКСА ГРАЖДАНСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

*Алещенко Андрей Валерьевич, судья Верховного Суда Республики Беларусь,
ул. Орловская, 76, 220020, Минск, Беларусь, supreme@court.by*

В настоящей статье представлен обзор отдельных положений проекта Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь о производстве в суде первой инстанции. Освещаются вопросы закрепляемых в проекте видов гражданского судопроизводства и стадий развития процесса: возбуждения дела, подготовки его к судебному разбирательству и рассмотрения спора по существу.

Ключевые слова: виды гражданского судопроизводства; стадии процесса; подготовка дел к судебному разбирательству и рассмотрение спора по существу

Aleshchenko A. V.

**PROCEEDINGS IN THE COURT OF FIRST INSTANCE: SOME
PROVISIONS OF THE DRAFT CODE OF CIVIL PROCEDURE**

*Aleshchenko Andrey. V., Judge of the Supreme Court of the Republic of Belarus,
76 Orlovskaya Street, Minsk 220020, Belarus, supreme@court.by*

The article presents an overview of particular provisions of the draft Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus (hereinafter referred to as CCP) on proceedings in court of first instance. The article covers the issues of the types of civil proceedings and its stages, enshrined in the draft: initiation of a case, its preparation for trial and trial on the merits.

Keywords: types of civil proceedings; stages of proceedings; preparation for trial and trial on the merits

Основу цивилистического правосудия составляет деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских и экономических дел. Ведь именно суд первой инстанции, разрешая возникший спор по существу, окончательно определяет в судебном решении материальные права и обязанности сторон.

Как известно, производство в суде первой инстанции, в отличие от этапов обжалования судебного постановления, является обязательной, а не факультативной стадией процесса. Судебная статистика свидетельствует о том, что основной объем правосудия концентрируется именно в судах этого уровня, поскольку большинство судебных решений сторонами и другими юридически заинтересованными в исходе дела лицами в апелляционном

порядке не обжалуется. Так, в 2021 г. районными (городскими) судами, экономическими судами областей (г. Минска) по первой инстанции с вынесением решения рассмотрено 161 047 гражданских и 68 392 экономических дел, тогда как в апелляционном порядке разрешено только 8 829 гражданских и 1 873 экономических дел. Приведенные данные отражают ту значительную, даже главенствующую роль, которую при осуществлении правосудия выполняют суды базового звена. Как отмечает В. М. Жуйков, от того, насколько эффективно урегулирован порядок производства по делам в суде первой инстанции, во многом зависит и то, насколько эффективно само правосудие и насколько реальным является право на доступ к нему [1, с. 57].

Именно поэтому одной из целей разработки нового кодифицированного акта является установление понятных для сторон и судов правил, одинаково приемлемых для рассмотрения дел как общегражданского, так и экономического характера, что представляет собой непростую задачу в силу различного типа «идеологий» двух процессов. О проблематике соединения в одном процессуальном регламенте двух разных моделей процесса – либеральной, характерной для Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) (максимально воплощающего принципы состязательности и диспозитивности), и социальной, свойственной Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь (далее – ГПК) (предусматривающему более активную роль суда в исследовании обстоятельств дела и получении доказательств, содействие процессуальной деятельности сторон), ведется давняя дискуссия [2, с. 458]. При этом по оценкам специалистов, при подготовке проекта удалось избежать как потери современных, «удобных» норм ХПК и ГПК, так и установления различного, параллельного регулирования одних и тех же институтов отдельно для гражданских и отдельно для экономических дел [3]. В целях обеспечения единства правового регулирования для обозначения дел, подлежащих рассмотрению в предусмотренном проекте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС) порядке, используется универсальный термин «гражданские дела». Дела, подсудные экономическим судам, также именуется гражданскими.

В основу проекта положена модель действующего ГПК как законодательного акта высокого уровня систематизации, имеющего глубоко проработанную, выверенную внутреннюю структуру. Это, в свою очередь, обусловило и нормативное обособление Общей и Особенной частей кодекса, которое реализуется впервые. Неоспоримое преимущество такого способа систематизации норм права состоит в возможности применения положений Общей части к тем процессуальным отношениям, которые не урегулированы или не в полной мере урегулированы нормами прямого действия, содержащимися в структурных элементах Особенной части, что имеет большое практическое значение и позволяет преодолевать пробелы правовой регламентации.

В Общей части проекта КГС предусматриваются положения, которые будут едины для всех судов общей юрисдикции и применяться на всех стадиях судопроизводства. В данном случае речь идет о положениях, закрепляющих единую терминологию, принципы судопроизводства, регламентирующих вопросы подведомственности, подсудности, доказательств и доказывания, форм примирения и др. Особенная часть содержит нормы, регулирующие возбуждение производства по делу и подготовку их к судебному разбирательству, рассмотрение дела в суде первой инстанции, пересмотр судебных постановлений, правила международного гражданского процесса и т. д.

В отличие от процессуальных кодексов ряда стран СНГ проект КГС четко дифференцирует исковые и неисковые виды производств в зависимости от предмета судебной защиты – субъективные права граждан и юридических лиц, их законные интересы либо заинтересованность в установлении фактов или состояний, имеющих юридическое значение. В этом контексте выделяются следующие *виды гражданского судопроизводства*: исковое; приказное; по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений; особое; иные виды производств, предусмотренные настоящим Кодексом и другими законодательными актами.

В подразделе «Исковое производство» закрепляются также особенности рассмотрения отдельных категорий исковых дел, для чего выделяются главы «Производство по коллективному исковому заявлению», «Заочное производство» и «Упрощенное производство»¹. В отдельном подразделе содержатся также правила приказного производства как упрощенной формы процесса, предназначенные для рассмотрения документально подтвержденных требований о присуждении денежных сумм или имущества.

Среди неисковых видов производств наиболее существенной модернизации подвергнут институт административной юстиции. Положения о производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, по сути, реализуют концепцию *административного иска*. Так, проект наделяет находящегося в споре гражданина, юридическое лицо, с одной стороны, и субъект публичной власти (государственный орган, должностное лицо и др.), с другой, правами сторон, уравнивая тем самым их процессуальный статус; институт «обжалования» актов административного правоприменения заменяется на «оспаривание» (вводится единое средство судебной защиты – заявление вместо жалобы); требования субъекта публичной власти к гражданину или юридическому лицу подлежат рассмотрению не в исковом порядке, а в

¹ В целях оптимизации правосудия, повышения его экономичности в проекте КГС расширяются элементы письменного процесса. Наряду с введением упрощенного производства также устанавливается разрешение судом ряда несложных вопросов без вызова сторон и проведения судебного заседания (в частности, об исправлении описок, опечаток и явных счетных ошибок, об индексации присужденных денежных сумм, о разъяснении решения). Представляется, что приведенные изъятия из принципа устности будут способствовать ускорению процесса и являются необходимыми.

порядке производства, возникающего из административных и иных публичных правоотношений; закрепляется возможность предъявления сторонами встречных требований друг к другу; внедряются элементы согласительных и примирительных процедур, свойственных исковому процессу.

В состав *иных видов производств* включены положения об особенностях рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве); дел об отмене решений третейских судов и трудового арбитража; вопросов, связанных с исполнением судебных решений, а также исполнительных документов, выдаваемых иными органами; процедуры выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решений третейских судов и медиативных соглашений. При этом дела о несостоятельности (банкротстве) не были отнесены к особому производству по тем соображениям, что одноименная отрасль законодательства содержит механизмы судебной защиты не только законных интересов либо установления юридических состояний и фактов, но и субъективных гражданских прав. Примером тому служит установленный ст. 96 Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» от 13 июля 2012 г. № 415-З (в редакции Закона от 24 октября 2016 г.) судебный порядок защиты требований кредиторов в случаях их невключения антикризисным управляющим в реестр требований кредиторов.

Представляется, что юридическим критерием отнесения перечисленных категорий дел к иным видам производств является их комплексный характер, не позволяющий причислить их «в чистом виде» ни к делам искового, ни особого производства либо производства из административных и иных публичных правоотношений и нередко содержащий элементы названных видов производств, а равно наличие у суда функций процессуального контроля в сфере деятельности других правоприменительных, в том числе юрисдикционных органов (третейские суды, органы принудительного исполнения, медиаторы).

Как и в действующих кодексах, предусматривается возбуждение производства по делу по заявлению *заинтересованного лица*. Причем наличие и характер такой заинтересованности определяет правовое положение участников гражданского судопроизводства, объем их процессуальных прав и обязанностей.

Так, к участникам гражданского судопроизводства относятся:

лица, участвующие в деле, т. е. участники гражданского судопроизводства, имеющие юридический интерес (непосредственный либо государственный, общественный или иной) в исходе дела. Таковыми, в частности, являются стороны и третьи лица в искомом производстве, заявители, заинтересованные лица в делах особого производства, прокурор, государственные органы, юридические лица и граждане, от собственного имени защищающие права, свободы и законные интересы других лиц;

иные участники процесса, т. е. участники гражданского судопроизводства, не имеющие юридического интереса в исходе дела

(свидетели, эксперты, специалисты, переводчики, понятые, хранители арестованного или спорного имущества);

представители.

Как видно, в целом восприняты подходы действующего ГПК. Вместе с тем произведена замена юридически точного, но излишне громоздкого термина «юридически заинтересованные в исходе дела лица» на термин «лица, участвующие в деле» с сохранением существующего правового содержания и классификации участников процесса по интересу к исходу дела.

Нельзя также не отметить изменившийся *статус представителей*, которые не отнесены к лицам, участвующим в деле, либо иным участникам процесса, а образуют отдельную категорию субъектов процесса. Это обусловлено отсутствием у представителей собственного юридического интереса, причем вне зависимости от его характера – непосредственного, общественного или иного, который бы отличался от интереса представляемого ими лица или ему бы противоречил. С практической точки зрения подобное регулирование направлено на оптимизацию таких вопросов, как извещение лиц, участвующих в деле, исчисление сроков совершения процессуальных действий (например, апелляционного обжалования судебного решения сторонами и их представителями и т. п.). Предложенный способ регламентации согласуется и с подходами, реализованными в процессуальных кодексах России и Казахстана.

Важное новшество – возможность подавать процессуальные обращения как в письменной форме, так и в форме *электронного документа* во все суды общей юрисдикции. В таком случае процессуальный документ в обязательном порядке должен быть подписан электронной цифровой подписью. В настоящее же время предъявить иск в электронной форме можно только в экономические суды (ч. 2 ст. 7 ХПК), что ставит участников процессуальных отношений в неравные условия.

Применительно к делам общегражданского характера впервые вводится *правовое основание иска*. Это обусловлено необходимостью повышения эффективности и оперативности правосудия, когда судья уже на стадии обращения заинтересованного лица в суд должен иметь возможность уяснить сущность материально-правового требования, определить надлежащий вид судопроизводства, состав юридически заинтересованных в исходе дела лиц, проверить полноту уплаты государственной пошлины и в конечном итоге решить вопрос о возбуждении производства по делу. Вместе с тем в целях надлежащего обеспечения конституционного права на судебную защиту, прежде всего непрофессиональных участников процесса, предусматривается, что отсутствие в иске ссылки на акты законодательства, которыми обосновываются заявленные требования, не является препятствием к возбуждению дела и может быть уточнено на последующих стадиях его движения.

ГПК предусматривает *отказ в возбуждении дела* в связи с отсутствием права на обращение в суд (ст. 245) либо в связи с наличием к этому

препятствий (ст. 246). В отличие от этого, ХПК в ст. 163 при наличии устранимых препятствий (дело неподсудно данному суду, в производстве другого суда находится тождественное дело и т. п.) закрепляет **возвращение искового заявления**. В процессуальных кодексах стран ЕАЭС и СНГ подобные случаи тоже урегулированы посредством института возвращения иска. В целях устранения ненужной двойственности понятий в проекте КГС для таких случаев также предусматривается возвращение иска. Категория же отказа в возбуждении дела рассчитана только на случаи, когда истец не имеет права на обращение в суд (дело неподведомственно суду, имеется вступившее в законную силу решение суда по тождественному иску и т. п.) и данный отказ препятствует повторному обращению. Следует отметить, что возвращение искового заявления, о котором суд выносит определение и которое может быть обжаловано в апелляционном порядке, следует отличать от возвращения заявления вследствие неисполнения определения суда об **оставлении иска без движения** и устранения недостатков в установленный судом срок. В таком случае применяется процессуальная фикция о том, что заявление, недостатки которого не устранены, считается неподанным и возвращается его подателю. Именно поэтому вынесения определения о возврате не требуется.

При отсутствии каких-либо препятствий суд возбуждает производство по делу, о чем выносит определение.

В проекте КГС унифицированы соответствующие положения действующих ГПК и ХПК о **защите против иска**. Предусмотрено право ответчика предъявить истцу встречный иск либо представить в суд отзыв на исковое заявление. При этом отзыв может содержать как возражения против иска материально-правового и процессуального характера, так и полное или частичное согласие с исковыми требованиями, т. е. правовую позицию ответчика по делу. По сложным делам суд может обязать ответчика представить отзыв. Встречный иск может быть предъявлен лишь до окончания судебного исследования доказательств (т. е. до начала судебных прений), а не вплоть до вынесения судом решения или иного судебного постановления, которым завершается рассмотрение дела, как это предусмотрено ч. 1 ст. 253 ГПК, ч. 1 ст. 167 ХПК, что направлено на повышение оперативности процесса.

Важнейшей стадией производства в суде первой инстанции является **подготовка дела к судебному разбирательству**. От качества ее проведения напрямую зависит своевременность и правильность рассмотрения дела, постановление законного и обоснованного решения. В ходе поиска оптимальной модели подготовки дела преследовалась цель наделить суд широким инструментарием, не ограничивая без необходимости его процессуальные возможности. Так, проект КГС, в отличие от ХПК, не обязывает суд во всех случаях проводить предварительное судебное заседание (иногда это и вовсе невозможно ввиду крайне сжатых сроков рассмотрения дел). По сути, этой форме подготовки дела придается факультативный характер. Кроме того, проведение самого предварительного

судебного заседания какими-либо сроками не ограничивается. Также закрепляется возможность проведения судом опроса сторон без организации судебного заседания, что в настоящее время активно практикуется судами, рассматривающими гражданские дела, и доказало свою практическую эффективность. Иными словами, проект отражает максимально «гибкую» модель подготовки дела, соответствующую задачам суда и интересам сторон. Формы подготовки определяются в каждом конкретном случае исходя из особенностей обстоятельств дела.

Подготовка дела вне зависимости от ее формы завершается назначением дела к судебному разбирательству. Если же суд найдет дело достаточно подготовленным в ходе предварительного судебного заседания, он вправе в этом же заседании перейти к рассмотрению дела по существу с согласия сторон, если они присутствуют. Такой переход возможен и тогда, когда стороны в предварительном судебном заседании отсутствуют, но были извещены о времени и месте его проведения и просили рассмотреть дело по существу без их участия.

В основу конструкции *судебного разбирательства* также положена четко структурированная модель действующего ГПК. При этом выделяется следующие его этапы:

подготовительная часть судебного разбирательства, в ходе которой суд выполняет организационно-распорядительные действия (установление личности явившихся лиц, разрешение ходатайств и отводов, разъяснение участникам процесса прав и обязанностей и т. п.);

непосредственно рассмотрение дела по существу (в частности, заслушивание объяснений сторон, допрос свидетелей, опрос экспертов и специалистов, исследование письменных и других доказательств);

заключительная часть судебного разбирательства, включающая проведение судебных прений и реплик, вынесение и оглашение решения.

Судебное разбирательство строится на принципах непосредственности, устности и непрерывности, реализация которых обеспечивает полное, всестороннее и объективное исследование доказательств и установление фактических обстоятельств в целях вынесения законного и обоснованного решения. Проект КГС, базирующийся на модели неполной апелляции, предусматривает *исчерывающее раскрытие сторонами всех доказательств* именно в суде первой инстанции и, как правило, – до завершения подготовки дела к судебному разбирательству. Их представление в суд второй инстанции будет возможным только если причины, по которым они не были представлены в ходе судебного разбирательства, будут признаны апелляционным судом уважительными. Как показывает практика, именно такой подход к концентрации доказательственного материала позволяет повысить роль судов первой инстанции, обеспечить экономичность правосудия и избежать возможных злоупотреблений.

В целях обеспечения прав участников судопроизводства, а также максимально полного и объективного фиксирования хода судебного разбирательства, как и в действующем законодательстве, предусматривается

ведение звуко- или видеозаписи с составлением краткого протокола в письменной форме. И только лишь в отсутствие технической возможности по ведению *«электронного протокола»* вместо него в качестве исключения допускается составление письменного протокола судебного заседания.

Для обеспечения участия в судебном заседании сторон, третьих лиц, других участников гражданского судопроизводства, которые не могут лично прибыть в суд, и при наличии в соответствующем суде технической возможности судебное заседание может быть проведено с использованием систем *видеоконференцсвязи* (ВКС). В судебном разбирательстве, которое проводится с использованием систем ВКС, могут быть также исследованы письменные, электронные и вещественные доказательства, совершаться другие процессуальные действия. В то же время положения проекта КГС прямо допускают возможность использования и других незапрещенных программных и аппаратных средств видеосвязи, позволяющих дистанционно участвовать в судопроизводстве посредством веб-конференции (например, программного обеспечения «Skype» и т. п.). Однако на это необходимо получение согласия участвующих в деле лиц. Такой подход апробирован практикой в период пандемии COVID-19, отвечает уровню развития средств ИТ-коммуникации и не противоречит принципу непосредственности судебного разбирательства. Важно отметить, что при применении систем ВКС правила судопроизводства, определяющие порядок судебного разбирательства, в полной мере распространяются и на участников процесса, находящихся вне места расположения суда, рассматривающего дело.

Относительно новаций по *распоряжению средствами судебной защиты* необходимо отметить следующее.

Существующие в ГПК (ст. 61) и ХПК (ст. 63) правила допускают изменение предмета или основания иска до момента вынесения судом решения. Проект же предусматривает возможность реализации этих правомочий до момента окончания исследования доказательств, т. е. до завершения стадии рассмотрения дела по существу. Данная новация ориентирует участвующих в деле лиц на своевременное совершение процессуальных действий именно в той стадии процесса, которая для этого предназначена.

В целях дальнейшего развития принципов диспозитивности и состязательности в проекте КГС институт замены ненадлежащей стороны трансформирован в институт замены ненадлежащего ответчика. Такое регулирование характерно для действующего ХПК (ст. 61) и ряда процессуальных кодексов стран – участников ЕАЭС и СНГ. При этом проект содержит важное правило: если истец не согласен на замену ответчика другим лицом, суд вправе привлечь к участию в деле второго ответчика только с согласия истца. Если же истец такого согласия не дает, суд рассматривает дело по предъявленному иску. Возможность замены ненадлежащего истца исключается.

Наряду с привычными формами примирения (мировое и медиативное соглашения сторон, примирительная процедура в экономическом суде)

вводится институт урегулирования спора путем переговоров сторон при содействии их адвокатов. Эта форма примирения, воспринятая из ГПК Республики Казахстан и именуемая в нем как «партисипативная процедура», призвана расширить процессуальные возможности сторон по поиску взаимного компромисса, ликвидации конфликта и сохранения необходимой в личных и деловых отношениях конфиденциальности. При этом профессиональными участниками, содействующими примирению, наряду с адвокатами могут быть и патентные поверенные при рассмотрении споров, возникающих в сфере защиты интеллектуальных прав.

Положения о **судебном решении** в проекте КГС не претерпели концептуальных изменений. Среди новшеств важно отметить закрепление категорий дел, по которым прокурор вправе требовать изготовления мотивировочной части решения, независимо от его участия в деле¹. Таковыми являются дела, затрагивающие государственные и общественные интересы, права и законные интересы юридических лиц государственной формы собственности либо имеющих в уставном фонде долю государственной собственности, а также права, свободы и законные интересы гражданина, который по состоянию здоровья, возрасту, в силу недееспособности или по другим уважительным причинам не может самостоятельно защитить их. Данная новация обусловлена необходимостью повысить эффективность прокурорского надзора, обеспечить надлежащий уровень защиты интересов публичного характера.

В ходе работы над проектом также рассматривался вопрос о **придании статуса решения** судебным постановлениям, которые выносятся по результатам рассмотрения дел об отмене решений третейских судов и трудового арбитража, ходатайств о признании и разрешении принудительного исполнения решений иностранных судов и арбитражей, заявлений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решений третейских судов и медиативных соглашений. При этом учитывалась юридическая природа судебного решения как акта правосудия, разрешающего требование истца и, как итог – определяющего материально-правовое положение участников спорного правоотношения. Перечисленные же виды производств, по сути, устанавливают процедуру судебного контроля за результатами процессуальной деятельности других юрисдикционных органов, актами которых требования материально-правового характера уже разрешены. Как справедливо указывает Е. И. Носырева, для данной группы дел свойственно то, что в них не происходит рассмотрение спора по существу. По указанным видам производств суд имеет дело с уже вынесенным актом (третейского суда, иностранного суда или иностранного арбитража), которым произведена защита права [4, с. 211], поэтому названные судебные постановления в проекте КГС сохранили статус определений.

¹ В действующих ГПК (п. 1 ч. 1 ст. 305) и ХПК (абз. 9 ч. 5 ст. 193) прокурор наделен таким правом только по делам, рассмотренным с его участием.

Список использованных источников

1. Жуйков, В. М. Судебная реформа: проблема доступа к правосудию / В. М. Жуйков. – М. : Статут, 2006. – 283 с.
2. Забара, А. А. О едином Гражданском процессуальном кодексе / А. А. Забара // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О. Н. Здрок (отв.ред.) [и др.]. – Минск БГУ, 2018. – С. 454–459.
3. Сысуев Т. В. Проект КГС глазами практика: основные изменения, преимущества и недостатки [Электронный ресурс] / Т. В. Сысуев // СПС «КонсультантПлюс» / ООО «Юрспектр». – Минск, 2022.
4. Проверка и пересмотр судебных постановлений по гражданским и экономическим делам в Республике Беларусь: проблемы и перспективы : монография / И. Э. Мартыненко [и др.] ; под ред. Т. С. Тарановой. – Минск : Колорград, 2020. – 300 с.

Бесецкая Н. А.

СВОЕВРЕМЕННОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ НАДЛЕЖАЩЕГО СУДЕБНОГО ИЗВЕЩЕНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Бесецкая Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского права юридического факультета, Полоцкий государственный университет имени Ефросиньи Полоцкой, ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк, Беларусь, n.besetskaya@psu.by

Рассмотрено понятие «своевременность» и его влияние на процедуру судебного извещения. Установлено соотношение понятий «своевременность» и «заблаговременность» судебного извещения, а также «достаточность» срока для подготовки к делу и явки в суд. На основе обобщения зарубежного опыта, судебной практики дается критический анализ отечественного процессуального законодательства о судебном извещении. Целью настоящего исследования является обоснование правового значения временного фактора как необходимого признака, выделяемого в качестве критерия надлежащего судебного извещения, а также выявление закономерностей, влияющих на его соблюдение, и формулирование предложений по совершенствованию норм процессуального законодательства о судебном извещении.

Ключевые слова: судебное извещение; вызов; повестка; надлежащее извещение; своевременное извещение; цивилистический процесс.

Besetskaya N. A.

TIMELINESS AS CRITERIA FOR PROPER COURT NOTIFICATION IN CIVIL PROCEDURE

Besetskaya Natalya A., PhD (law), docent; associate professor at the department of civil law, faculty of law, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, 29 Blokhin Street, Novopolotsk 211440, Belarus, n.besetskaya@psu.by

This article considers the concept of «timeliness» and its impact on the procedure of court notification. The article establishes the correlation between the concepts of «timeliness» and «advance» of court notification, as well as the «sufficiency» of the time period to prepare for the case and appear in court. The author on the basis of foreign experience, judicial practice, gives a critical analysis of domestic procedural legislation on court notification. The purpose of this study is to substantiate the legal significance of the time factor as a necessary feature, allocated as a criteria of proper court notification, as well as to identify patterns that affect its compliance, and to develop proposals to improve the norms of procedural legislation on court notification.

Keywords: court notification; summons; notice to appear; proper notification; timely notice; civil procedure.

Установленный процессуальным законодательством порядок судебного извещения участников следует рассматривать как механизм, обеспечивающий достижение цели судопроизводства – справедливое судебное разбирательство. Однако это невозможно, если суд не ставит в качестве задачи своевременное предоставление лицу, участвующему в деле, соответствующей информации о начатом процессе или совершении процессуального действия. На соблюдение подобного подхода к информационному обеспечению участников дела ориентирует и Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), поскольку, по его мнению, «принцип равенства процессуальных возможностей сторон по делу – один из элементов более широкой концепции справедливого судебного разбирательства – требует, чтобы каждой стороне по делу была бы предоставлена разумная возможность изложить свою позицию в условиях, которые не ставят эту сторону в существенно невыгодное положение по отношению к ее процессуальным оппонентам». Так, по делу «Загородников против России» (№ 66941/01) он квалифицировал в качестве нарушения Арбитражным судом г. Москвы п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод направление ответчику судебного извещения, полученное им только на 3-й день судебного заседания [1].

Иными словами, не любое судебное извещение может быть признано гарантией вынесения судом законного и обоснованного постановления, а только надлежащее. Ненадлежащее судебное извещение имеет серьезные негативные процессуальные последствия, в частности: отмену судебного постановления как незаконного; отказ в признании и приведении в исполнение судебного постановления на территории иностранного государства; затягивание сроков рассмотрения дела. При этом под надлежащим судебным извещением следует понимать только соответствующее отраженным в процессуальных нормах признакам, позволяющим судить о том, что к моменту проведения судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия суд обладает достоверными сведениями о получении заинтересованным лицом информации о месте и времени их проведения, при условии, что они были получены заблаговременно и соблюдены способы доставки судебной корреспонденции. Такие признаки являются критериями надлежащего судебного извещения [2, с. 161–162].

В соответствии с ч. 5 ст. 140 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) судебное извещение должно осуществляться с таким расчетом, чтобы участники процесса имели достаточное время для подготовки к делу и своевременной явки в суд. Согласно ч. 5 ст. 143 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) судебное извещение должно обеспечивать участникам процесса необходимое время для своевременной явки в суд в назначенный срок и подготовки к делу. Следовательно, оба кодекса исходят из

необходимости при оценке того, было ли судебное извещение участника процесса надлежащим, исходить из критерия своевременности.

Своевременность судебного извещения предполагает, что оно было осуществлено судом в надлежащие сроки. Собственно, с точки зрения лексического толкования слово «своевременный» означает «предпринятый, сделанный, происходящий в надлежащее или назначенное время». Однако, как вытекает из приведенных выше норм, ни ГПК, ни ХПК не оперируют конкретными сроками. Наоборот, исходят из свободы судебного усмотрения в этом вопросе, поскольку рассматривающий дело суд наделяется широкими полномочиями оценивать своевременность вручения судебных извещений и вызовов.

По мнению М. Г. Цуцковой, только заблаговременная фактическая передача соответствующей информации должна рассматриваться в качестве «идеального извещения» [3, с. 61]. Однако «заблаговременность извещения» является оценочным понятием. Буквально «заблаговременный» означает «осуществимый заранее, предварительно». Например, в абз. 1 ч. 1 ст. 121 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации установлен 15-дневный срок направления извещения до начала судебного заседания или совершения процессуального действия. Однако в доктрине эффективность подобной нормы подверглась сомнению. Так, указывается, что минимальный срок не всегда может быть достаточным, если сторона дела имеет отдаленное место жительства (нахождения) от места рассмотрения дела. Более того, отмечается, что заблаговременность судебного извещения не может быть урегулирована на законодательном уровне, а должна быть предметом судебного усмотрения в конкретном случае с учетом разнообразных факторов [3, с. 58]. Полагаем, с данным утверждением можно согласиться лишь частично. В данном случае смешиваются разные понятия: оценка факта состоявшегося судебного извещения и установленное требование к моменту исполнения судом соответствующей обязанности.

Действительно, неразумно утверждать, что «заблаговременность» должна или может быть предметом регулирования нормами права. Ее следует рассматривать как фактор, позволяющий оценить в конкретной ситуации, было ли судебное извещение надлежащим. Напротив, минимальный срок направления судебного уведомления как фактор, влияющий на исполнение судом обязанности надлежащим образом осуществить судебное извещение, вполне может быть установлен процессуальной нормой. При этом справедливо отметить, что подобный срок должен быть такой продолжительности, чтобы гарантировать между моментом получения соответствующего уведомления и датой проведения судебного заседания или отдельного процессуального действия достаточный отрезок времени для обеспечения подготовки и явки в суд.

Под «заблаговременностью» судебного извещения справедливо предлагается понимать достаточность срока для подготовки участника процесса и его явки в суд [3, с. 74–75]. Однако в таком случае следует определить, что подразумевает под собой «достаточность». Лексическое

значение слова «достаточный» означает «удовлетворяющий потребностям или необходимым условиям». В контексте судебного извещения подобные требования касаются временного отрезка с момента получения уведомления до даты явки в суд, которого заинтересованному лицу должно хватить для того, чтобы изучить материалы дела, подготовить документы и иные доказательства, обеспечить свою явку и т. п. Так, и по мнению ЕСПЧ, формальная отправка письма с уведомлением не является надлежащей, если у суда отсутствует уверенность в получении его участником процесса своевременно. Он неоднократно подчеркивал, что «сторона разбирательства должна быть вызвана в суд таким образом, чтобы не только знать о дате и месте проведения заседания, но и иметь достаточно времени, чтобы успеть подготовиться к делу и явиться на разбирательство в суд» (в частности, *Aždajić v. Slovenia* (№ 71872/12), *Kolegovy v. Russia* (№ 15226/05), *Gusak v. Russia* (№ 28956/05) и др.). Иной подход расценивается как не гарантирующий сторонам справедливое разбирательство [4; 5; 6].

Разъясняя судам то, какой срок следует признавать достаточным, чтобы квалифицировать судебное извещение надлежащим, Верховный Суд Российской Федерации указал на необходимость учитывать такие факторы, как место жительства лиц, участвующих в деле, их осведомленность об обстоятельствах дела, возможность подготовиться к судебному разбирательству, а также сложность дела.

Возвращаясь к положениям действующего процессуального законодательства, необходимо отметить, что в ГПК и ХПК по-разному текстуально закрепляется требование «заблаговременности» судебного извещения. Так, в ч. 5 ст. 140 ХПК говорится о «достаточном» времени, а в ч. 5 ст. 143 ГПК – о «необходимом» времени. При этом лексическое значение слов «достаточный» и «необходимый» не является тождественным, поскольку последнее означает «такой, без которого нельзя обойтись или очень нужный». Полагаем, что более точно характеризует фактор «заблаговременности» судебного извещения слово «достаточный». В контексте судебного извещения оно будет означать, что соответствующий срок удовлетворяет установленным условиям, т. е. его должно хватить на то, чтобы успеть подготовиться и добраться до суда или места совершения процессуального действия. Это может быть оценено не только участником процесса, но и самим судом на основе определенных объективных факторов. Использование слова «необходимый» в данном случае является неудачным, так как понимание того, какой срок является «необходимым» по требованиям формальной логики должно толковаться как «абсолютное требование», что недостижимо, так как понимание этого всегда будет различаться с точки зрения суда и заинтересованного лица.

Это согласуется не только с судебной практикой ЕСПЧ, но и практикой применения Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам 1965 г. (далее – Конвенция о вручении 1965 г.) [7, с. 204–205]. В частности, оценивая достаточность времени в отношении иностранного лица, судья должен

учесть необходимость подготовки и перевода определенных документов, их легализации, удаленность его местожительства (местонахождения), сроки исполнения судебных поручений в соответствующей стране и т. п. При этом практика национальных судов в этом вопросе существенно различается. Например, в одном из дел итальянский суд признал период в 28 дней недостаточным для надлежащей подготовки и явки в суд ответчика из Финляндии, а для французского суда при выдаче экзекватуры по решению голландского суда достаточным оказался 15-дневный срок [7, с. 204–205]. В отечественной судебной практике возникла ситуация, когда судебное поручение не было исполнено Министерством юстиции Литовской Республики, и оно попросило назначить другую дату подготовительного судебного заседания, так как поручение поступило за 6 дней до заседания. Соответственно, ответчик не был признан надлежаще уведомленным, поскольку указанный срок был признан судом недостаточным.

В ч. 3 ст. 170 ХПК установлены минимальные сроки назначения подготовительного судебного заседания по делам с участием иностранных лиц, в частности, не менее чем за один месяц, а при необходимости перевода документов на иностранный язык или на один из государственных языков Республики Беларусь, – не менее чем за шесть месяцев, если иное не установлено законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь. О недостатках формулировки указанной нормы ХПК мы уже ранее высказывались [8]. Из обобщения судебной практики вытекает, что из-за формального подхода экономических судов временной отрезок между фактическим получением судебного извещения и днем судебного заседания, как правило, очень незначительный. Например, весьма распространена практика назначения даты проведения подготовительного судебного заседания ровно за месяц. Формально требования ч. 3 ст. 170 ХПК в такой ситуации, конечно, соблюдаются, однако это нельзя признать рациональным с точки зрения соблюдения критерия своевременности судебного извещения.

В ст. 110 проекта Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – проект КГС) минимальный срок направления судебного уведомления в качестве общего правила также не установлен. Однако извещение государственных органов, юридических лиц, являющихся лицами, участвующими в деле, путем размещения информации о времени и месте судебного заседания на едином Интернет-портале судов общей юрисдикции Республики Беларусь должно осуществляться в срок не позднее пяти дней до его начала. Вместе с тем установление общего требования относительно минимального срока направления извещения независимо от его способа создавала бы большие гарантии обеспечения права на справедливое судебное разбирательство. Кроме того, вместо требования «достаточности» времени как фактора «заблаговременного» судебного извещения в ч. 2 ст. 110 проекта КГС говорится о его «необходимости». Тем не менее в ч. 2 ст. 263 указывается, что только в случае неполучения копий искового заявления и прилагаемых к нему документов судебное разбирательство откладывается

при условии, что ответчик не дает согласия на предложение рассмотрения дела в данном заседании. Однако это не согласуется с правилом ч. 2 ст. 110 проекта КГС, так как и в ситуации, когда такие копии им были получены, но времени для подготовки к делу ему не хватило, судом должен решаться вопрос об отложении его разбирательства с учетом мнения ответчика.

Таким образом, одним из критериев надлежащего судебного извещения является своевременность. Как субъективный критерий он предопределяется таким фактором, как «заблаговременность», т. е. судебное извещение участника процесса в срок (с момента получения уведомления до даты заседания или совершения процессуального действия), удовлетворяющий установленным условиям достаточности для подготовки и явки в суд. Необходимым компонентом своевременности судебного извещения следует признать минимальный срок исполнения судом обязанности по судебному извещению участников процесса, который должен устанавливаться независимо от способа извещения, что требует законодательного закрепления. Такой подход создаст необходимые условия к обеспечению процессуальной формы и будет соответствовать целям судопроизводства. Вместе с тем действующие нормы, а также положения проекта КГС не отвечают требованиям полноты отражения рассматриваемого критерия надлежащего судебного извещения и требуют дальнейшего совершенствования.

Список использованных источников

1. Case of Zagorodnikov v. Russia [Electronic resource] : [judgment] // The European Court of Human Rights. – Mode of access: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-80947>. – Date of access: 28.08.2022.

2. Бесецкая, Н. А. Критерии надлежащего извещения иностранных лиц в хозяйственном процессе / Н. А. Бесецкая // Право.by. – 2009. – № 4. – С. 158–164.

3. Цуцкова, М. Г. Информационное обеспечение в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / М. Г. Цуцкова. – Саратов, 2015. – 182 л.

4. Case of Aždajić v. Slovenia [Electronic resource] : [judgment] // The European Court of Human Rights. – Mode of access: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-157537>. – Date of access: 28.08.2022.

5. Case of Kolegovy v. Russia [Electronic resource] : [judgment] // The European Court of Human Rights. – Mode of access: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109298>. – Date of access: 28.08.2022.

6. Case of Gusak v. Russia [Electronic resource] : [judgment] // The European Court of Human Rights. – Mode of access: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-104998>. – Date of access: 28.08.2022.

7. Практическое руководство по применению Гаагской конвенции от 15 ноября 1965 года о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам = Practical handbook on the operation of The Hague convention of 15 november 1965 on the service abroad of

Judicial and extrajudicial documents in civil or commercial matters / [пер. с англ. А. Н. Жильцов и др.]. – Изд. 3-е. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 320 с.

8. Бесецкая, Н. А. К вопросу об участии иностранных лиц в подготовительном судебном заседании в хозяйственном процессе / Н. А. Бесецкая // Актуальные проблемы публичного и частного права : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9 апр. 2015 г. / редкол.: Г. А. Короленок, Т. С. Таранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Экоперспектива, 2015. – С. 123–126.

Болохонов Б. С.
**К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ВИД ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА»**

Болохонов Борис Сергеевич, магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
пер. Доватора 3/1, 230020, г. Гродно, Беларусь, ryss08@gmail.com*

Анализируется термин «производство» и его разновидности, различные подходы доктрины к устоявшейся терминологии в рамках видов судопроизводства. Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием в настоящее время единого подхода к видам цивилистического судопроизводства, проблемам дефиниции, критериям дифференциации. Автор предлагает оптимальный вариант корректировки терминологического аппарата.

Ключевые слова: вид гражданского судопроизводства; вид хозяйственного судопроизводства; вид производства; вид цивилистического судопроизводства.

Bolokhonov B. S.
**ON THE QUESTION OF THE TERM TYPE OF CIVIL LEGAL
PROCEEDINGS**

*Bolokhonov Boris S., master of laws, senior lecturer at the department of civil law and procedure, faculty of law,
Grodno State University named after Yanka Kupala,
3/1 Dovatora lane, Grodno 230020, Belarus, ryss08@gmail.com*

The article analyzes the term «proceeding» and its varieties, various approaches of the doctrine to the established terminology within the framework of the types of legal proceedings. The relevance of the research topic is due to the current lack of a unified approach to the types of civil legal proceedings, the problems of definition, and differentiation criteria. The author offers the best option for correcting the terminological apparatus.

Keywords: type of civil legal proceedings; type of economic legal proceedings; type of proceedings; type of civil legal proceedings.

Согласно ст. 60 Конституции Республики Беларусь «каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в порядке и сроки, определенные законом». В соответствии со ст. 6 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) за защитой нарушенного права или оспариваемого

права либо охраняемого законом интереса лицо может обратиться в суд в установленном законом порядке (в отношении гражданских и экономических дел – в порядке гражданского и хозяйственного судопроизводства).

Гражданскими, в узком смысле, считаются дела, возникающие из гражданских (частных) правоотношений. В широком смысле гражданскими можно назвать дела, которые возникают также из земельных, трудовых, семейных, банковских, финансовых и других правоотношений, т. е. дела, затрагивающие субъективные гражданские права (как в частноправовой, так и публично-правовой областях). Аналогичным образом можно определить и экономические дела, которые, в узком смысле, представляют собой дела по спорам, вытекающим из хозяйственных правоотношений между субъектами предпринимательской деятельности, органов публичной власти, а в широком смысле представляют собой все дела, рассматриваемые по правилам хозяйственного судопроизводства.

В отечественной и зарубежной доктрине не раз поднималась тема наличия большого количества точек соприкосновения между гражданским процессуальным и хозяйственным процессуальным законодательством, в которых используются тождественные принципы и методы регулирования, аналогичная процессуальная форма, средства судебной защиты (иск, жалоба, заявление, заявление о судебном приказе), одноименные институты и производства [1, с. 496].

Наряду с большим количеством точек соприкосновения гражданского и хозяйственного процессуального судопроизводства сложно отрицать наличие значительного числа расхождений правового регулирования тождественных вопросов, а сформировавшаяся в настоящее время система терминов и определений, используемых в рамках гражданского и хозяйственного процесса, далека от идеала и требует совершенствования в контексте унификации двух процессов.

Целесообразно согласиться с предложенным рядом автором подходом, согласно которому, «руководствуясь необходимостью унификации процессуального законодательства, при рассмотрении вопроса о видах судопроизводства в гражданском и хозяйственном (арбитражном) процессах» [2, с. 191], наиболее уместным является использование термина «цивилистический процесс», который не употребляется в законодательстве, но все чаще встречается в работах как практиков [3], так и ученых-правоведов.

Для обозначения обобщенных правил, особенностей рассмотрения и разрешения групп категорий дел в науке и законодательстве используется термин «вид производства», который не имеет легального определения и встречается в различных контекстах, значениях и вариациях. Более того, законодатель не закрепляет однозначного определения терминов «судопроизводство»/«производство», «гражданское» или «хозяйственное (арбитражное) судопроизводство». Отечественная и зарубежная доктрина также не смогла сформировать единый подход относительно рассматриваемого института, в то время как «отсутствие единого терминологического аппарата ... осложняет процесс выработки единых

критериев для разграничения видов гражданского судопроизводства» [2, с. 190].

В связи с отсутствием единого подхода к закреплению видов цивилистического судопроизводства, правила которых в гражданском процессуальном и хозяйственном процессуальном законодательстве урегулированы по-разному, рассмотрение вопроса об унификации доктринальных и законодательных подходов в свете разработки концепции Кодекса гражданского судопроизводства особенно актуально.

Анализируемая проблема актуальна не только для отечественного цивилистического процесса. Так, Е. Н. Лысенкова, обоснованно указывает, что действующая в Российской Федерации «система видов производств носит рваный характер и не отвечает признаку последовательности» [4, с. 44].

Сложившееся в настоящее время разобщение точек зрения обусловило использование в работах множества различных вариаций термина искомого института: «вид производства», «вид судопроизводства», «вид гражданского (хозяйственного, арбитражного) судопроизводства», «вид гражданского (хозяйственного, арбитражного) производства», «вид цивилистического (судо) производства».

Большинство отечественных и зарубежных авторов используют по тексту работ несколько этих терминов как синонимичные (однопорядковые) [5, с. 17; 6, с. 375]. В качестве термина, который объединяет в себе правила разрешения и рассмотрения однородных категорий дела в гражданском и хозяйственном процессе, ряд ученых используют также «тип производства» [6, с. 376], некоторые – «категории дел», «судебные процедуры» [7]. Ряд авторов использует термин «виды судебных производств» [8, с. 14–15], что, с нашей точки зрения, является расширенным вариантом термина «вид судопроизводства».

Как альтернативы термина «вид судопроизводства» используются также «правила» или «порядки» [9, с. 20], «формы процесса» [4, с. 43–44], «формы судопроизводства» и «виды процесса» [10, с. 10–11]. Причем как в доктрине, так и в нормативных актах.

Например, процессуальное законодательство Украины закрепляет формы хозяйственного судопроизводства, выраженные в определенных порядках (приказного и искового (общего и упрощенного)) (ст. 12 ХПК Украины) или формы административного судопроизводства в суде первой инстанции: 1) общая (исковая, ч. 3 ст. 12 Кодекс административного судопроизводства (КАС) Украины); 2) упрощенная (ч. 2 ст. 12 КАС Украины). Ряд ученых рассматривают также «вид судопроизводства» и «форму судопроизводства» как синонимы [11, с. 145].

Отмечается в доктрине тождественность смысловой нагрузки терминов «порядок», «процедура» и «производство (судопроизводство)» и, в целях устранения путаницы, предлагается использовать один термин – «судебная процедура» [12, с. 36].

Считаем, что формирование подходов к видам цивилистического производства в России предопределяет закрепление на уровне Основного

Закона страны положения о видах судебного производства (уголовного, гражданского, административного, экономического (арбитражного)), что способствует толкованию доктриной термина «вид судопроизводства» в широком его значении, а также развитие и становление в качестве самостоятельной формы судопроизводства административной юстиции.

Так, Российский законодатель закрепил в Конституции видение видов судопроизводства установив, что «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства» (ч.2 ст.118 Конституции Российской Федерации). Этот факт стал основанием для изучения вопроса о «видах судопроизводства» не иначе как в контексте дифференциации судопроизводства в целом на конституционное, гражданское и арбитражное (хозяйственное), административное и уголовное.

Т. В. Сахнова, анализируя термины «вид судопроизводства» и «вид производства», указывает, что «первая категория по своему смыслу тяготеет к конституционно определяемому типу процесса» [13, с. 73], а применительно к дифференциации цивилистического процесса автор предпочитает использовать термин «вид производства» [13, с. 73].

Очевидно, что при определении подхода к вопросу дефиниции терминов и изложения норм Основного Закона законодатель основывается на действующем в настоящее время массиве правовых актов и терминологии, принятой в законодательстве и доктрине. При анализе схожих норм в конституциях иных стран можем заметить отсутствие однозначного подхода к рассматриваемому вопросу.

Так, в ст. 75 Конституции Республики Казахстан отмечается, что «судебная власть осуществляется посредством гражданского, уголовного и иных установленных законом форм судопроизводства». Аналогичное указание именно на форму судопроизводства содержится в Конституциях Азербайджана (ст. 125) и Киргизии (ст. 94). Примечательно, что конституции Узбекистана, Грузии, Армении, Молдовы, Таджикистана, Украины не содержат нормы, которая закрепляла бы дифференциацию судопроизводства на виды.

Не содержал тождественную норму и отечественный Основной Закон до проведения Республиканского референдума по вопросу внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. Тождественное положение в национальном законодательстве было закреплено только в ст. 2 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, в которой определялось, что «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного, административного судопроизводства и судопроизводства по экономическим делам», что обуславливало в отечественной правовой науке подходы ученых, которые процессуальные порядки и формы рассмотрения и разрешения дел называли не иначе как «виды производств» [14, с. 32].

Понятие «форма» судопроизводства в отечественном законодательстве почти не использовалось и является, скорее, доктринальным. Однако в результате проведенного Республиканского референдума Конституция

Республики Беларусь была дополнена рядом статей, в том числе ст. 112¹, согласно которой правосудие в Республики Беларусь осуществляется «посредством гражданского, уголовного и иных форм судопроизводства, предусмотренных законом».

Под термином «форма защиты права» обычно понимается «определяемая законом деятельность компетентных органов по защите права, т. е. по установлению фактических обстоятельств, применению к ним норм права, определению способа защиты права, вынесению решения и осуществлению контроля за его исполнением» [15, с.23]. В данном случае доктрина сталкивается уже с другой правовой коллизией – противопоставление терминов «форма судопроизводства» и «гражданско-правовая форма».

Вместе с тем прямое указание на уровне национального Основного Закона, а также закрепление в конституциях иных государств (Казахстана, Азербайджана, Киргизии) термина «формы судопроизводства» в отношении гражданского, уголовного, административного, хозяйственного судопроизводства однозначно дает возможность применять в отношении правил разрешения и рассмотрения однородных категорий гражданских и экономических дел термин «вид судопроизводства».

Анализируя сложившиеся доктринальные, законодательные подходы к выбору термина для групп однородных категорий гражданских и экономических дел в суде первой инстанции, мы выявили логическое противоречие, при котором в случае использования термина «вид судопроизводства» в отношении исследуемого института, то, следуя законам логики, отдельные виды должны называться «исковое судопроизводство» «приказное судопроизводство» и т. д. Ни в доктрине, ни у законодателя такая терминология не встречается и вряд ли может считаться верной, а правила рассмотрения и разрешения категорий дел именуются «производствами».

В связи с этим, анализируя правовое регулирование различных производств в рамках гражданского, хозяйственного процесса и точки зрения доктрины, можно определить, что производство в рамках цивилистического процесса представляет собой закрепленную законом совокупность определенных процессуальных действий, исполнение которых способствует достижению целей правосудия.

Изначально термин «производство» законодателем употреблялся только в одном значении – «характеристика отдельных этапов движения дела» [16, с. 194]. В настоящее время, в связи с широким распространением рассматриваемого термина во всем цивилистическом процессе, необходимо разбираться в некоторых условностях и понимать контекст, в котором он употребляется. Изучение видов цивилистического судопроизводства требует их отграничения от смежных понятий.

Так, не являются самостоятельными видами цивилистического судопроизводства: производства по конкретным делам (о выселении, возмещении убытков и т. п.); производство в значении определенной судебной процедуры (например, заочное рассмотрение дела в случае неявки в судебное заседание ответчика); правила рассмотрения хозяйственных (экономических)

споров и иных дел с участием иностранных лиц (глава 27 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК)), которые также именуется производством.

Последние, с нашей точки зрения, не будут являться самостоятельным видом, несмотря даже на тот факт, что ряд представителей доктрины ставят их в один ряд с видами цивилистического судопроизводства [17, с. 354]. Нормы, описывающие особенности правоотношений, усложненных иностранным элементом, «регулируют специальные правила применительно к тому порядку, который установлен в соответствующих видах судопроизводства» [18, с. 9]. Иными словами, общий порядок данного производства «поглощается» правилами искового или иных видов цивилистического судопроизводства. Справедливым будет заметить, что схожие правила в рамках гражданского процесса описываются в отдельном разделе X ГПК «Международный гражданский процесс».

Не являются видами цивилистического судопроизводства «виды-стадии» – производства, связанные с движением гражданского и экономических дел через определенные судебные процедуры в рамках одного вида судопроизводства [13, с. 73].

Первые три вида-стадии движения гражданского дела (предъявление заявления, подготовка дела, судебное разбирательство) охватываются понятием «производство в суде первой инстанции». В судах, рассматривающих дела по пересмотру вступивших и не вступивших в законную силу решений суда, выделяют также апелляционное, кассационное и надзорное производство. В рамках стадии исполнения судебных решений обычно говорят про исполнительное производство. Во всех вышеперечисленных случаях под «производством» имеется в виду порядок рассмотрения дела в определенной судебной инстанции [16, с. 194] как естественное движение гражданского и экономического дела.

Наиболее исчерпывающее отличие видов цивилистического судопроизводства от видов-стадий можно представить в следующем: «вид производства характеризует дифференциацию гражданского процесса “по горизонтали”, а стадии гражданского процесса позволяют понять его развитие и движение “по вертикали”» [13, с. 82]. Таким образом, «стадии производства отражают логико-временные (пространственные) характеристики судебной деятельности и процессуальной деятельности всех участников гражданского процесса» [19, с. 47]. Такое распространение на всех участников судебного процесса и отличает виды-стадии от видов судебных производств.

Не можем согласиться и с подходом к дифференциации цивилистического процесса, который был предложен В. Б. Гольцовым. Автор использует термины «виды гражданского процесса» и «виды арбитражного процесса»; относит к видам гражданского процесса (помимо «классических» видов судопроизводства) также заочное производство; использует обобщающий термин «производство по иным делам» [20, с. 140], что, с нашей точки зрения, представляется не совсем верным, так как объединяет совокупность разнородных производств в рамках цивилистического процесса.

Сам термин «производство» в гражданском процессе считаем достаточно широким, способным регулировать одновременно особенности рассмотрения и разрешения конкретного гражданского или экономического дела, процессуальные особенности процесса, связанные с явкой/неявкой одной из сторон (заочное, ускоренное производство и др.), характеризовать стадии рассмотрения конкретного дела (производство в первой инстанции, кассационное и пр.), однако при всем этом неспособным в своем содержании включить все ключевые аспекты рассмотрения и разрешения группы категории дел, охватываемых термином «вид цивилистического судопроизводства» и, следовательно, использование термина «вид производства» в исследуемом нами контексте требует переосмысления.

Использование доктриной одновременно двух терминов («вид производства/судопроизводства») применительно к рассматриваемому институту – расхождение с позицией законодательства, которое использует термин «производство» как для видов производств, так и видов-стадий, неизбежно влечет путаницу в понимании и правоприменении этого института. Если учесть, что в ХПК не закрепляется перечень видов и особенности рассмотрения отдельных категорий дел называются «производством», то процесс унификации цивилистического процессуального законодательства может столкнуться с неразрешимыми проблемами уже на уровне понятийного аппарата.

С нашей точки зрения, при наличии широкого перечня производств в цивилистическом процессе (производства первой, второй, надзорной и других инстанций, заочное, сокращенное производство) наиболее предпочтительным представляется использование терминов «вид цивилистического судопроизводства» или «вид судопроизводства» как однопорядковых. Это позволило бы выделить предметно искомый институт из общего числа «производств» цивилистического процесса, упростить правоприменение, и правопонимание рассматриваемого института было бы исторически ближе к отечественному цивилистическому процессу.

Список использованных источников

1. Колядко, И. Н. Теоретические предпосылки единого Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь / И. Н. Колядко // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 495–498.

2. Рожкова, М. А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / М. А. Рожкова, М. Е. Глазкова, М. А. Савина. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. – 304 с.

3. Алещенко, А. Кассационный порядок проверки вступивших в законную силу судебных постановлений в цивилистическом процессе / А. Алещенко // Судебный вестник. – 2021. – № 1. – С. 10–16.

4. Лысенкова, Е. Н. К вопросу о дифференциации арбитражного судопроизводства / Е. Н. Лысенкова // Проблемы судопроизводства по делам, возникающим из гражданских и административных правоотношений : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 октября 2016 г. / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – СПб : Издательский дом «Петрополис», 2017. – С. 43–49.

5. Гражданский процесс : учебник / В. Г. Тихиня. – Минск : Вышэйшая школа, 2019. – 415 с.

6. Лазарев, С. В. Российский гражданский процесс в поиске критерия деления производств на виды / С. В. Лазарев // Проблемы судопроизводства по делам, возникающим из гражданских и административных правоотношений : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 октября 2016 г. / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – СПб : Издательский дом «Петрополис», 2017. – С. 375–383.

7. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. В. Яркова. – М. : БЕК, 2011. – 1152 с.

8. Арбитражный процесс: учебник / под ред. А. А. Демичева. – М. : ЮСТИЦИЯ, 2021. – 320 с.

9. Филиппов, П. М. Арбитражный процесс : учебник / П. М. Филиппов, С. Ю. Семёнова. – М. : ЮСТИЦИЯ, 2021. – 206 с.

10. Морейн, И. Б. Основные вопросы теории особого производства в советском гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Б. Морейн ; Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Юрид. фак. – Ленинград : [б. и.], 1951. – 32 с.

11. Цвиркун, Ю. Формы административного судопроизводства при рассмотрении дел по обжалованию решений, действий или бездействия коллегиальных субъектов публичной администрации / Ю. Цвиркун // LEGEA ŞI VIAȚA. – 2019. – № 1.– С. 143–150.

12. Дегтярев, С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве : теоретико-прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / С. Л. Дегтярев; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2008. – 51 с.

13. Сахнова, Т. В. Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. – М. : Статут, 2014. – 784 с.

14. Белова, Т. А. Правовое положение нотариуса в гражданском и хозяйственном судопроизводстве / Т. А. Белова // Вестник Высшего Хозяйственного Суда. – 2009. – № 8. – С. 31–38.

15. Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушниковой. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2014. – 960 с.

16. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / Н. В. Виртук [и др] ; под ред.: В. М. Горшенева, П. Е. Недбайло. – М. : Юрид. лит., 1976. – 279 с.

17. Семибратова, В. З. Виды гражданского судопроизводства и стадии гражданского процесса / В. З. Семибратова, К. Е. Бочкалова // Молодой ученый. – 2022. – № 23 (418). – С. 354-356.

18. Романова, О. Н. Международный гражданский процесс : курс лекций / О. Н. Романова. – Минск : БГУ, 2015. – 78 с.

19. Комаров, В. В. Цивільне процесуальне законодавство у динаміці розвитку та практиці Верховного Суду України / В. В. Комаров. – Х. : Право, 2012. – 624 с.

20. Гольцов, В. Б. Правовое регулирование участия судебных органов в гражданских правоотношениях / В. Б. Гольцов, Е. Б. Самсонова, Н. М. Голованов. – СПб : СПбГАСУ, 2018. – 211 с.

Бритова Т. К.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ
ТРУДОВЫХ ПРАВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

*Бритова Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент;
доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического
факультета,*

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, britovatatyana62@yandex.ru*

Рассматриваются вопросы теории и практики защиты трудовых прав работников. Сделан сравнительный анализ действующего национального законодательства в области защиты трудовых прав с российским законодательством, обозначены в связи с этим некоторые проблемы правового регулирования. Отмечено, что среди внесудебных способов защиты в действующем трудовом законодательстве отсутствует указание на такой способ, как альтернативное урегулирование индивидуального трудового спора посредством медиации. Изложены предложения по совершенствованию белорусского законодательства в сфере самозащиты трудовых прав.

Ключевые слова: трудовые права работника; наниматель; трудовые споры; защита трудовых прав; медиация.

Britova T. K.

**SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF LABOR RIGHTS
PROTECTION: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECT**

*Britova Tatiana K., PhD (law), docent; associate professor
at the department of civil procedure and labor law, faculty of law,
Belarusian State University,*

4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, britovatatyana62@yandex.ru

The article discusses the theory and practice of protecting the labor rights of employees. Comparative analysis of the current national legislation in the field of protection of labor rights with russian legislation is made, in this regard some problems of legal regulation are identified. Among the non-judicial methods of protection in the current labor legislation such a method as an alternative settlement of an individual labor dispute through mediation is absent. The proposals for improving the belarusian legislation in the field of self-protection of labor rights are outlined.

Keywords: labor rights of an employee; employer; labor disputes; protection of labor rights; mediation.

Трудовое законодательство изначально возникло и совершенствовалось как средство государственно-правовой защиты работников от произвола и злоупотребления нанимателями своей властью, поэтому именно защитная функция присуща ему на протяжении всей истории его существования. Особенно в настоящее время нацеленность на защиту прав, гарантий и интересов наемных работников является основной чертой трудового законодательства, отличающей его от других отраслей белорусского законодательства и позволяющей ему занимать свое особое место среди них.

Несомненно, именно институт защиты трудовых прав является важнейшей юридической категорией, занимающей одно из центральных мест в системе отрасли трудового права. Данный феномен находится в неразрывной связи и единстве с понятием самого субъективного права, о чем многократно отмечалось в научных исследованиях. Субъективное право, как известно, представляет собой диалектическое единство трех взаимообусловленных возможностей: возможность определенного поведения обладателя права; возможность предъявления требований о надлежащем поведении обязанным лицам; возможность управомоченного лица применять меры правоохранительного характера для восстановления его нарушенного или оспариваемого права, а также для устранения препятствий на пути его осуществления.

Далее рассматривая теоретический аспект, связанный с проблемой защиты трудовых прав, отметим, что некоторые авторы считали, что именно третья возможность не входит в содержание субъективного права, а является неотъемлемым признаком двух первых правомочий. Однако, думается, что принципиальных различий между этими точками зрения нет, поскольку в каждой из них право на защиту рассматривается в тесной взаимосвязи с самим субъективным правом. Что касается характера и способов защиты трудовых прав, то их специфика и особенности определяются и связаны с особенностями предмета и метода правового регулирования трудового права. Следует особо подчеркнуть в контексте вышесказанного, что одним из первых в свое время в советской науке трудового права вопросы осуществления субъективных трудовых прав рассмотрел К. П. Уржинский. Он отмечал также и основные характеристики осуществления трудовых прав при социализме, такие как «осуществление в единстве трудовых прав и обязанностей, обеспечение правовыми гарантиями осуществления трудовых прав рабочих и служащих, добровольность реализации субъективных прав...» [1, с. 118]. В связи с этим ученый считал, что сочетание публичных и частных начал в осуществлении субъективных прав означает самостоятельность субъективного права в определении места и времени реализации своих правомочий, а также при решении вопроса о том, использовать или нет свое право [2, с. 68]. С другой стороны, в нормативном порядке устанавливаются сроки реализации ряда прав: пресекательные сроки привлечения работника к материальной и дисциплинарной ответственности, сроки исковой давности защиты прав работника.

Вопросы защиты трудовых прав широко исследовались и другими учеными того времени. Как справедливо отмечали ведущие специалисты науки трудового права С. А. Иванов, Р. З. Лившиц, В. Н. Скобелкин, Ю. П. Орловский и ряд других, защита трудовых прав и обеспечение выполнения обязанностей достигаются с помощью различных средств: контроль за соблюдением законодательства, применение санкций, профилактика нарушений, рассмотрение жалоб, разрешение трудовых споров. Так, Ю. П. Орловский к основным способам защиты трудовых прав и свобод совершенно правильно еще тогда относил «самозащиту работниками трудовых прав; защиту трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами; государственный надзор и т. д.» [3, с. 770]. И далее ученый подчеркивал, что работник сам вправе выбрать ту форму защиты нарушенных прав, которая, по его мнению, является наиболее эффективной.

Таким образом, говоря о выборе работником эффективных форм самозащиты, нельзя не согласиться с точкой зрения нашего известного белорусского ученого Л. Я. Островского, который правильно отметил, что профсоюзы в Республике Беларусь в настоящее время являются единственным законным представителем работников как в коллективно-договорном, так и в других процессах [4, с. 279]. По этой причине вопрос о правовом статусе представительного органа в трудовом праве требует отдельного детального рассмотрения и урегулирования. На наш взгляд, данные исследования, которые проводились еще в прошлом столетии, не потеряли своей научно-практической актуальности и в настоящее время, а сама юридическая категория защиты трудовых прав наполняется новым содержанием, соответствующим современным реалиям становления и формирования рыночных отношений. Так, например, на Пресс-конференции, проходившей в режиме онлайн 27 апреля 2021 г., которую проводил Международный Пресс-Центр МКР-Медиа, данная тема стала предметом широкого обсуждения научными и практическими работниками.

Какие же позитивные изменения произошли за последние годы, а также какие проблемные моменты можно выделить в данной сфере в настоящее время и прежде всего в законодательстве Республики Беларусь? Для ответа на этот сложный вопрос необходимо обратиться к его исторической составляющей. В контексте сказанного обратим внимание на то, что, начиная с конца 90-х гг. прошлого столетия, в трудовом законодательстве в основном всех бывших союзных республик после распада СССР (ныне независимых государств) произошли значительные изменения и обновления, которые коснулись многих институтов трудового права и, конечно же, института защиты трудовых прав. В связи с этим, говоря об истории становления и развития нормативного регулирования именно этого института, основываясь на анализе законодательства, можно сделать вывод о том, что оно достаточно стабильно и за последнее десятилетие практически не изменялось, что, несомненно, является положительным моментом. Так, в Трудовом кодексе Республики Беларусь в свое время были структурно

закреплены в трех разделах, помимо других, такие два института, как разрешение трудовых споров и ответственность за нарушение трудового законодательства. Речь идет о трех главах этого источника трудового права: главе 17, регулирующей разрешение индивидуальных трудовых споров; главе 36, закрепляющей разрешение коллективных трудовых споров и главе 39, регламентирующей надзор за соблюдением законодательства о труде и общественный контроль за соблюдением законодательства о труде. Поскольку совершенство или, наоборот, несовершенство норм действующего законодательства можно увидеть, только проведя их сравнительный анализ, то будет интересно и полезно обратиться к опыту российского законодателя. Обратим внимание, что в Трудовом кодексе Российской Федерации (ТК РФ) есть раздел 13, в котором, на наш взгляд, более логично и весьма объемно содержатся правовые положения, представленные впервые совместно в виде самостоятельной части этого кодекса и объединенные в его отдельный раздел, где законодательно закреплены такие три комплексных правовых института, как защита трудовых прав работников, разрешение трудовых споров и ответственность за нарушение трудового законодательства. Отметим, что в отличие от Трудового кодекса Республики Беларусь, в своей совокупности они изложены в семи главах Трудового кодекса Российской Федерации, в которых отражены общие положения, регламентируется государственный надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, установлена защита трудовых прав работников профессиональными союзами, регулируется рассмотрение индивидуальных и коллективных трудовых споров, а также указывается на ответственность за нарушение трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права. И далее продолжая сравнивать эти два важнейших источника трудового права, можно с уверенностью сказать об очевидном преимуществе российского Трудового кодекса. Так, например, в главе 56 Трудового кодекса Российской Федерации установлены и перечислены три способа защиты трудовых прав и законных интересов работников, к которым отнесены: государственный надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства, защита трудовых прав профессиональными союзами и самозащита работниками трудовых прав (ст. 352 ТК РФ). Установленный таким образом в одной главе, состоящей из одной статьи, перечень указал как бы их иерархию, их систему и некую их завершенность, определяя дальнейшую правовую регламентацию этих способов, которая дана в последующих трех главах (гл. 57–59 ТК РФ).

Анализируя далее современное состояние национального законодательства в сфере защиты трудовых прав, отметив выше позитивные моменты, хотелось бы обратить внимание и на некоторые недоработки законодателя. Несмотря на то, что законодательство в этой области практически стабильно, о чем уже говорилось, оно все же не лишено определенных изменений, которые были внесены в Трудовой кодекс Республики Беларусь, и вряд ли их можно назвать положительными. Так,

например, изменения и дополнения, которые в него внесены Законом Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 272-З, исключили целую главу 38, регламентирующую ответственность нанимателя за вред, причиненный жизни и здоровью работников, связанный с исполнением ими своих трудовых обязанностей (напомним, что в этой главе было 52 статьи). Исходя из названия главы, можно судить о степени ее значимости для наемных работников. Что касается относительно более новых изменений этого характера, то в 2019 г. Законом № 219-З была исключена из главы 39 всего одна ст. 464, которая регулировала взаимодействие органов, уполномоченных на осуществление контроля (надзора) за соблюдением законодательства о труде. Проведенный анализ содержания статей, исключенных из Трудового кодекса Республики Беларусь, позволяет предположить, что эти действия законодателя, на наш взгляд, были недостаточно обдуманными. В то же время изложенный выше опыт законодательного регулирования в сфере защиты трудовых прав наших ближайших соседей говорит, что пределов для совершенства нет, о чем стоит серьезно задуматься нашим законодательным и законопроектным органам. В целях совершенствования законодательства Республики Беларусь в области защиты трудовых прав в условиях инновационных процессов, происходящих в союзных государствах, используя определенную положительную тенденцию преемственности в законодательстве, не противоречащую международно-правовым стандартам, предлагаем внести небольшие изменения в Трудовой кодекс Республики Беларусь, дополнив его новым разделом. Этот раздел не только закрепил бы правовой институт защиты трудовых прав работников, но и регламентировал такие институты, как разрешение трудовых споров и ответственность за нарушение трудового законодательства аналогично российскому. Такое структурное изменение Трудового кодекса, думается, сделает его не только более удобным в применении для специалистов-практиков, но и более понятным для самих работников, которые захотят сами защитить свои нарушенные законные права и интересы. Вопрос о выборе способа этой самозащиты приобретает особую актуальность в наше время и заслуживает особого внимания для его детального регулирования законодателем, поскольку работник – сторона наиболее уязвимая и нуждающаяся в защите в силу занимаемого подчиненного положения по отношению к нанимателю. Как показывает сравнительный анализ исследования национального законодательства, вопрос о способах защиты трудовых прав по-прежнему остается «открытым», поскольку, как уже неоднократно отмечалось, в Трудовом кодексе Республики Беларусь отсутствует статья, которая бы это регулировала более детально, в отличие от российского Трудового кодекса. Для устранения этого пробела в трудовом законодательстве Республики Беларусь его необходимо, на наш взгляд, подвергнуть обновлению, тем более что благоприятную почву для подобных реформ нам предоставил в свое время сам законодатель, приняв в 2013 г. Закон Республики Беларусь «О медиации», так появился у нас новый институт – институт медиации. Чтобы провести связь между медиацией и трудовым спором, отметим, как

показывает практическая составляющая, необходимость защиты трудовых прав работника появляется, как правило, в результате возникновения спора между работником и нанимателем. В связи с этим обратим внимание на научные дискуссии как представителей нашей науки, так и их коллег из ближнего зарубежья. Так, предлагаемое российским ученым В. А. Чибисовым понятие «защита трудовых прав работников» в виде комплексной системы мер, совершаемой уполномоченными субъектами и направленной на обеспечение беспрепятственной реализации трудовых прав работников в случае их нарушения (угрозы нарушения) [5, с. 2], на наш взгляд, должно подразумевать в системе этих мер не только деятельность предусмотренных законодательством уполномоченных субъектов, но в их числе и деятельность медиаторов, являющихся сторонними для спорящих лиц, но при этом обладающих определенными навыками и способностями по урегулированию споров. При этом выбор способа защиты своих нарушенных прав остается за тем, кто нуждается в такой защите. Этой точке зрения соответствует и мнение, высказанное другим российским ученым Л. В. Головкин, что именно медиация дает людям выбор в способе разрешения конфликта, так как она является процессом добровольным, а решение принимают сами спорящие, пришедшие к медиатору за помощью [6, с. 28]. В этом же контексте, но несколько позднее наш белорусский ученый О. Н. Здрок отмечает, что медиативный подход к разрешению проблемы применяется и «для предотвращения и урегулирования конфликтов в трудовых коллективах» [7, с. 265]. По этой причине, на наш взгляд, такая эффективная форма разрешения конфликтов, как медиация в виде примирительных процедур, нуждается в развитой и надежной правовой базе. Кроме того, она способствовала бы повышению качества осуществления правосудия. В то же время, говоря о развитии и совершенствовании правовой базы, нужно помнить и о том, что сам институт медиации и все, что с ним связано, появился в белорусском праве относительно недавно, в 2013 г., что само по себе является уже положительным моментом. Несмотря на то, что и учеными и практиками, судебским сообществом признана необходимость внедрения медиации как одного из приоритетных направлений по разрешению споров, вопрос о том, насколько нам необходимо специальное урегулирование применения процедуры медиации именно по трудовым спорам, может быть разрешен, как видится, через изучение имеющегося зарубежного опыта других стран. Так, например, в Китайской Народной Республике, закон с подобным названием действует уже с января 2008 г. – Закон «О медиации и арбитраже трудовых споров», принятый значительно раньше, чем в Российской Федерации и Республике Беларусь. В этом законе были, что очень важно, более подробно перечислены и категории трудовых споров, в числе которых указаны не только споры, возникающие в результате установления трудовых отношений, но и споры, касающиеся вопросов рабочего времени, времени отдыха, оплаты труда и т. д. Кроме того, китайский законодатель в ст. 10 этого же закона указывает на добровольность выбора спорящими сторонами возможности обращения

к медиатору. Приведенные примеры еще раз подтверждают необходимость комплексного подхода к регулированию процедуры медиации, рассматривая ее как один из надежных способов защиты трудовых прав.

Резюмируя сказанное, обозначив некоторые проблемы белорусского законодательства в сфере защиты трудовых прав, а также принимая во внимание опыт соответствующего правового регулирования других стран, предлагаем внести некоторые изменения в Трудовой кодекс Республики Беларусь. Во-первых, в ближайшее время внести в ст. 251, регламентирующую разрешение индивидуальных трудовых споров, дополнение, добавив еще одного независимого посредника при рассмотрении подобных споров – медиатора. Во-вторых, как более отдаленную перспективу рассмотреть вопрос о внесении изменений и дополнений, связанных с изменением структурной части этого закона, дополнив его новым отдельным разделом, который бы регулировал именно защиту трудовых прав и свобод наемных работников аналогично Трудовому кодексу Российской Федерации. Полагаем, что реализация данных предложений более полно отражала бы современные реалии, а также позитивным образом сказалась на защите трудовых прав работающих граждан.

Список использованных источников

1. Уржинский, К. П. Гарантии права на труд / К. П. Уржинский. – М. : Юрид. лит., 1984. – 200 с.
2. Уржинский, К. П. Теория и практика субъективных прав рабочих и служащих в свете новейшего законодательного / К. П. Уржинский. – Калинин, 1975. – С. 68–72.
3. Трудовое право России : учебник для бакалавров / отв. ред. Ю. П. Орловский. – М. : Юрайт, 2014. – 845 с.
4. Островский, Л. Я. Правовое регулирование представительства работников при заключении коллективного договора / Л. Я. Островский // Эффективность осуществления и защиты права как гарантия создания правового государства : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2–3 декабря 2004 г. / редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : И. П. Логвинов, 2005. – С. 278–282.
5. Чибисов, В. А. Понятие, формы и способы защиты трудовых прав и свобод / В. А. Чибисов // Трудовое право в России и за рубежом. – 2010. – № 2. – С. 2–5.
6. Головкин, Л. В. Медиация – понять, принять и применять / Л. В. Головкин // Вестник Арбитражного суда г. Москвы. – 2008. – № 5. – С. 10–28.
7. Здрок, О. Н. Технологические виды медиации / О. Н. Здрок // Право в современном обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : СтройМедиаПроект, 2016. – Вып. 11. – С. 264–270.

Ващеврович М. Г.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНИКА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

*Ващеврович Марина Геннадьевна, старший преподаватель кафедры
гражданского и хозяйственного права Института управленческих кадров
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, Беларусь, 8765492@mail.ru*

Исполнительное производство стало одной из наиболее динамично развивающихся областей белорусского законодательства. В то же время, следует отметить, что реформа отечественного законодательства об исполнительном производстве еще далека от своего полного завершения.

В системе исполнительного производства в полном объеме исполняется только часть исполнительных документов, а оставшаяся часть исполняется частично или вовсе не исполняется по не обоснованным причинам, что подтверждают данные судебной практики.

Исполнительное производство в Республике Беларусь было и остается одной из самых сложных стадий исполнения судебных постановлений и иных юрисдикционных актов, правовая система требует кардинальных изменений для сохранения высокого статуса правовой системы. Повысить эффективность могут только принятие более жестких мер обеспечения исполнения и ответственности должника за уклонение от надлежащего исполнения исполнительных документов.

Ключевые слова: исполнительное производство; взыскатель; должник; исполнительные документы; добровольное исполнение; принудительное исполнение; обеспечительные меры; ответственность должника.

Vashebrovich M. G.

SOME ASPECTS OF THE DEBTOR'S LIABILITY IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS

*Vashebrovich Marina G., senior lecturer at the department of civil and business
law, Institute of Management Personnel of the Academy of Administration under
the Aegis of The President of the Republic of Belarus,
Minsk, Belarus, 8765492@mail.ru*

Enforcement proceedings have become one of the most dynamically developing areas of Belarusian legislation. At the same time, it should be noted that the reform of the domestic legislation on enforcement proceedings is far from its full completion.

In the system of enforcement proceedings only a part of executive documents is executed in full, and the remaining part is executed partially or is not executed at all for unjustified reasons, which is confirmed by the data of the court practice.

Enforcement proceedings in the Republic of Belarus has been and remains one of the most difficult stages of execution of court judgments and other jurisdictional acts, the legal system requires radical changes to maintain the high status of the legal system. Only the adoption of tougher enforcement measures and the debtor's responsibility for the evasion from the proper execution of executive documents can increase the efficiency.

Keywords: enforcement proceedings; recoverer; debtor; enforcement documents; voluntary execution; enforcement; interim measures; debtor's liability.

На протяжении всего времени становления института принудительного исполнения судебных и иных юрисдикционных актов вопросы совершенствования законодательства об исполнительном производстве находились и находятся под пристальным контролем законодательных, исполнительных, судебных органов, научного сообщества и лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность

На данный момент остро стоит вопрос о взаимодействии и взаимообогащении науки и практики исполнительного производства, а также совершенствовании в Республике Беларусь процедуры исполнения исполнительных документов и иных юрисдикционных актов.

Исполнительное производство представляет собой установленный законом процессуальный порядок принудительной реализации актов юрисдикционных органов, имеющий своей целью обеспечение реальной защиты нарушенных материальных прав и охраняемых законом интересов граждан, индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, организаций, не являющихся юридическими лицами.

Исполнительное производство имеет также самостоятельные цели, заключающиеся в законном и своевременном исполнении судебного или иного юрисдикционного акта.

Обратимся не только к дефиниции, но и к задачам и принципам исполнительного производства, закрепленным в Законе Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон № 439-З).

В соответствии со ст. 4 Закона № 439-З к «задачам исполнительного производства относят восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан, индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, организаций, не являющихся юридическими лицами, соблюдение и охрана интересов государства посредством правильного и своевременного исполнения исполнительных документов» [1].

Своевременное исполнение исполнительных документов означает не только исполнение их в точном соответствии с требованиями закона и совершение записи в исполнительном документе, а также и недопущение ущемления прав и законных интересов физических и юридических лиц, использование возможности добровольного исполнения.

К основным принципам исполнительного производства относятся принцип законности, процессуальной экономии, равноправия и

добросовестности сторон исполнительного производства, уважения чести и достоинства гражданина, соотносимость объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения, беспристрастности.

Кроме того, можно выделить ряд принципов, присущих только исполнительному производству: своевременность совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения; неприкосновенность минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи; соотносимость объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения.

Практическое значение указанных принципов состоит в том, что с их помощью можно определить, какой должна быть процедура исполнительного производства, чтобы отвечать целям правильного, полного и эффективного исполнения исполнительных документов и иных юрисдикционных актов, обеспечивать защиту прав и интересов участников исполнительного производства.

В исполнительном производстве выделяют также метод правового регулирования данного вида отношений – императивно-диспозитивный.

В качестве дополнительного признака юридического процесса, распространяющегося на все его виды и в связи с этим характерного также для исполнительного производства, следует выделить признак стадийности. Так как исполнительное производство относится к разновидности правоприменительного процесса, то стадии, которые в его рамках выделяются, характерны для исполнительного производства.

Закон № 439-З выделяет следующие стадии исполнительного производства:

«стадия добровольного исполнения исполнительного документа – это стадия исполнительного производства, в ходе которой должник исполняет требования, содержащиеся в исполнительном документе, в срок для добровольного исполнения исполнительного документа, предоставленный судебным исполнителем должнику;

стадия принудительного исполнения исполнительного документа – это стадия исполнительного производства, которая наступает в случае неисполнения должником исполнительного документа в срок для добровольного исполнения исполнительного документа, предоставленный судебным исполнителем должнику в соответствии с Законом № 439-З, либо в срок, установленный судебным постановлением, иным исполнительным документом или актом законодательства» [1].

На протяжении всего периода становления и развития белорусского законодательства исполнительное производство встречается с проблемными вопросами, которые подлежат правовому регулированию.

Так, на стадии исполнительного производства, как правило, правовой спор не возникает, а предполагается, что он уже был рассмотрен и в судебном порядке разрешен. Но, как показывает судебная практика, на этом спор не заканчивается, а между сторонами возможно продолжение конфликта, который, безусловно, будет создавать дополнительные

препятствия для быстрого и качественного исполнения судебного акта или решения иного органа.

Стоит отметить, что самым эффективным остается добровольное исполнение судебных актов, но как показывает практика, процент полного добровольного исполнения остается по-прежнему низким. Для разрешения данной проблемы законодателю стоит закрепить в нормативных актах систему поощрения для граждан, которые исполняют исполнительные документы своевременно в добровольном порядке [2, с. 170].

В продолжение указанной проблематики, стоит отметить, что не всегда соблюдается установленный законом срок добровольного исполнения судебного постановления и иного юрисдикционного акта.

В соответствии со ст. 46 Закона № 439-З установлен семидневный срок на добровольное исполнение решения суда. Так, добровольным способом разрешения конфликта может быть также заключение медиативного соглашения.

В случае неисполнения в добровольном порядке требований судебного исполнителя применяются меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, которые реализуются, но эффективность их не так уж велика исходя из статистики судебной практики об исполнении исполнительных документов.

Исходя из изучения практики, можно сделать вывод, что установленного семидневного срока для добровольного исполнения явно недостаточно для исполнения требований исполнительного документа. В целях поощрения добровольного исполнения судебных актов и актов иных органов необходимо закрепить правовую модель, по которой будет установлен разумный срок для добровольного исполнения. Это могло бы увеличить количество исполненных добровольно, без участия государственных органов принудительного исполнения, исполнительных документов.

Одной из наиболее актуальных проблем является также соблюдение сроков проведения исполнительных действий. В юридической науке и практике вопрос об оптимальном времени проведения исполнительных действий является, безусловно, одним из самых сложных и в то же время особо значимых действий в исследуемом нами институте.

В целях обеспечения своевременного исполнения юридически значимых действий (исполнительных действий) необходимо устанавливать разумные сроки выполнения требований, содержащихся в исполнительных документах. Своевременность, однако, не следует путать с эффективностью, чрезмерная поспешность может отрицательно сказаться на результатах операций, проведенных по исполнительному производству, в том числе на качестве выполненных процедур. Это, в свою очередь, может вызвать нарушение прав и охраняемых законом интересов участников исполнительного производства. Особенно опасным видится проявление искусственного сокращения срока.

Таким образом, представляется целесообразным законодательно установить достаточный и разумный срок исполнительного производства с возможностью его продления.

Перед законодателем опять встает вопрос совершенствования исполнительного производства, так как процент исполнения исполнительных документов совсем невысокий, а значит, система неэффективна и предпринимаемые меры недостаточно хорошо работают.

В настоящее время чрезвычайная загруженность судебных исполнителей и отсутствие заинтересованности в исходе дела осложняют и затягивают процедуру исполнительного производства.

Совершенно очевидно, что законное решение суда может не исполняться. На практике кредиторы все чаще встречаются с недобросовестными должниками, которые любыми способами скрывают о наличии у них денежных средств и (или) иного имущества на счетах (во вкладах), наличии недвижимого и движимого имущества.

Для разрешения определенного недопонимания гражданами норм законодательства об исполнительном производстве является важным не только точное определение круга мер государственного принуждения к должнику, но и «прозрачная», не вызывающая различных толкований процедура (порядок и условия) применения данных мер.

Некоторые авторы, к примеру А. В. Закарлюк, называют данную процедуру исполнительной формой. Данная форма должна быть надлежащим образом урегулирована положениями законодательства об исполнительном производстве.

А. В. Закарлюк «настаивает на совершенствовании исполнительного производства путем расширения перечня мер принудительного исполнения за счет введения «косвенных» мер, а также совершенствовании институтов исполнительских штрафов и сборов» [3, с. 104].

Возможность применения к должнику таких мер обеспечения исполнения исполнительных документов, как: ограничение выезда из Республики Беларусь и временное ограничение права должника на управление механическими транспортными средствами, моторными маломерными судами, права на охоту, по статистике оказывается, что данные меры являются далеко не эффективными, так как они не понуждают должника исполнять исполнительные документы.

Причины указанной проблематике коренятся как в состоянии экономики, в несовершенстве и сложности исполнительных процедур, так и в нежелании и противодействии со стороны должников.

Значит, необходимы действенные рычаги воздействия на должника. Законодатель стремится уйти от применения для недобросовестных должников мер уголовной ответственности, но без этого правовая системы не обойдется, так как было и остается выгоднее быть должником, нежели погасить все долги и пробудить интерес у должника для более быстрого исполнения исполнительных документов.

Необходимо совершенствовать белорусскую правовую систему, чтобы не только судебный исполнитель и взыскатель были заинтересованы в скорейшем исполнении исполнительных документов, но и должник тесно взаимодействовал с судебным исполнителем для более быстрого окончания

исполнительно производства. Должник должен сам находить пути и принимать меры для погашения задолженности перед взыскателями, и только тогда данная система станет эффективной и будет надлежащим образом работать.

Во многих странах мира, где процент исполнения должником исполнительных документов высок, правовая система закрепляет жесткие меры ответственности для недобросовестных должников, что в свою очередь побуждает должников к скорейшему исполнению требований исполнительных документов.

Законодательное закрепление в Республике Беларусь привлечения должников к уголовной и административной ответственности, безусловно, даст положительный результат, что, несомненно, позволит повысить эффективность принудительного исполнения.

Исполнительное производство в Республике Беларусь было и остается одной из самых сложных стадий исполнения судебных постановлений и иных юрисдикционных актов и требует кардинальных изменений для сохранения высокого статуса правовой системы. Повысить эффективность может только принятие более жестких мер обеспечения исполнения.

Одна из проблем неэффективности принудительного исполнения состоит в том, что наш закон в большей степени защищает права и законные интересы должника, а не взыскателя, в результате порождается низкая правовая ответственность должника.

У каждого гражданина на генетическом уровне заложен инстинкт самосохранения и это правильно. Если все же в отношении физического лица, индивидуального предпринимателя или юридического лица возбуждено исполнительное производство, только во избежание уголовной ответственности и сохранения своего имущества, только тогда должник будет предпринимать меры для возврата долга и надлежащего и своевременного исполнения исполнительного документа и иных юрисдикционных актов.

Список использованных источников

1. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 24 окт. 2016 г. № 439-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Добровольский, А. А. Исковая форма защиты права. Основные вопросы учения об иске / А. А. Добровольский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 190 с.

3. Закарлюк, А. В. К вопросу о совершенствовании исполнительного производства / А. В. Закарлюк // Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа. – 2009. – № 4. – С. 100–113.

Вышеславова Т. Ф.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕВОДА РАБОТНИКОВ НА ДИСТАНЦИОННЫЙ РЕЖИМ ТРУДА

Вышеславова Татьяна Фёдоровна, кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического, земельного и трудового права, Юридический институт Северо-Кавказского федерального университета, ул. Пушкина, 1, 355001, г. Ставрополь, Россия, vysheslavova_tf@mail.ru

Статья посвящена правовому анализу места и роли изменений условий трудового договора при переводе работников на дистанционный труд в условиях пандемии и регулированию данного перевода Трудовым кодексом Российской Федерации. Определены основные препятствия в реализации данного перевода. Автор приходит к выводу, что в Трудовой кодекс необходимо включить дополнительный режим труда – удаленную работу.

Ключевые слова: дистанционная работа; изменение условий трудового договора; перевод на другую работу; удаленный режим труда.

Vysheslavova T. F.

IMPLEMENTATION OF THE TRANSFER OF EMPLOYEES TO THE REMOTE MODE OF WORK

Vysheslavova Tatiana F., PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental, land and labor law, Law Institute, North Caucasus Federal University, 1 Pushkin Street, Stavropol 355001, Russia, vysheslavova_tf@mail.ru

The article is devoted to the legal analysis of the place and role of changes in the conditions of an employment contract when transferring workers to remote work in a pandemic and the regulation of this transfer by the Labor Code of the Russian Federation. It identifies the main obstacles to the implementation of this translation. The author comes to the conclusion that the Labor Code must include an additional mode of work – remote work.

Keywords: remote work; changing the terms of an employment contract; transfer to another job; remote work mode.

Дистанционная работа и возможность заключения трудовых договоров на ее выполнение в российском трудовом праве закреплены достаточно недавно, только в 2013 г., с включением в Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) новой главы 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников». Целью данной главы ТК РФ стали закрепление особенностей взаимоотношений работодателя и дистанционного работника, возможность применения к ним общих положений трудового права, защита трудовых прав дистанционных работников. Таким образом, новый институт российского трудового права сформировал основу правового

регулирования труда работников, выполняющих свои трудовые обязанности удаленно как дистанционные работники.

Разграничение заключенного трудового договора с выполнением трудовых обязанностей удаленно с тождественными гражданско-правовыми договорами строится на обязательном условии контроля непосредственно работодателем над процессом выполнения трудовой функции работником, что представлено в Трудовом кодексе как квалифицирующие условия реализации договора о дистанционной работе. Контроль может осуществляться в различных формах, включая использование интернета, что не противоречит основным положениям ст. 15 ТК РФ о возникновении трудовых правоотношений.

Трудовой договор о выполнении трудовой функции дистанционно теперь представлен заранее планируемой моделью трудовых отношений, когда работник находится удаленно от места расположения работодателя, а контроль за выполнением трудовой функции представлен совершением юридических значимых действий в рамках определенной профессиональной деятельности путем электронного документооборота. Данный документооборот представляет собой технико-организационный способ выполнения работы, отражающий интересы обеих сторон трудового отношения, в условиях цифровизации трудового права.

По данным мировых HR-экспертов, такой вид занятости, как дистанционный труд, уже является трендом рынка труда в XXI в. [1]. Выполнение трудовых обязанностей работниками вне организации и конкретного места работы у работодателя, с которым заключен трудовой договор, является основным признаком дистанционного трудоустройства. Отметим, что работодатели отдельных отраслей уже применяли дистанционный труд своих работников, хотя правовое регулирование трудовых правоотношений этого не регламентировало. Таким образом, «де-факто» применялся дистанционный труд.

Дистанционная работа рассматривается в теории трудового права в качестве нетипичной занятости, где прослеживается усиление частноправовых начал в действующем ТК РФ. Данные начала уже давно реализуются работодателями других стран. Российский работодатель в целом использовал данные возможности достаточно неохотно и осторожно и только для отдельных категорий работников. Это объяснялось неуверенностью работодателей в том, что удаленные работники будут выполнять свои обязанности так же добросовестно, как и офисные работники, за которыми легче наладить эффективный контроль и систему управления.

В настоящее время жизнь диктует свои правила использования работников вне организации, а значит, многие работодатели были вынуждены перевести работников на дистанционный труд. В юридической литературе многочисленны публикации о правовом регулировании работы дистанционных работников, где регламентируется процесс заключения трудового договора на дистанционный труд, его расторжение и его отдельные условия труда, но вопрос о переводе постоянного работника на

удаленный режим работы освещен недостаточно. Согласно ст. 312.1 ТК РФ дистанционными работниками являются только те работники, которые заключили соответствующий договор с работодателем. Из этого вытекает, что работодатель должен использовать возможности Трудового кодекса к законному переводу работников на удаленную работу. Оценим же данные возможности действующего трудового закона.

Согласно ст. 72 ТК РФ можно достичь взаимного согласия работника и работодателя об изменении условий заключенного трудового договора и оформить его письменным дополнительным соглашением к действующему трудовому договору. В силу ст. 72.1 соглашение будет констатировать перевод на другую работу, так как тут меняется место выполнения трудовых обязанностей, не соответствующее структурному подразделению содержания заключенного с работником трудового договора. В данном дополнительном соглашении необходимо определить порядок возмещения работнику дополнительных расходов, связанных с выполнением трудовых обязанностей, в числе которых можно отметить расходы на связь и интернет, электроэнергию, износ оборудования и т. д. Кроме того, встанет вопрос о защите и безопасности конфиденциальной информации работодателя, составляющих отдельные виды тайны. В данном случае возникает необходимость изменения отдельных локальных актов организаций о защите персональных данных работников, конфиденциальности служебной информации, доступа к внутренним базам данных и другим внутренним ресурсам организаций. Если сотрудникам будет предоставляться удаленный доступ через электронные ключи-идентификаторы, то желательно составить правила работы со средствами индивидуальной идентификации, установить ответственность за передачу этого средства третьим лицам и другое.

Немаловажным фактором в данном случае будет являться также вопрос об установлении контроля и отчетности о выполнении дистанционным работником трудовых обязанностей. Такие правила не установлены законом, и работодателю в данном случае необходимо издавать дополнительные распоряжения или другие локальные акты. По мнению И. Ярошук: «Чтобы успешно работать с людьми, нужно им доверять, нужно разрешить сотрудникам выполнять свои обязанности там, где им удобно, без постоянного контроля и давления» [2, с. 34]. Работодатель сам определяет для дистанционных работников форму, порядок и периодичность предоставления соответствующей отчетности. Таким образом, в организации должно действовать Положение о дистанционной работе как приложение к коллективному договору организации или отдельный локальный акт, устанавливающий порядок взаимодействия работодателя и дистанционного работника при постановке профессиональных задач и их выполнении.

По нашему мнению, регламентируя дистанционный труд работника трудовым правом, мы видим процесс, характеризующийся как бы размыванием такого понятия трудового права, как рабочее место работника, так как он не обязан находиться в поле зрения работодателя, хотя остается подконтрольным ему. Основной проблемой в данном случае является

организация контроля работодателя за выполнением трудовой функции дистанционным работником. Поскольку управленческий элемент деятельности работодателя здесь существенно меняется, он видоизменяется, вводя новые формы контроля телекоммуникационной связи, цифровых технологий, специализированных платформ. Меняется и традиционный подход к самому трудовому праву в силу того, что контроль осуществляется с учетом результата выполнения трудовой функции, а не за выполнением данной функции.

Практика говорит о том, что чаще всего работодатели прибегают к ст. 74 ТК РФ при переводе работника на другую работу в связи с изменением условий заключенного трудового договора, где причиной перевода является одностороннее изменение условий заключенного трудового договора, связанное с организационными или технологическими изменениями в процессе трудовой деятельности. Тут можно говорить о широком круге объективных причин проявления инициативы работодателя на осуществление перевода работника. Однако механизм данной статьи предусматривает порядок перевода, включая двухмесячный срок предупреждения работника о планируемом переходе на удаленный режим работы (ч. 2 ст. 74), что в обстановке пандемии невозможно. Тем более ч. 3 анализируемой статьи определяет порядок действий работодателя, если он не получит согласия работника – обязательное предложение другой вакансии, где возможно продолжение работы в обычном режиме труда. Это также не соответствует переводу работника на удаленную работу, так как тут работа в обычном режиме исключается, тем более что данная статья предусматривает и основания увольнения работника по п. 7 ст. 77 или п. 2 ст. 81 ТК РФ при отклонении работником такого перевода.

Остро стоит вопрос и о сроке подобного перевода. Так, ст. 72.2 не перечисляет возможности такого временного перевода работника. По мнению коллектива авторов, указание в дополнительном соглашении о дистанционной работе специальных процедур его отмены может вступить в противоречие со ст. 74 ТК РФ и может быть расценено как снижение гарантий, предоставляемых работнику при изменении определенных сторонами условий трудового договора [3, с. 97]. Так же об этом говорит и судебная практика по трудовым спорам в связи с отказом работников дать согласие на продолжение работы при одностороннем изменении работодателем условий заключенного трудового договора [4].

Часть 2 ст. 72.2 предусматривает временные переводы работников в отдельных исключительных случаях, где ставится вопрос о здоровье или нормальной жизнедеятельности населения РФ. Данная постановка вопроса тесно связана с условиями пандемии, но в данном случае закон ограничивает время перевода только одним месяцем, что возможно будет вынуждать работодателя на проведение дополнительных правовых процедур по законности перевода работника на другие условия труда на более длительный срок. Отметим и тот факт, что формулировка ст. 72.2 о переводе

«для предотвращения указанных случаев или устранения их последствий» тоже является туманной в случае с пандемией.

Сказанное выше позволяет нам сделать вывод, что в настоящее время перевод работников на дистанционный труд на срок пандемии не имеет эффективного регулирования на уровне ТК РФ. Наиболее ярко данный вид перевода проявляется в сфере образования. Перевод данной сферы на удаленный режим труда порождает получение некачественных знаний, легкого получения хороших оценок, трудности в проверке результата самостоятельности работы обучающихся, при не стопроцентном охвате всех студентов, и другие негативные последствия. Однако эта сторона дистанционной работы имеет и положительные черты. Так, участились случаи сообщений о минировании учебных заведений, когда студенты и преподаватели покидают аудитории на долгое время проверки достоверности подобных сообщений. Вот тут на выручку может прийти вариант дистанционной работы, когда будут минимизированы потери контактной работы студентов и преподавателей.

Трудности вызывает и буквальное толкование норм соответствующих статей ТК РФ. Так ст. 71.1 дает легальное определение как перевода, так и перемещения работника на другую работу. В настоящее время при переводе работников образования на дистанционный труд не меняется ни трудовая функция работника, ни его структурное подразделение, указанное в действующем трудовом договоре. Изменилось только место выполнения трудовых обязанностей – дом и домашний компьютер. Такое изменение условий трудового договора ближе к понятию перемещения, где не надо согласия работника, что противоречит доктрине трудового права в части перевода работника на другую работу [5, с. 41–42]. Механизм этот близок к переходу работника на другой режим труда, который отсутствует в Трудовом кодексе. Тем более в своих рекомендациях Министерство труда и социальной защиты населения РФ рекомендует работодателям применение удаленного режима труда, который не включен в ТК РФ [6].

Исходя из приведенного анализа, в главу 16 ТК РФ необходимо внести дополнения в части регламентации режима труда удаленных работников. Необходимо специально сформулировать особенности данного режима труда, дать признаки режима труда удаленных работников, так как ст. 312.1 ТК РФ не раскрывает особенностей режима труда удаленных работников, с которыми заключены трудовые договоры общего характера, а не трудовые договоры дистанционного работника. В заключенном трудовом договоре с работником можно сразу предусмотреть возможность работы с комплексным режимом труда как обязательным его условием.

Несмотря на определенную гибкость трудового права, оно не отвечает принципиальным изменениям, происходящим на рынке труда. Масштабные изменения, диктуемые объективными изменениями многих сфер общественной жизни, настоятельно требуют радикальных изменений и в трудовых правоотношениях.

Таким образом, расширительного толкования правовых норм при переводе работников на удаленную работу пока нет. Повышение уровня гибкости трудового права и труда работников не должно разрушать сложившиеся стандартные трудовые отношения, предоставляя работникам необходимые трудовые гарантии при переводе на удаленную работу. Тут важен баланс между данными гарантиями и экономическими условиями, что характерно для социального государства. Эту роль может реализовать режим удаленной работы.

Список использованных источников

1. Официальный сайт Битрикс24 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bitrix24.ru/blogs/notice/rossiya-sekonomit-bolee-1-trln-rublej-ot-perekhoda-na-distantionnuu-.php – Дата доступа: 12.09.2022.

2. Ярошук, И. Далек да дорог / И. Ярошук // 8 часов. Журнал о здоровом отношении к работе. – 2013.– № 6. – С. 30–37.

3. Тарусина, Н. Н. Социальные договоры в праве / Н. Н. Тарусина, А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – М. : Проспект, 2017. – 480 с.

4. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 ноября 2014 г. по делу № 33-23930/2014 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского городского суда. – Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs> – Дата доступа: 12.09.2022.

5. Васильева, Ю. В. Правовое регулирование дистанционной работы: проблемы теории и практики / Ю. В. Васильева, С. В. Шуралева, Е.А. Браун. – М. : ПГНИУ, 2016. – 128 с.

6. Письмо Минтруда России от 23.04.2020 № 14-2/10/П-3710 «О направлении Рекомендаций по применению гибких форм занятости в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории РФ» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351512/ – Дата доступа: 12.09.2022.

Ермакова Е. П., Ситкарева Е. В.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИСКИ В СФЕРЕ «ЗЕЛЕННОГО КАМУФЛЯЖА»¹

Ермакова Елена Петровна, кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридический институт Российского университета дружбы народов (РУДН), ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, г. Москва, Россия, ermakova_ep@rudn.ru

Ситкарева Елена Витальевна, кандидат юридических наук, доцент; и. о. заведующего кафедрой международного частного права, Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ) ш. Воробьевское, 6а, 119285, г. Москва, Россия, sitkareva_e@mail.ru

Статья посвящена исследованию новых видов климатических исков – исков в сфере «зеленого камуфляжа». Авторы исследовали понятие и классификацию таких исков. Выявлено, что к искам в сфере «зеленого камуфляжа» относятся: 1) иски, касающиеся корпоративных и государственных обязательств; 2) иски, касающиеся описаний атрибутов продукта (товара); 3) иски, касающиеся раскрытия информации о климатических инвестициях, финансовых рисках и причиненном вреде.

Ключевые слова: климатические иски; иски в сфере «зеленого камуфляжа»; Парижское соглашение; защита прав человека.

Ermakova E. P. Sitkareva E. V.

CLIMATE LAWSUITS IN THE FIELD OF «GREENWASHING»

Ermakova Elena P., PhD (law), docent; associate professor at the department of civil law and civil procedure and private international law, RUDN University, Law Institute, 6 Miklukho-Maklaya Street, 117198 Moscow, Russia, ermakova_ep@rudn.ru

Sitkareva Elena V., PhD (law), docent; head of the department of private international law, All-Russian Academy of Foreign Trade (VAVT), 6a Vorobyovskoe Highway, 119285 Moscow, Russia, sitkareva_e@mail.ru

The article is devoted to the study of new types of corporate climate risks (including in the field of human rights protection) recorded in a number of countries in 2020–2022. The conducted research has shown that in such lawsuits there is a mixture of subjects of public international law and private international law, which indirectly confirms the thesis of mutual penetration of the legal systems under discussion.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00270 «а».

Keywords: climate lawsuits; corporate climate lawsuits; Paris Agreement; human rights protection.

«Зеленый камуфляж» (greenwashing) обычно определяется как необоснованные или вводящие в заблуждение утверждения относительно экологических показателей компании или финансового учреждения [5]. «Greenwashing» может также описывать выборочное раскрытие положительных экологических или социальных последствий деловой практики компании без полного раскрытия негативных последствий. Первые судебные иски о «greenwashing» были связаны с тем, что компании продавали свои продукты, апеллируя к потребительскому спросу на экологически чистые продукты и в то же время делая вводящие в заблуждение экологические заявления [12]. Необходимость борьбы с «зеленым камуфляжем» оказалась в центре внимания на COP26, конференции ООН по климату, которая состоялась в Глазго в ноябре 2021 г. [13].

Судебные разбирательства по борьбе с «зеленым камуфляжем» направлены на то, чтобы привлечь как правительственных, так и неправительственных субъектов к юридической ответственности за их действия или продукты, которые вводят в заблуждение. С 2016 г. в суды США, Австралии, Франции и Нидерландов было подано не менее 20 судебных дел, связанных с «зеленым камуфляжем». Было также несколько административных исков, поднимающих вопросы «greenwashing»: с 2008 г. иностранные специалисты выявили не менее 27 таких жалоб, поданных во внесудебные органы в Великобритании, Австралии, Италии, Новой Зеландии, Дании, США и Южной Корее [5].

Стратегии «зеленого камуфляжа» включают использование ложных утверждений, сокрытие важной информации, которая может помочь оценить смысл, искренность или контекст иска, и/или использование расплывчатых или неоднозначных терминов. Благодаря своим коммуникационным и маркетинговым стратегиям крупные компании-эмитенты часто используют такие заявления в попытке изменить общественное восприятие их деловой активности, чтобы рассматривать ее как часть решения, а не основную причину изменения климата. В апреле 2021 г. английская неправительственная организация «ClientEarth» запустила кампанию «The Greenwashing Files». Цель кампании состояла в том, чтобы разоблачить фирмы, которые применяют «зеленый камуфляж». Вводящая в заблуждение «зеленая» реклама может привести к климатическим судебным разбирательствам, основанным на мошенничестве, искажении фактов и защите потребителей [16].

Судебные иски в области «зеленого камуфляжа» и «климатического камуфляжа» могут быть классифицированы по типу вводящей в заблуждение информации, касающейся: 1) корпоративных и правительственных обязательств; 2) атрибутов продукта; 3) раскрытия климатических инвестиций, финансовых рисков и вреда, причиняемого компаниями.

I. Иски, касающиеся корпоративных и государственных обязательств

Ключевой вывод науки об изменении климата, сделанный Межправительственной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК) заключается в том, что для достижения глобальных климатических целей необходимо глобальное обязательство достичь нулевых или чистых нулевых выбросов к 2050 г. В связи с этим государственные и негосударственные субъекты все чаще делают климатические заявления, рекламируют инвестиции в чистую энергию и объявляют климатические обязательства или амбиции, включая цели по сокращению выбросов. Разрыв между такими обещаниями, рекламными кампаниями, которые часто связаны с этими обязательствами, и реальностью сокращения выбросов, которые будут реализованы, а также разрыв между обязательствами и долгосрочными температурными целями в самом Парижском соглашении могут стать основой для судебных разбирательств по вопросам изменения климата [6].

В историческом иске, предъявленном 25 августа 2021 г. в Федеральный суд Австралии, Австралийский центр корпоративной ответственности (ACCR) оспорил утверждения компании «Santos» о том, что природный газ обеспечивает «чистую энергию», и что у компании есть «надежный и четкий план» по достижению «чистых нулевых» выбросов к 2040 г. Это первое судебное дело в мире, оспаривающее достоверность цели компании по чистым нулевым выбросам, и первая в мире проверка в отношении улавливания и хранения углерода (CCS) и воздействия голубого водорода на окружающую среду. Действуя от имени Центра ACCR, адвокаты утверждали, что цели, содержащиеся в годовом отчете компании «Santos» за 2020 г., представляют собой вводящее в заблуждение поведение в соответствии со ст. 1041 Н австралийского «Закона о корпорациях» 2001 г. и ст. 18 и 33 «Закона о защите прав потребителей» 2010 г. [1].

В своем годовом отчете за 2020 г. компания «Santos» сделала заявления о том, что природный газ, который она производит, является «чистым топливом» и обеспечивает «чистую энергию». Истец (ACCR) утверждал, что эти заявления ответчика свидетельствуют о том, что добыча ископаемого газа и конечное использование этого газа не оказывают существенного неблагоприятного воздействия на окружающую среду.

II. Иски, касающиеся описаний атрибутов продукта (товара)

«Зеленый камуфляж» «атрибутов товара» имеет долгую историю и включает в себя представление отдельных товаров как менее загрязняющих окружающую среду, чем это есть на самом деле. В 2009 г. фирма «TerraChoice» оценила тысячи товаров и экологические цели к ним и обнаружила, что при описании более 95 % товаров был использован, по крайней мере, один элемент «зеленого камуфляжа» [17]. В 2021 г. Отчет Европейской комиссии показал, что 42 % веб-сайтов онлайн-рынка содержат экологические цели, которые являются ложными, обманчивыми или преувеличенными и могут квалифицироваться как недобросовестная коммерческая практика в соответствии с регламентами ЕС [11].

Судебные разбирательства по вопросам ответственности за качество продукции касаются именно тех случаев, когда производители, дистрибьюторы, поставщики и розничные торговцы несут ответственность за травмы, которые может причинить их продукция и которые были скрыты от общественности. Например, в судебных процессах по табачным изделиям истцы начали добиваться успеха, как только они начали сосредотачиваться на том, как табачные компании скрывали последствия курения для здоровья и вводили в заблуждение общественность. Это привело к тому, что табачные компании должны были выплатить миллиарды долларов компенсаций [7].

Аналогичным образом компании, работающие на ископаемом топливе, и торговые ассоциации часто представляют водород как «чистое», «возобновляемое» или «нулевое/низкоуглеродное» топливо, когда водород часто производится из ископаемого газа. Они также могут исказить характеристики биотоплива. Реклама часто изображает биотопливо как готовое решение для глубокой декарбонизации, хотя на самом деле это не так [5]. Некоторые из рекламных объявлений корпорации «Shell» называли сжиженный природный газ (СПГ) «устойчивым», «низкоуглеродистым топливом» и «частью мозаики альтернативных источников энергии» [18]. Эти утверждения корпорации «Shell» вводили в заблуждение, поскольку в них не учитывалось влияние выбросов метана из СПГ на климат, а также выбросы углекислого газа, образующиеся во время использования. В 2019–2021 гг. регулирующие органы Европы поддержали иски против компаний, работающих на ископаемом топливе, за классификацию природного газа как «чистого» топлива и введение потребителей в заблуждение. Например, Итальянское управление по конкуренции и рынку наложило штраф в размере 5 млн. евро на компанию «Eni» за обман потребителей путем маркировки биотоплива «зеленым» дизельным топливом [10].

Несмотря на растущее количество доказательств того, что прогнозируемые пищевые привычки могут помешать достижению целей в рамках Парижского соглашения, производители мяса активизировали свои усилия, чтобы их продукты казались климатически чистыми. Например, датская компания «Danish Crown» запустила рекламную кампанию, описывающую свинину как «более благоприятную для климата, чем вы думаете» [3]. При этом компания пытается изменить восприятие потребителей, утверждая, что мясо может быть частью «благоприятного для климата» будущего [8]. Заявления, сделанные компанией «Danish Crown», были оспорены тремя неправительственными организациями (НПО) в голландском Управлении по защите прав потребителей за введение в заблуждение потребителей путем классификации свинины таким образом [15].

Климатические иски в сфере «зеленого камуфляжа» также предъявляются производителям транспортных средств и транспортному сектору. В 2020 г. после серии рекламных объявлений ирландской авиакомпании «Ryanair» в Великобритании, Управление по стандартам рекламы (ASA) пришло к выводу, что заявления авиакомпании о том, что клиенты, выбирающие компанию «Ryanair» вместо другого перевозчика,

будут иметь более низкие личные выбросы углекислого газа, вводят в заблуждение и нарушают «Кодекс о неразрешенной рекламе, стимулировании сбыта и прямом маркетинге» Великобритании 2010 г. [2].

III. Иски, касающиеся раскрытия информации о климатических инвестициях, финансовых рисках и причиненном вреде

Публично торгующие компании имеют обязательства перед потребителями, а также обязательства раскрывать существенные риски своим инвесторам. Поскольку в прошлом изменение климата традиционно рассматривалось исключительно как экологическая проблема, многие компании не включали финансовые риски, связанные с влиянием на изменение климата в свои проспекты или заявки на ценные бумаги. По мере того как финансовые риски изменения климата становятся все более очевидными, некоторые страны требуют, чтобы компании с высоким уровнем выбросов раскрывали риски изменения климата своим инвесторам и общественности, особенно в тех случаях, когда их будущая прибыльность может быть поставлена под угрозу продолжающимися капиталовложениями в активы, инфраструктуру и запасы на основе ископаемого топлива. Если компании не раскрывают информацию об этих инвестициях или чрезмерно подчеркивают инвестиции в неископаемые источники энергии или активы, они могут столкнуться с судебными разбирательствами [5].

Европейские авторы отмечали, что компании, работающие на ископаемом топливе, регулярно изображают себя и ископаемое топливо как совместимые с низкоуглеродной экономикой [14]. Например, компании могут рекламировать использование возобновляемых источников энергии для производства нефти и газа в качестве доказательства экологической устойчивости. Аналогичным образом компании могут рекламировать повышение эффективности производства ископаемого топлива. В других случаях реклама таких компаний просто утверждает, что ископаемое топливо совместимо с процветающим, устойчивым будущим, не упоминая при этом об ущербе, который такое топливо наносит климату.

Большинство компаний, работающих на ископаемом топливе, инвестируют лишь небольшие суммы в низкоуглеродную энергию по сравнению с их инвестициями в производство ископаемого топлива. Например, в период с 2010 по 2018 г. компания «BP» потратила только 2,3 % своих капитальных вложений на низкоуглеродные источники энергии; компания «Shell» – 1,2 % (0,3 % из которых приходится на улавливание, утилизацию и хранение углерода (CCUS)); компания «Chevron» – 0,2 % (0,1 % из которых был в CCUS); компания «ExxonMobil» – 0,2 %; и компания «ConocoPhillips» – 0,0 % [14]. Несмотря на эту реальность, компании, работающие на ископаемом топливе, стремятся изобразить себя лидерами в разработке и предоставлении неископаемых энергетических систем, таких как солнечная энергия, энергия ветра и биотопливо, даже там, где их капитальные инвестиции в неископаемые энергетические системы чрезвычайно низки и, как правило, намного ниже, чем подразумевается или представлено в рекламе [5].

Американский адвокат Л. Бенджамин отмечала, что несколько дел было возбуждено против компаний в связи с тем, что эти компании не обеспечили полное раскрытие связанных с климатом рисков, влияющих на интересы инвесторов и потребителей. Эти иски были предъявлены с использованием инструментов потребительского, корпоративного права или законодательства о безопасности в различных юрисдикциях [4]. Например, НПО «ClientEarth» подала несколько жалоб на несоблюдение требований в финансовые регуляторы в Великобритании, чтобы потребовать от компаний предоставить подробное раскрытие своих рисков, связанных с климатом, в соответствии с регламентами безопасности, которые требуют от компаний раскрывать любые «материальные риски», которые могут повлиять на решения их инвесторов [9].

Когда государства на международном уровне не справляются с возложенными на них обязанностями по защите климата, граждане находят правовые инструменты, позволяющие сделать это самостоятельно. Как видим, сегодня частноправовые механизмы защиты гражданских прав успешно используются в целях защиты климата через соблюдение цивилистических принципов, таких как добросовестность, путем обращения к цивилистическим процессуальным способам разрешения спора. Это лишь подтверждает устойчивость тенденции к перекалфикации отношений по защите климата и расширению субъектного состава таких правоотношений.

Список использованных источников

1. ACCR (2021). Australasian Centre for Corporate Responsibility files landmark case against Santos in Federal Court // Australasian Centre for Corporate Responsibility. 26th August 2021. URL: <https://www.accr.org.au/news/australasian-centre-for-corporate-responsibility-files-landmark-case-against-santos-in-federal-court/> (дата обращения: 08.09.2022).

2. ASA (2020). ASA Ruling on Ryanair Ltd t/a Ryanair Ltd // ASA. 02.05.2020. URL: <https://www.asa.org.uk/rulings/ryanair-ltd-cas-571089-p1w6b2.html> (дата обращения: 08.09.2022).

3. *Barry M., Tigre M.* (2022). February 2022 Updates to the Climate Case Charts // Columbia University. February 04, 2022. URL: <https://climate.law.columbia.edu/news/february-2022-updates-climate-case-charts> (дата обращения: 08.09.2022).

4. *Benjamin, L.* (2020) The Road to Paris Runs Through Delaware: Climate Litigation and Directors' Duties // Utah Law Review, 2020, No. 2, Article 1. P. 313. URL: <https://dc.law.utah.edu/ulr/vol2020/iss2/1> (дата обращения: 08.09.2022).

5. *Bhargava A. et al* (2022) Climate-washing litigation: legal liability for misleading climate communications // Policy Briefing, The Climate Social Science Network. 13 January, 2022. URL: <https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/publication/climate-washing-litigation-legal-liability-for-misleading-climate-communications/> (дата обращения: 08.09.2022).

6. *Black R. et al* (2021) Taking stock: A global assessment of net zero targets // Energy and Climate Intelligence Unit and Oxford Net Zero. March 2021. URL: https://ca1-eci.edcdn.com/reports/ECIU-Oxford_Taking_Stock.pdf?mtime=20210323005817&focal=none (дата обращения: 08.09.2022).

7. *Brooks, J., Ebi, K.* (2021) Climate Change Warning Labels on Gas Pumps: The Role of Public Opinion Formation in Climate Change Mitigation Policies // *Global Challenges*, 5, 2000086. URL: <https://doi.org/10.1002/gch2.202000086> (дата обращения: 08.09.2022).
8. *Christen, C.* (2021) Investigation: How the Meat Industry is Climate-Washing its Polluting Business Model // *DeSmog*. Jul 18, 2021. URL: <https://www.desmog.com/2021/07/18/investigation-meat-industry-greenwash-climatewash/> (дата обращения: 08.09.2022).
9. ClientEarth (2021). ClientEarth files complaints against Just Eat and Carnival over climate failings // ClientEarth. 18 August 2021. URL: <https://www.clientearth.org/latest/press-office/press/clientearth-files-complaints-against-just-eat-and-carnivalover-climate-failings/> (дата обращения: 08.09.2022).
10. Complaint by Transport and Environment against ENI before the Competition and Market Authority of Italy (2019) // European Federation for Transport and Environment. URL: <https://www.transportenvironment.org/discover/eni-fined-%E2%82%AC5m-deceiving-consumers-over-its-green-diesel-italian-watchdog-rules/> (дата обращения: 08.09.2022).
11. European Commission (2021) Screening of websites for ‘greenwashing’: half of claims lack evidence. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_269 (дата обращения: 08.09.2022).
12. *Feinstein N.* (2013) Learning from Past Mistakes: Future Regulation to Prevent Greenwashing // *Boston College Environmental Affairs Law Review*, 40 (1). URL: <https://lawdigitalcommons.bc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2098&context=ealr> (дата обращения: 08.09.2022).
13. *Guterres A.* (2021). Secretary-General's statement on the conclusion of the UN Climate Change Conference COP26, Glasgow, 13 November 2021. URL: <https://www.un.org/sg/en/node/260645> (дата обращения: 08.09.2022).
14. *Raval A., Hook L.* (2019) Oil and Gas Advertising Spree Signals Industry’s Dilemma // *Financial Times*, March 6. URL: <https://www.ft.com/content/5ab7edb2-3366-11e9-bd3a-8b2a211d90d5> (дата обращения: 08.09.2022).
15. *Schwartzkopff, F.* (2021) First Danish Climate Lawsuit Targets EU’s Biggest Pork Producer // *Bloomberg Green*, 4 June 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-06-04/first-danish-climate-lawsuit-targets-eu-s-biggest-pork-producer> (дата обращения: 08.09.2022).
16. *Setzer J. and Higham C.* (2021). Global trends in climate litigation: 2021 snapshot // London: Grantham Research Institute on Climate Change and the Environment and Centre for Climate Change Economics and Policy, London School of Economics and Political Science. 2 July, 2021. URL: <https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/publication/global-trends-in-climate-litigation-2021-snapshot/> (дата обращения: 08.09.2022).
17. TerraChoice (2009) TerraChoice Environmental Marketing, Greenwashing Report 2009. URL: <http://web.archive.org/web/20160307092700/http://sinsofgreenwashing.com/index35c6.pdf> (дата обращения: 08.09.2022).
18. The Making of Sustainable Mobility (Content from Shell) // *The Washington Post*. 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/brand-studio/shell/the-making-of-sustainable-mobility> (дата обращения: 08.09.2022).

Жукова О. В., Ильина О. Ю.

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ
ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

*Жукова Олеся Витальевна, кандидат юридических наук, доцент;
заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной
деятельности,*

*Тверской государственной университет»,
ул. Желябова, 33, 170100 г. Тверь, Россия, Zhukova.OV@tversu.ru*

*Ильина Ольга Юрьевна, доктор юридических наук, профессор;
декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права,
Тверской государственной университет»,
ул. Желябова, 33, 170100, г. Тверь, Россия, Iina.OY@tversu.ru*

Рассматриваются проблемы пересмотра судебных решений по делам с участием несовершеннолетних с точки зрения эффективности реализации права на судебную защиту. Авторами проведен анализ норм гражданского процессуального законодательства и законодательства об административном судопроизводстве, исследованы вопросы обеспечения доступности правосудия для несовершеннолетних при обращении в проверочные инстанции.

Ключевые слова: гражданский процесс; административное судопроизводство; право на судебную защиту; несовершеннолетние.

Zhukova Ol., Ilyina Ol.

**PROBLEMS OF REVIEW OF JUDICIAL DECISIONS
IN CASES INVOLVING MINORS**

*Zhukova Olesya V., PhD (law), docent; head of the department of judicial power
and law enforcement,
Tver State University,*

33 Zhelyabova Street, Tver 170100, Russia, Zhukova.OV@tversu.ru

*Ilyina Olga Yu., doctor of science (law), full professor; dean of the faculty of law,
head of the department of civil law,*

Tver State University,

33 Zhelyabova Street, Tver 170100, Russia, Ilyina.OY@tversu.ru

The article deals with the problems of reviewing court decisions in cases involving minors from the point of view of the effectiveness of the implementation of the right to judicial protection. The authors analyzed the norms of civil procedural legislation and legislation on administrative proceedings, investigated the issues of ensuring the accessibility of justice for minors when applying to the verification authorities.

Keywords: civil process; administrative proceedings; the right to judicial protection; minors.

Одной из реальных гарантий осуществления права на судебную защиту, закрепленного в ст. 46 Конституции Российской Федерации, вынесения судами законных и обоснованных постановлений является право обжалования судебных актов. Отсутствие возможности пересмотреть судебное решение умаляет и ограничивает право каждого на судебную защиту, что недопустимо.

Безусловно, право на справедливое судебное разбирательство предполагает возможность обжалования и пересмотра судебных актов с применением эффективных средств защиты. Эффективность во многом определяется возможностью прямого доступа к пересмотру и, конечно, независимостью соответствующей судебной инстанции [1, с. 1037–1040]. Для решения этих задач была изменена система судов общей юрисдикции и правила пересмотра судебных актов.

Начиная с 1995 г., нормы законодательства о пересмотре судебных постановлений находятся в состоянии постоянного изменения. Если в советский период практика обжалования судебных актов характеризовалась стабильностью, то в российский период это качество было во многом утрачено. Правила проверочных производств стали с определенной частотой меняться [2, с. 31–35.].

Пересмотр судебных актов должен быть таким, чтобы вышестоящий суд не имел возможности вторгаться в прерогативы суда первой инстанции, не нарушалась независимость судей, но в то же время обеспечивалось право участников процесса на доступность и эффективность судебной защиты [3, с. 7–11]. Именно необходимость обеспечения независимой и эффективной судебной защиты и стала одной из причин создания самостоятельных апелляционных и кассационных судов.

В результате реформирования процессуального законодательства введен единый порядок пересмотра судебных актов в гражданском процессе и административном судопроизводстве. При этом в основу системы обжалования заложена структура пересмотра в арбитражном процессе, в котором уже давно созданы самостоятельные апелляционные и кассационные суды, независимые от административно-территориального деления. В большей степени унифицированы нормы, посвященные проверке вступивших в законную силу судебных постановлений в порядке надзора.

Создание девяти кассационных и пяти апелляционных судов общей юрисдикции предполагает распространение их территориальной подсудности на несколько субъектов РФ. При этом доступность правосудия обеспечивается возможностью подачи в электронной форме апелляционных и кассационных жалоб, представлений и прилагаемых к ним документов, что предполагает использование всех форм обжалования судебных решений, при этом сократив судебные расходы и издержки, связанные с географическим расположением указанных судов.

Принципиальные изменения претерпели нормы, регулирующие производство в суде кассационной инстанции. В частности, закреплена двухуровневая система пересмотра вступивших в законную силу судебных

актов: в кассационном суде общей юрисдикции и в судебной коллегии Верховного Суда РФ. Все обращения в кассационный суд общей юрисдикции рассматриваются по общему правилу в судебном заседании, отменен порядок рассмотрения кассационной жалобы, при котором она сначала изучалась судьей, принимающим решение о передаче или отказе в передаче кассационной жалобы на рассмотрение.

Определенные изменения коснулись и порядка рассмотрения дел в суде надзорной инстанции, которые указывают прежде всего на исключительность данной стадии судопроизводства. В частности, объектом проверки могут быть только прямо закрепленные судебные акты; изменен порядок и срок подачи надзорной жалобы, основания возвращения надзорной жалобы без рассмотрения по существу; закреплены особенности рассмотрения надзорной жалобы в части реализации полномочий Председателя или заместителя Председателя Верховного Суда РФ.

Положительным моментом является закрепление права лиц, участвующих в деле, которые не имеют возможности прибыть в судебное заседание, участие путем использования систем видеоконференц-связи. Но участие в такой форме в судебном заседании возможно только при наличии в судах соответствующего технического оснащения (ст. 155.1 ГПК РФ, ст. 142 КАС РФ). К сожалению, в настоящее время не все суды общей юрисдикции имеют необходимое оборудование для применения информационных технологий в процессе. Особенно остро этот вопрос стоит в муниципальных образованиях, находящихся на значительном удалении от административного центра региона, в котором располагается соответствующий суд уровня субъекта РФ.

Следует согласиться с А. Р. Султановым в том, что «право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод. Право на судебную защиту охватывает все стадии процесса, на каждой из которых защита должна быть доступной в равной мере для всех заинтересованных лиц» [4, с. 81]. Представляется, что несовершеннолетние не обладают возможностью получения «реальной судебной защиты», особенно при реализации права на обжалование судебных решений в вышестоящих инстанциях.

С момента возбуждения дела в суде первой инстанции несовершеннолетний фактически наделяется потенциальным правом обжалования судебных решений, но полномочие суда по возбуждению дела в проверочных инстанциях не существует в виде возможности, а непосредственно зависит от волеизъявления лиц, участвующих в деле, от их обращения за пересмотром в случае несогласия с принятым по делу судебным решением. В этом случае возникает вопрос: сможет ли несовершеннолетний самостоятельно воспользоваться своим правом на обращение в проверочные инстанции и разобраться в системе пересмотра судебных актов, подготовить апелляционную или кассационную жалобу в соответствии с установленными требованиями и в необходимые сроки,

оплатить государственную пошлину? В частности, в ст. 333.35 Налогового кодекса РФ, закрепляющей льготы для отдельных категорий физических лиц и организаций, нет несовершеннолетних, они не освобождаются от уплаты госпошлины при обращении в суд любой инстанции.

С одной стороны, применение информационных технологий в судопроизводстве расширяет возможности несовершеннолетних обратиться в суд, в том числе в проверочные инстанции, поскольку цифровизация любых процессов ближе молодому поколению, им фактически облегчается доступ к правосудию. С другой стороны, право на судебную защиту может быть эффективно реализовано при получении квалифицированной юридической помощи, особенно в отношении несовершеннолетних. При этом необходимо отметить, что наличие в судах технической возможности осуществления видеоконференцсвязи обеспечивает не только доступ к правосудию, в том числе и при обжаловании судебных актов, для лиц, участвующих в деле, но и для представителей по делу, поскольку вполне возможно, что в отдаленном муниципальном образовании квалифицированную юридическую помощь может осуществлять только один адвокат по назначению.

Базовое положение о том, что права и интересы несовершеннолетних защищают их законные представители, далеко не всегда соответствует реалиям жизни и нередко сами законные представители нарушают права несовершеннолетних. При этом не только законодательно не установлено правило об обязательном участии адвоката в таких делах для обеспечения интересов несовершеннолетних, но и нет никаких специальных правил, гарантирующих хотя бы в будущем восстановление прав несовершеннолетних, которые были нарушены их законными представителями.

Кроме того, практика свидетельствует о том, что когда вопрос стоит о защите прав несовершеннолетних, они сами не попадают в число лиц, участвующих в деле. Это противоречит общепринятому понятию, что сторонами по делу выступают предполагаемые субъекты спорного материального правоотношения. Происходит трансформация стороны в ее законного представителя, при этом не всегда удается установить, имеет ли место противоречие между интересами ребенка и его законных представителей. Ведь закон требует в случае разногласий между родителями и детьми назначить несовершеннолетнему представителя (ст. 64 Семейного кодекса РФ, далее – СК РФ). И такого представителя должен назначать суд, а не органы опеки и попечительства. Причем целесообразно, чтобы таким представителем стал адвокат. Очевидно, что в случае разногласий между законными представителями и несовершеннолетним, они не вправе представлять интересы своего ребенка и при обжаловании судебных постановлений в вышестоящих инстанциях.

Так, например, КАС РФ предусматривает обязательное участие адвоката в качестве представителя по делам о госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ч. 6 ст. 277 КАС РФ). В случае принудительной госпитализации

несовершеннолетнего, если его законные представители настаивают на госпитализации, а сам несовершеннолетний обращается с просьбой к адвокату подготовить жалобу в вышестоящую инстанцию, возникает вопрос, каким образом должен действовать адвокат по назначению: в интересах ребенка или законных представителей.

Семейное законодательство РФ предусматривает положение о том, что ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (лиц, их заменяющих). При нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд (ст. 56 СК РФ). При этом ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. В законе предусмотрены положения, когда органы опеки и попечительства или суд могут принять решение только с согласия ребенка, достигшего возраста десяти лет (ст. 57 СК РФ). При этом, предусмотрев право «быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства», не получил законодательного закрепления порядок учета мнения ребенка в судебном разбирательстве как при рассмотрении дела по существу, так и при пересмотре судебных актов в вышестоящих инстанциях.

Необходимо отметить и различный подход законодателя к закреплению процессуальной правосубъектности несовершеннолетних в гражданском и административном судопроизводстве. КАС РФ установил правило о процессуальной дееспособности несовершеннолетних отличное от аналогичного правила, закрепленного в ГПК РФ. В гражданском процессе несовершеннолетний, достигший четырнадцати лет, может в случаях, предусмотренных законом, вести дела лично, но у него нет правомочия передавать дело представителю (ст. 37 ГПК РФ), а в административном судопроизводстве, исходя из буквального текста нормы о процессуальной дееспособности, несовершеннолетний может не только лично вести дела, но и поручать ведение дела представителю (ст. 5 КАС РФ). Данное правило вызывает большие сомнения, поскольку поручить ведение дела представителю можно только на основании соответствующего договора, а сделки помимо мелких бытовых и распоряжения своими личными доходами могут совершать несовершеннолетние только с согласия своих законных представителей (ст. 26 ГК РФ), что, по сути, означает, что вопрос о представителе решает только законный представитель.

Представляется, что в процессуальном законодательстве должно быть закреплено положение об активной роли суда в защите права и обеспечении дополнительных гарантий «слабой» стороны в процессе. Положение о том,

что материнство и детство, семья находятся под защитой государства, предопределяет необходимость во всех правоотношениях признавать приоритет защиты интересов ребенка. Активная роль суда требуется при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, при ограничении или лишении родительских прав, по делам о взыскании алиментов, о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора РФ и др. Прежде всего государство заинтересовано в том, чтобы соблюдались права и законные интересы детей. По отношению к несовершеннолетнему все участники процесса выступают «обязанными» субъектами, поскольку несовершеннолетний самостоятельно не может защитить свои права в суде любой инстанции.

В заключение необходимо отметить, что право на судебную защиту и его эффективность определяются структурой судебной власти и процессуальным законодательством. Необходимость обеспечения подлинно справедливого права на судебную защиту требует постоянных изменений и дополнений процессуального законодательства в соответствии новыми потребностями государства и общества [1, с. 1037–1040]. В связи с этим правовой статус несовершеннолетних, в том числе и при пересмотре судебных решений, должен получить надлежащее законодательное закрепление.

Список использованных источников

1. Туманова, Л. В. Совершенствование процессуального законодательства Российской Федерации в условиях развития новых экономических реалий / Л. В. Туманова, Г. Н. Захаров, О. В. Жукова // Бизнес 4.0 как субъект цифровой экономики. Достижения в области науки, технологий и инноваций / под ред. Е. Г. Попкова. – Спрингер Чам, 2022. – 1223 с.
2. Борисова, Е. А. Вопросы обжалования судебных постановлений в российском гражданском процессе / Е. А. Борисова // Российская юстиция. – 2017. – № 8. – С. 31– 35.
3. Административное судопроизводство в вопросах и ответах : учеб. пособие / под общ. ред. А. А. Муравьева. – М. : Проспект, 2020. – 384 с.
4. Султанов, А. Р. Борьба за право на обжалование: Записки судебного юриста / А. Р. Султанов. – М. : Статут, 2022. – 590 с.

Каралькевич Л. Л.
НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

*Каралькевич Людмила Львовна, нотариус Минского городского
нотариального округа,
ул. Революционная, 6-В, 220030 Минск, Беларусь, karol_lud@mail.ru*

Появление новых видов имущественных прав требует регулирования порядка их обращения в гражданском обороте, в том числе и в наследовании. Проблеме оформления наследственных прав на цифровую валюту посвящена данная публикация. Предлагается использовать закрытое завещание, систему отсроченного платежа и не исключается использование других способов.

Ключевые слова: цифровая валюта; наследование; завещание; нотариальные действия.

Karalkevich L.
INHERITANCE OF DIGITAL CURRENCY

*Karalkevich Liudmila L., notary of the Minsk City notarial district,
6-V Revolyutsionnaya Street, Minsk 220030, Belarus, karol_lud@mail.ru*

The emergence of new types of property rights requires regulation of the procedure for their circulation in civil circulation, including inheritance. This publication is dedicated to the problems of registration of hereditary rights to digital currency. It is proposed to use a closed will, a system of deferred payment, and the use of other methods is not excluded.

Keywords: digital currency; inheritance, testament, notarial acts.

Развитие информационных технологий приводит к внедрению объектов этих технологий в экономическую и социальную среду и находится в постоянном совершенствовании. Активное внедрение информационных технологий в правовую действительность должно отражаться в различных сферах правового регулирования. Наследственное право, являющееся одной из основополагающих подотраслей гражданского права, ощущает влияние правовых норм из информационных технологий и должно предлагать формы их реализации.

На основании ст. 1033 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), в состав наследства входят все права и обязанности, принадлежавшие наследодателю на момент открытия наследства, существование которых не прекращается его смертью.

Могут ли наследоваться цифровые активы, в том числе и криптовалюта? Согласно формулировке цифровой валютой (криптовалютой) признается совокупность электронных данных, которые содержатся в электронной

системе и имеют возможность выступать платежным средством. Исходя из вышеизложенного, понятие «криптовалюта» следует относить к иному имуществу, так как для отнесения ее к вещи она не имеет осязательных свойств, а для отнесения ее к имущественному праву владелец не наделен правом требования к другим лицам.

Определив, что криптовалюта в системе объектов наследования относится к иному имуществу, необходимо рассмотреть особенности ее правопреемства с учетом двух установленных законодательством способов: по закону и по завещанию, а также определить проблемные аспекты в контексте защиты интересов наследников. Наследодатель, имеющий цифровую валюту, несомненно, может передать ее по наследству как иное имущество, предварительно сообщив об этом непосредственному наследнику. Объясняется это тем, что цифровая валюта обладает свойством анонимности, что затрагивает вопрос о необходимости и форме включения цифровых активов в наследственную массу. Ввиду данного свойства наследник не сможет как-либо доказать принадлежность цифровой валюты наследодателю, поскольку данные о ее владельцах нигде не фиксируются. В таком случае защита интересов наследников сводится к минимуму. Таким образом, не зная о наличии цифровой валюты у наследодателя, невозможно включить ее в наследственную массу, а следовательно, нарушаются интересы наследников.

Самым действенным способом передачи цифровой валюты по наследству является передача по завещанию. Наследодатель в завещании может указать ключ доступа к цифровой валюте. Тогда наследнику не придется доказывать принадлежность ее наследодателю, так как у него уже будет доступ к ней, перешедший к нему на законном основании.

Для более эффективной защиты от доступа к цифровой валюте третьих лиц можно использовать закрытое завещание, к тексту которого не имеют доступ не только наследники, но и сам нотариус, до наступления дня открытия наследства. Для защиты цифровых средств в завещании можно указать лишь факт их передачи, а о передаче наследнику информации, содержащей пароль или ключ, иным способом. Таким образом, правопреемство цифровых активов по завещанию решает проблему защиты интересов наследников, поскольку не возникнет необходимости доказывать принадлежность цифровых активов наследодателю. Вместе с тем нельзя отрицать возможность использования других способов наследственного правопреемства.

Еще одним специфическим способом правопреемства криптовалюты, как отмечает Л. Ю. Мхитарян, является использование системы отсроченного платежа [1]. В таком случае осуществляется перевод цифровых средств на банковский или электронный счет, на который будут переведены соответствующие средства. Данный счет должен быть указан в завещании, а также в нем должен быть указан срок, в течение которого должен осуществиться такой платеж. Поскольку сервис напоминает о совершении им операции, наследник при необходимости может отсрочить данный платеж.

Такой способ также является безопасным, поскольку в завещании не будет содержаться информация о ключе к цифровой валюте, что не приведет к утрате содержащихся средств вследствие недобросовестных действий третьих лиц. Следует отметить, что данный способ наследования уместен только в случае, если криптовалюта хранится в онлайн-кошельках.

Однако не всегда удастся оставить завещание в случае, если смерть гражданина наступила внезапно и наследодатель не успел его совершить. В таком случае все наследство наследодателя переходит к наследникам по закону, в порядке универсального наследования. Доказать принадлежность криптовалюты наследодателю будет сложно ввиду анонимности ее обладателя. В этом случае она может перейти по наследству, если наследник знает ключ доступа к ней, в порядке ст. 1031 ГК, так как наследник фактически вступит во владение и управление наследственным имуществом. Если наследникам неизвестно о наличии у наследодателя цифровых активов и в течение нескольких лет никто не воспользуется данным имуществом, то данные средства становятся выморочным имуществом и переходят к государству. Однако биржами, на которых хранятся цифровые активы, могут быть установлены иные правила. Например, криптовалюта переходит в собственность не государства, а соответствующей биржи. Данные обстоятельства существенно нарушают интересы наследников, поскольку доказать принадлежность цифровых активов наследодателю ввиду анонимности их обладателя практически невозможно.

Вместе с тем некоторые биржи устанавливают передачу в наследство не сами цифровые средства, а аккаунт их владельца. Однако если наследники не воспользуются данным аккаунтом в течение нескольких лет, то цифровые средства биржа передает как выморочное имущество соответствующему государству. По этой причине наследникам нужно знать об имевшемся у наследодателя аккаунте, а также доступ к нему. Такой способ передачи в наследство обязывает наследодателя при жизни сообщить предполагаемому наследнику доступ к своему аккаунту на бирже или место, где эта информация о доступе будет находиться. Только таким образом интересы наследников не будут нарушены. Либо наследодателю придется указать в завещании данный пароль, а для сохранности цифровых активов использовать закрытое завещание. В связи с этим необходимо отметить, что самым безопасным способом правопреемства криптовалюты и обеспечения защиты интересов наследников является ее передача по закрытому завещанию.

Представляется, что в контексте обеспечения защиты интересов наследников наиболее эффективным и безопасным способом наследования следует признать использование системы отсроченного платежа, подразумевающего перевод цифровых средств на банковский или электронный счет наследодателя. Однако такой способ применим исключительно к цифровым валютам, находящимся в онлайн-кошельках, в иных случаях рекомендуется использование закрытого завещания в целях сохранения данных средств от иных недобросовестных лиц, что позволит

предупредить проблему доказывания принадлежности криптовалюты наследодателю. При отсутствии завещания видится, что наследодатель, для обеспечения защиты наследников, должен заранее позаботиться о сохранности цифровых средств, оставив доступ к ним в своем личной сейфе или ином личном предмете, и сообщить об этом наиболее надежному наследнику.

Так, Х. Финни – один из первых сторонников и разработчиков Биткойна, завещал свои монеты своим детям, просто предоставив им свои ключи. Примерно за год до своей смерти в 2014 г. Х. Финни оставил важное послание своим детям.

Список использованных источников

1. Мхитарян, Л. Ю. Развитие института наследования в России: к вопросу о необходимости включения цифровых активов в наследственную массу / Л. Ю. Мхитарян // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 1. – С. 283–289.

Карпова Ю. С.

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СПОСОБОВ ИЗВЕЩЕНИЯ
УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹**

*Карпова Юлия Сергеевна, аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов, ассистент кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета,
690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
karpova.ius@dvfu.ru*

Цифровые технологии по мере своего развития все больше внедряются в различные сферы жизни общества: развитие технологий повышает качество жизни как отдельных людей, так и всего общества в целом. Современные технологии открывают новые горизонты по совершенствованию механизмов обеспечения прав и свобод граждан, в том числе в части их защиты в судебном порядке.

Надлежащее извещение является составным элементом права на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Актом привлечения лица к участию в судебном разбирательстве является надлежащее извещение этого лица о времени и месте судебного заседания или совершения иных процессуальных действий. Действующее правовое регулирование обязывает по направлению судебных извещений всем участникам судебного разбирательства возлагает на суд.

Надлежащее извещение участника процесса о времени и месте судебного заседания играет особую роль при рассмотрении дела, поскольку является необходимым условием обеспечения права на справедливое судебное разбирательство. Ненадлежащее извещение лишает стороны гарантированного права на доступ к правосудию, что, в свою очередь, является существенным нарушением норм процессуального права, и, безусловно, влечет отмену судебного решения.

Важность вопросов надлежащего извещения лиц, участвующих в деле, предопределяет проблемы способов его извещения, которые постоянно совершенствуются благодаря развитию информационных технологий. Дополнение существующего процессуального механизма новыми способами извещения, в том числе электронными, призвано упростить процедуру извещения участников процесса, равно как гарантировать ее исполнение надлежащим образом. Более того, электронные способы извещения при

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ # НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

сравнении с традиционными способами извещения обладают рядом преимуществ, таких как оперативность, экономичность и удобство. Между тем, возникает вопрос *определения границ их применения* в рамках судопроизводства.

Ключевые слова: цифровая трансформация; цифровизация; право; технологии; цифровые технологии; извещение; гражданский процесс.

Karpova Julia

**DIGITAL TRANSFORMATION IN THE METHODS OF NOTIFYING
THE PARTICIPANTS OF THE PROCEEDINGS IN CIVIL TRIALS:
CURRENT STATUS AND PROSPECTS**

*Karpova Julia, postgraduate student of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, assistant of the department of theory and history of state and law of the Law School of the Far Eastern Federal University, FEFU
Campus 10 Ajax Bay, Russky Island Vladivostok 690922 Russia,
karpova.ius@dvfu.ru*

Digital technologies, as they develop, are increasingly being introduced into various spheres of society: the development of technologies improves the quality of life, both for individuals and for the whole society as a whole. Modern technologies open up new horizons for improving the mechanisms for ensuring the rights and freedoms of citizens, including in terms of their protection in court.

Due notice is an integral element of the right to a fair trial, enshrined in Art. 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

The act of attracting a person to participate in the trial is the proper notification of this person about the time and place of the court session or other procedural actions. The current legal regulation imposes the obligation to send court notices to all participants in the trial on the court.

Proper notification of the participant in the process of the time and place of the court session plays a special role in the consideration of the case, since it is a necessary condition for ensuring the right to a fair trial. Improper notification deprives the parties of the guaranteed right to access to justice, which, in turn, is a significant violation of the rules of procedural law, and, of course, entails the annulment of the court decision.

The importance of the issues of proper notification of the persons involved in the case predetermines the problems of the methods of its notification, which are constantly being improved due to the development of information technologies. The addition of the existing procedural mechanism with new methods of notification, including electronic ones, is designed to simplify the procedure for notifying participants in the process, as well as guarantee its proper execution. Moreover, electronic notification methods, when compared with traditional notification methods, have a number of advantages, such as efficiency, economy and convenience. Meanwhile, the question arises of determining the boundaries of their application in the framework of legal proceedings.

Keywords: digital transformation; digitalization; law; technologies; digital technologies; notification; civil process.

При сравнении механизмов извещения участников процесса в арбитражном и гражданском судопроизводстве стоит отметить, что способы извещения в рамках арбитражного процесса являются более современными и по вопросам их применения противоречивой судебной практики значительно меньше, чем в рамках гражданского процесса.

Так, в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – АПК РФ) лица, участвующие в деле, после получения первичного извещения в традиционной форме самостоятельно предпринимают меры по получению информации о движении дела с использованием любых источников такой информации и любых средств связи. Таким образом, в рамках арбитражного процесса последующее уведомление участников процесса не предусмотрено – судебные акты размещаются в системе электронного правосудия «Мой Арбитр», и участники арбитражного процесса могут ознакомиться с ними в любое время (ч. 6 ст. 121 АПК РФ).

В литературе неоднократно высказывалась точка зрения о том, что однократное надлежащее извещение судом лиц, участвующих в деле, не соответствует Конституции Российской Федерации и нарушает все те права, составным элементов которых является институт судебного извещения [1, с. 12]. Между тем указанный вопрос уже рассматривался Конституционным Судом РФ. Так, как указывает Конституционный Суд РФ в определении от 31 марта 2022 г. № 630-О, положения ст. 123 АПК РФ призваны пресекать недобросовестное процессуальное поведение лиц, участвующих в деле, и обеспечивать рассмотрение дела в предусмотренный законом срок. Полагаем, что в рамках арбитражного процесса регулирование института извещения о времени и месте судебного заседания является достаточно понятным и вызывает меньше вопросов, нежели в рамках гражданского процесса.

Так, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) устанавливает аналогичный порядок судебного извещения только для органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов и организаций, являющихся сторонами и другими участниками процесса. Проектом Федерального закона № 383208-7 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» предлагалось установить обязанность физических лиц самостоятельно следить за движением дела, что подверглось жесткой критике, в результате чего для физических лиц ГПК РФ сохранил прежнюю форму направления судебных извещений.

Между тем нельзя отрицать, что развитие цифровых технологий в корне изменило традиционные способы извещения посредством почтовых

отправлений, что, в свою очередь, стало основой для возникновения тех или иных дискуссионных вопросов.

1. С 2012 г. в качестве иных способов извещения участников процесса суды применяют *СМС-извещение*.

Так, цивилистами выделяется целый ряд условий использования данного способа информирования участников судопроизводства.

Во-первых, добровольность – СМС-извещение возможно только с согласия участника судопроизводства.

Как следует из абз. 2 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 13), *факт согласия на получение СМС-извещения подтверждается распиской, в которой наряду с данными об участнике судопроизводства и его согласием на уведомление подобным способом указывается номер мобильного телефона, на который оно направляется.*

Во-вторых, своевременность, т. е. СМС-извещения направляются участникам судопроизводства в срок, необходимый для выработки ответной позиции по делу и – при необходимости – обеспечения участия представителя. В противном случае уведомление также будет считаться ненадлежащим [2, с. 183].

В-третьих, обязательность фиксации судом фактов отправки и доставки адресату СМС-извещений [3, с. 5].

Между тем, в судебной практике не всегда соблюдаются все вышеперечисленные требования к извещению участников процесса посредством СМС-сообщений.

Так, Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в постановлении от 15 марта 2022 г. по делу № 8Г-3370/2022 пришел к достаточно неоднозначным выводам. Как следует из материалов дела, в заявлении о передаче дела по подсудности ответчик не указал адрес регистрации либо адрес фактического места жительства, но при этом указал свой номер телефона и адрес электронной почты. О времени и месте судебного заседания ответчик извещался телефонограммой, в ходе получения которой просил направить СМС-извещение, что и было сделано судом по его просьбе. Таким образом, ответчиком не предоставлялась предусмотренная расписка, однако номер телефона ответчика был указан по тексту поданного заявления. Между тем, суд пришел к выводу о надлежащем уведомлении ответчика при условии, что ответчик не отрицал поступление звонка и получение СМС-сообщения.

Изложенное свидетельствует о том, что иногда суды придерживаются позиции, что надлежащим следует считать любое извещение, которым участник процесса действительно и своевременно уведомляется о разбирательстве, получая тем самым возможность подготовиться [4, с. 131]. То обстоятельство, что требуемый результат был достигнут без применения процессуальных правил или в отступление от них, не дает основания для его

аннулирования, если игнорирование процессуальной нормы не повлияло на полученный результат.

Вопрос своевременности получения участником процесса извещения в отсутствие установления конкретного срока на законодательном уровне также является достаточно спорным.

Так, Красноярский краевой суд в апелляционном определении от 27 сентября 2021 г. по делу № 33-12183/2021 посчитал надлежащим уведомление участника процесса за один день до судебного заседания (СМС-извещение направлено 1 октября 2020 г., судебное заседание проведено 2 октября 2020 г.). Как отмечено судом, участник дал согласие на получение уведомления о времени и месте судебных заседаний посредством СМС-сообщений на указанный им телефонный номер и обязался ежедневно просматривать его на предмет поступления новых уведомлений, и указал, что ему разъяснено о том, что с момента поступления СМС-сообщения он считается извещенным о времени и месте судебного заседания. Суд также отметил, что участник процесса имел возможность отслеживать информацию о движении дела на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Полагаем, что для безусловного обеспечения гарантии соблюдения прав участников процесса следует установить срок, до истечения которого участники процесса должны быть уведомлены о дате и времени судебного заседания через формулировку: *«не менее чем за ... дней до»*.

Между тем следует отметить, что указанный способ извещения является самым быстрым, *но не самым надежным*. При использовании СМС-извещения даже при соблюдении всех вышеуказанных условий существует риск злоупотребления правом со стороны недобросовестных участников процесса, которые могут преследовать цель затягивания рассмотрения дела. В таком случае участник процесса может указать неверный телефонный номер и в таком случае, не будучи уведомленным надлежащим образом, участник будет лишен возможности участвовать в рассмотрении дела со всеми вытекающими последствиями, в том числе возможности отмены судебного акта по п. 2 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ.

Возможно ли в данном случае применение по аналогии положений о возложении риска неполучения почтовой корреспонденции самим участником процесса?

Подобного рода судебная практика встречается при рассмотрении судами дел об административных правонарушениях. Так, как указано в постановлении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июля 2021 г. № 16-2964/2021, риски неполучения СМС-извещений, не обусловленные неправомерными или недобросовестными действиями или бездействием мирового судьи, осуществлявшего доставку сообщений, лежат на адресате извещения, поэтому при неполучении участником процесса СМС-сообщений на указанный им номер телефона по обстоятельствам, зависящим от адресата, такие сообщения считаются полученными, а участник, как следствие, считается извещенным.

Однако такая практика в настоящее время имеет место быть только по делам об административных правонарушениях в целях недопущения нарушения сроков рассмотрения дел в связи с наличием сроков давности привлечения к административной ответственности.

2. Возможность извещения *посредством электронной почты* указана в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». Согласие на извещение по электронной почте может быть выражено, в частности, посредством указания адреса электронной почты в тексте обращения в суд, а также при подаче обращения в суд в электронном виде посредством заполнения соответствующей формы, размещенной на официальном сайте суда в сети Интернет. Между тем в последнем абзаце п. 19 указанного постановления говорится о том, что судебное извещение, направленное по адресу электронной почты, считается полученным адресатом в день направления судебного извещения.

Как следует из буквального толкования вышеуказанного пункта, участники процесса считаются надлежащим образом извещенными о времени и месте судебного заседания с момента направления им извещения по адресу электронной почты. Таким образом, очевидно, что во главу угла ставится факт исполнения судом обязанности по направлению извещений, а не факт надлежащего уведомления участников процесса. Полагаем, что изложенное не соответствует правовой сущности института извещения и, соответственно, не гарантирует соблюдение прав участников процесса. Более того, при вышеуказанном подходе в расчет не берется ряд возможных рисков (сбои в работе электронной почты, «взлом» электронной почты, и др.).

Безусловно, применение презумпций, закрепленных в ч. 2 ст. 117 ГПК РФ, создает основу для рассмотрения дела в разумный срок, однако формализованный подход к их применению недопустим.

3. В ГПК РФ закреплена также возможность извещения участника процесса *посредством единого портала государственных и муниципальных услуг* при наличии согласия на получение заказных почтовых отправлений, пересылаемых в форме электронного документа.

Частью 7 ст. 113 ГПК РФ предусмотрено право суда на направление судебного извещения в электронном виде посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг либо системы электронного документооборота участника процесса с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

Полагаем, что указанный способ является наиболее надежным и оперативным. Так, портал обеспечивает необходимый уровень гарантий идентификации участника процесса (например, при извещении по адресу электронной почты достоверно идентифицировать получателя не представляется возможным), минимизирует количество ошибок (например, при СМС-извещении возможно неверное указание телефонного номера) и злоупотреблений со стороны участников процесса.

В настоящее время судебная практика по извещению участников процесса посредством единого портала государственных и муниципальных услуг находится в процессе формирования в связи с новизной такого способа извещения.

Между тем в рамках настоящей статьи хотелось бы отметить некоторые аспекты правового регулирования института извещения, нуждающиеся в дальнейшем совершенствовании.

Так, участники процесса вправе дать свое согласие на получение извещений тем или иным способом, *однако отсутствие у суда корреспондирующей обязанности осуществлять извещение выбранным участником процесса способом свидетельствует об отсутствии у участника процесса права выбора и оставление этого вопроса на усмотрение суда.*

Безусловно, некоторым участникам процесса привычнее и удобнее (в силу ряда причин, например, отсутствия Интернета, неумения пользоваться мобильным телефоном и пр.) получать корреспонденцию на почте, хотя очевидно и наличие граждан, готовых получать извещения по электронной почте или посредством СМС-извещения. Однако даже при наличии согласия лица на извещение посредством электронной почты или СМС, выбор способа извещения осуществляется судом.

Так, в определении Пермского краевого суда от 23 декабря 2020 г. по делу № 33-12702/2020 суд отметил, что, несмотря на то, что истец дал согласие на извещение посредством СМС-сообщения в связи с тем, что он не проживает по месту регистрации, суд при рассмотрении заявления о предоставлении рассрочки исполнения судебного акта направил извещение о времени и месте судебного заседания по месту его регистрации, а не посредством СМС-сообщения. Заказное письмо вернулось с отметкой «истек срок хранения», в связи с чем судом применена презумпция надлежащего извещения. Как указал суд, извещение посредством СМС-сообщения является *одним из способов* уведомления участников процесса, права истца не нарушены. Более того, согласие на СМС-извещение было дано в рамках рассмотрения дела, но не для рассмотрения заявления ответчика о предоставлении рассрочки. Вывод суда представляется необоснованным, так как исходя из буквального толкования нормативных правовых актов, в рамках рассмотрения дела согласие на получение СМС-извещения дается *единожды* на весь период рассмотрения дела или до отзыва такого согласия.

Разумеется, участники процесса могут получить информацию о дате и месте судебного заседания на официальном сайте суда в разделе «Судебное делопроизводство», хотя фактически информация часто размещается судами с нарушением установленных сроков или не размещается совсем.

В связи с этим полагаем, что следует предусмотреть возможность подачи ходатайства об отсутствии необходимости направления извещений почтовой корреспонденцией и о направлении извещений способом, удобным для участника процесса, и предусмотреть соответствующую

корреспондирующую обязанность суда по указанному ходатайству направлять извещения способом, выбранным участником процесса.

Аналогичным образом следует предусмотреть и обеспечить право всех участников гражданского процесса (в том числе юридических лиц, органов власти и т. д.) заявить немотивированное ходатайство о направлении извещений почтовой корреспонденцией. Возможность заявления такого ходатайства исключит любые возможные споры об ограничении лиц в доступе к правосудию (в случае отсутствия технических средств либо навыков).

В Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен законопроект № 156972-8 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации», который предусматривает *обязательное уведомление участников гражданского процесса через Портал государственных услуг Российской Федерации вне зависимости от направления им бумажных повесток почтой или альтернативными способами, предусмотренными ГПК РФ.*

Согласно пояснительной записке к вышеуказанному законопроекту, целью принятия соответствующих нововведений является более полное соблюдение прав граждан на получение информации о направлении судебных повесток и иных судебных извещений.

Полагаем, что принятие предложенного нововведения увеличит нагрузку на суды общей юрисдикции, однако насколько оправданно извещение участника процесса одновременно двумя способами извещения? Безусловно, риск ненадлежащего извещения в результате некачественного оказания услуг почтовой связи, в частности утери писем, ошибок сотрудника почты, будет отчасти нивелирован. Было ли бы эффективнее предоставить участнику процесса право выбора способа извещения, наиболее удобного для него, и возложение на участника риска неполучения извещения выбранным им способом?

Кроме того, некоторые вопросы остаются открытыми: в какой момент извещение, направленное через Портал государственных услуг Российской Федерации, будет считаться полученным участником процесса? А если участник процесса не использует Портал и/или не обладает соответствующими навыками или доступом к определенным техническим средствам? Будет ли участник процесса нести риск неполучения извещения в таком случае?

Итак, подводя итог, хотелось бы отметить, что только своевременное извещение участников процесса гарантирует реализацию принципа законности в гражданском судопроизводстве. Технологии, безусловно, позволяют сократить время по извещению участников процесса, а вместе с тем сделать гражданское судопроизводство более оперативным. Однако, вне сомнений, способы извещений нуждаются в дальнейшем совершенствовании как на законодательном уровне, так и на уровне правоприменительной практики.

Список использованных источников

1. Попова, Н. И. Актуальные проблемы надлежащего извещения участников арбитражного процесса / Н. И. Попова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 2. – С. 11–15.

2. Иванов, С. Д. Ненадлежащее извещение стороны, против которой вынесено решение третейского суда: обзор практики арбитражных судов округов / С. Д. Иванов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 4. – С. 181–189.

3. Афанасьев, С. Ф. Информационно-правовая составляющая СМС-извещения участников гражданского судопроизводства / С. Ф. Афанасьев, Н. А. Жирнова, М. В. Филимонова // Администратор суда. – 2018. – № 3. – С. 3–6.

4. Елисеев, Н. Г. Извещение ответчика, находящегося за границей / Н. Г. Елисеев // Закон. – 2016. – № 6. – С. 121–137.

Кирвель И. Ю.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

Кирвель Ирина Юзефовна, кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023 г. Гродно, Беларусь, kirvel_ij@grsu.by

В данной статье обозначены современные проблемы, возникающие в сфере реализации права на судебную защиту и обеспечения доступности правосудия, в том числе в чрезвычайных условиях. Цель исследования заключается в выявлении вышеобозначенных проблем и определении способов их решения. Предложения, сформулированные в данной научной статье, направлены на повышение эффективности реализации права на судебную защиту в Республике Беларусь. Несмотря на то, что тема, касающаяся права на судебную защиту и доступности правосудия исследована в науке в достаточной степени, однако проблемы, обозначенные в данной статье, являются новыми и требуют разрешения.

Ключевые слова: право на судебную защиту; доступность правосудия; судебная система, пандемия COVID-19; чрезвычайное положение.

Kirvel I.

CONTEMPORARY ISSUES OF REALIZATION OF THE RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION AND ENSURING THE ACCESSIBILITY OF JUSTICE

Kirvel Irena, PhD (law), Docent; Associate Professor at the department of civil law and procedure, faculty of law, Yanka Kupala State University of Grodno 22 Ozheshko street, 230023 Grodno, Belarus, kirvel_ij@grsu.by

This article outlines the contemporary issues arising in the field of the realization of the right to judicial protection and ensuring the accessibility of justice, including in emergency situations. The purpose of the study is to identify the above-mentioned problems and ways of solving them. The proposals formulated in this scientific article are aimed at improving the effectiveness of the realization of the right to judicial protection in the Republic of Belarus. Despite the fact that the issue of the right to judicial protection and accessibility of justice has been sufficiently investigated in science, however, the problems identified in this article are new and require resolution.

Keywords: right to judicial protection; accessibility of justice; judicial system, COVID-19 pandemic; state of emergency.

Проблема обеспечения реализации права на судебную защиту всегда вызывала научный интерес у ученых-процессуалистов. И для этого существуют объективные причины – право на судебную защиту является неотъемлемым конституционным правом, гарантированным международными и национальными нормативными документами; создание надлежащих условий в государстве для его реализации характеризует такое государство как правовое; без возможности осуществить данное право лицо не сможет реализовать в полной мере те субъективные права, которые ему принадлежат по закону. Указанный перечень причин, указывающих на особую значимость права на судебную защиту, можно продолжить, поэтому можно с уверенностью сказать, что право на судебную защиту определяет не только гарантию ее получения, но и предпосылки к реализации других прав и свобод субъектов гражданского оборота.

Право на судебную защиту в нашем государстве нашло свое закрепление в ст. 60 Конституции Республики Беларусь, установившей для каждого гарантию защиты прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в порядке и сроки, определенные законом.

О. Я. Беляевская в качестве основных правомочий, составляющих содержание права на судебную защиту, выделяет: право на обращение с заявлением в суд, с которым тесно связано право доступа к суду; право на рассмотрение (разрешение) дела судом по существу и вынесение судом судебного постановления; право на доступ к суду вышестоящей инстанции и право на надлежащее исполнение судебного решения [1, с. 7–8].

В научной литературе в качестве понятий, тесно связанных с реализацией права на судебную защиту, выделяют «доступ к суду» и «доступность правосудия». При определении соотношения данных понятий высказана позиция, что «доступ к суду» означает гарантированную законом возможность лиц обращаться в судебные инстанции, доказывать свою правовую позицию, участвовать в судебном разбирательстве, обжаловать судебные постановления. При этом такая категория, как «доступность правосудия», рассматривается как качественная характеристика правосудия, выражающаяся в открытости, гласности судебной системы, эффективном восстановлении нарушенных и оспариваемых прав в разумные сроки [2, с. 113–114].

Следует отметить, что категории «доступ к суду» и «доступность правосудия» достаточно активно подвергаются анализу в научной литературе и в связи с отсутствием нормативного закрепления трактуются учеными по-разному. Так, с точки зрения Е. Н. Ярмоц, право на доступ к правосудию является гарантией (формой) реализации права на судебную защиту и подразумевает правомочие любого лица на беспрепятственное обращение в суд [3, с. 287–288].

По мнению Л. Л. Шамшурина, «доступность правосудия предполагает доступность процессуально-правового механизма, обеспечивающего правильное и своевременное рассмотрение и разрешение спора...» [4, с. 7–8].

Как видно из приведенных точек зрения, вышеуказанные правовые категории развивают конституционное право на судебную защиту,

обеспечивая возможность обращения в суд и активной реализации процессуальных прав и обязанностей в процессе рассмотрения и разрешения дела, а также возможность пользоваться помощью представителей и другими гарантиями, закрепленными в законодательстве. Поэтому констатация нормативного закрепления в государстве права на судебную защиту является недостаточной для правового государства, должен быть создан соответствующий механизм реализации данного права. Следует отметить, что в нашей стране создан достаточно эффективный механизм обеспечения права на судебную защиту, хотя, безусловно, скрупулезный анализ действующего процессуального законодательства позволяет выявить определенные проблемы правового регулирования общественных отношений в данной области, но в данном научном исследовании мы бы хотели обратить внимание на проблемы реализации права на судебную защиту и обеспечения доступности правосудия, которые могут возникать в связи с чрезвычайными обстоятельствами.

На современном этапе своего развития судебная система большинства государств столкнулась с серьезными ограничениями в своей работе, а граждане и организации – с проблемами по защите своих прав, в том числе и в судебном порядке. Так, чрезвычайные положения и ситуации, противоэпидемические мероприятия, проводимые в большинстве государств мира в связи с пандемией COVID-19, повлекли за собой ограничения прав на свободный доступ к правосудию: полное прекращение работы судов на определенный период с отложением, приостановлением всех дел, за исключением срочных; ограниченный режим работы судов с ограничением физического доступа в здания судов; переход на онлайн-рассмотрение дел без учета готовности судов и участников судопроизводства. Например, к числу стран, где работа судов в условиях проведения противоэпидемических мероприятий ограничивалась рассмотрением только самых неотложных дел, относятся Азербайджан, Греция, Дания, Канада, Кыргызстан, Молдова, Нидерланды, Словения, Узбекистан, Швейцария и некоторые другие [5]. Возникает вопрос: можно ли считать такие меры нарушением права на судебную защиту? Полагаем, что ограничение работы судов является безусловным ограничением права на судебную защиту.

Международная комиссия юристов в своих рекомендациях отметила ключевую роль судебных органов по обеспечению верховенства права и их особую важность именно во время чрезвычайного положения или иного кризиса. Комиссия также высказала свою позицию относительно соотношения права судей и работников суда на обеспечение безопасных и здоровых условий труда с необходимостью выполнять свои обязанности для обеспечения реализации права на судебную защиту заинтересованными лицами. Международная комиссия юристов считает, что оправданно просить судей и других работников системы правосудия согласиться на более высокую степень риска по сравнению с лицами, не занимающими государственных должностей, – точно так же, как в случае с медицинскими работниками, полицейскими и пожарными [6].

В свою очередь, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, проводя анализ последствий пандемии для судебной системы, для реализации права на доступ к правосудию, выявила ряд общих для большинства государств проблем в данной области, решение которых в будущем позволит избежать нарушений права на судебную защиту, на доступность правосудия. В частности, были выявлены:

- отсутствие во многих государствах должного правового регулирования практики использования информационных технологий для преодоления проблем судопроизводства в связи с чрезвычайными ситуациями;
- проблемы в работе судей, работников аппарата суда, адвокатов и других представителей сторон, а также других участников судопроизводства в удаленном режиме с использованием информационных технологий;
- ограничения права на открытое слушание дела, поскольку даже когда суды проводили очные слушания с непосредственным присутствием сторон, то посетители, как правило, на такие слушания не допускались;
- использование различных источников права, включая законы, распоряжения министерства юстиции, постановления правительства, а также решения советов судей и инструкции, изданные администрацией и аппаратом судов для осуществления правового регулирования изменений в деятельности судов, вызванных пандемией, что приводило к проблемам противоречивости актов различной ведомственной принадлежности [5].

Какие из обозначенных проблем касаются нашего государства, и какие вопросы следует решить во избежание их возникновения в чрезвычайных условиях? Следует отметить, что, несмотря на тот факт, что деятельность судов Республики Беларусь не была остановлена и в целом реализация права на судебную защиту осуществлялась на должном уровне, пандемия оказала влияние на организацию работы судов. Можно отметить ограничения по посещению открытых судебных заседаний для всех желающих, что оказало влияние на реализацию принципа гласности, который является гарантом доступного правосудия. Пандемия COVID-19 повлияла на увеличение случаев отложения судебных разбирательств, приостановления производства по делам из-за длительной болезни участников процесса [7]. Соответственно отложение разбирательства дела способствует нарушению принципа процессуальной экономии, а приостановление производства по делу непосредственно влияет на реализацию конституционного права на судебную защиту в сроки, определенные законом.

Сегодня мы также не можем сказать, что белорусская судебная система и, еще в большей степени, лица, обращающиеся в суд, готовы перейти на активное использование информационных технологий, которые в условиях распространения инфекций и при возникновении других чрезвычайных ситуаций способны обеспечить реализацию права на судебную защиту. Безусловно, следует расширять использование информационных технологий в судопроизводстве, обеспечить право всем заинтересованным лицам обращаться в суд посредством сети Интернет. Но следует помнить, что

развитие информационных технологий в судопроизводстве не является средством решения всех проблем. Следует согласиться с В. В. Момотовым: «Чрезмерная зависимость от технологий и тех, кто их контролирует, может представлять опасность для правосудия» [8].

И надо сказать, что, как и в большинстве государств, в Республике Беларусь также отсутствует должное правовое регулирование изменений в деятельности судов, вызванных пандемией. Как представляется, важно, чтобы правовое регулирование функционирования судебной системы в ситуациях, обусловленных обстоятельствами, представляющими непосредственную угрозу безопасности жизни и здоровья людей, территориальной целостности государства и его существованию, было реализовано до их наступления.

Так, в случае введения чрезвычайного положения и невозможности осуществления правосудия судами на определенной территории п. 3 ст. 35 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» определяет возможность изменения территориальной подсудности дел по решению Верховного Суда Российской Федерации. Полагаем, что аналогичное положение должно найти закрепление и в белорусском законодательстве, в частности в Законе Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-З «О чрезвычайном положении». Данная норма может применяться также при введении военного положения. Но при этом, следует обратить внимание на тот факт, что в Российской Федерации следует устранить противоречие между ст. 46 Конституции Российской Федерации и вышерассмотренным п. 3 ст. 35 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении», предусматривающим возможность изменения территориальной подсудности дел, в то время как в соответствии с п. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации: «Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом». Как видим, конституционная норма запрещает изменение подсудности, установленной законом.

В плане обеспечения реализации права на судебную защиту заслуживает внимания опыт Малазийской судебной системы, направленный на обеспечение реализации доступности правосудия для населения в отдаленных районах страны. В этой стране создана уникальная система мобильных судов, когда используются транспортные средства как «мобильные залы судов», в каждом из которых находится мировой судья, комиссар по приведению к присяге и переводчик, а также их мобильное оборудование для связи и звукозаписи. Эти транспортные средства направляются в труднодоступные районы, где работники суда оказывают правовую помощь тем, кто в ней нуждается, и отправляют правосудие [9]. Данный опыт может быть использован в ситуациях невозможности обеспечения деятельности судов на определенных территориях в результате чрезвычайных ситуаций.

Таким образом, проведенный анализ позволяет учесть и урегулировать проблемы, возникающие в процессе реализации права на судебную защиту

и обеспечения доступности правосудия, а следовательно, повысить эффективность правового регулирования данных общественных отношений.

Список использованных источников

1. Беляевская, О. Я. Конституционное право человека и гражданина на судебную защиту: понятие, проблемы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / О. Я. Беляевская ; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 2007. – 23 с.

2. Алисов, А. Н. Соотношение конституционных категорий «доступ к правосудию» и «судебная защита» / А. Н. Алисов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 2 (38). – С. 113–118.

3. Ярмоц, Е. Н. Понятие и гарантии обеспечения доступа к правосудию / Е. Н. Ярмоц // Право и демократия: сб. науч. трудов. – Вып. 27 / БГУ ; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2016. – С. 285–295.

4. Шамшури, Л. Л. Доступность правосудия как гарантия реализации права на судебную защиту в сфере гражданской юрисдикции / Л. Л. Шамшури // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 1. – С. 5–9.

5. Обязательства ОБСЕ в области человеческого измерения и меры реагирования государств на пандемию COVID-19 [Электронный ресурс] // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/node/477688>. – Дата доступа: 13.09.2022.

6. Рекомендации Международной комиссии юристов по судам и коронавирусу COVID-19 [Электронный ресурс] // Международная комиссия юристов. – Режим доступа: <https://www.icj.org/ru/рекомендации-международной-комиссии/>. – Дата доступа: 14.09.2022.

7. Интервью первого заместителя Председателя Верховного Суда Республики Беларусь Валерия Калинковича информагентству «БелТА» в преддверии заседания Пленума [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice/press_office/160f16160f9f41f1.html. – Дата доступа: 14.09.2022.

8. Момотов, В. В. Российская судебная власть в условиях пандемии [Электронный ресурс] / В. В. Момотов. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/dohadecaration/ru/news/2021/06/the-russian-judiciary-in-the-pandemic.html>. – Дата доступа: 13.09.2022.

9. Зайнан, Али. Малазийские мобильные суды: Рассмотрение споров в лесной тиши [Электронный ресурс] / Али Зайнан. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/dohadecaration/ru/news/2019/12/malaysias-mobile-court--judging-in-the-still-of-the-forest.html>. – Дата доступа: 13.09.2022.

Князькин С. И.
РОЛЬ НОРМ ПРАВА В ПРИНЯТИИ
СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

*Князькин Сергей Игоревич, кандидат юридических наук, доцент;
доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства,
Российский государственный университет правосудия,
ул. Новочерёмушкинская, 69, 117418 Москва, Россия, knyazkin-sergei@mail.ru*

Исследуется значение норм права для справедливого разрешения спора. Характер спорного правоотношения подлежит определению судом на основе совокупности фактических обстоятельств. Мера прав, обязанностей и ответственности, подлежащая распределению судом между сторонами по итогам разрешения спора, с позиции конституционного принципа верховенства права определяется не столько нормой права, сколько фактическим компонентом спора, его судебной оценкой. Делается вывод о вспомогательной роли норм права для обеспечения судом справедливого разрешения спора.

Ключевые слова: норма права; верховенство права; справедливое судебное разрешение; фактический компонент спора; правовой компонент спора.

Knyazkin S. I.
THE ROLE OF LEGAL NORMS IN MAKING A FAIR JUDICIAL
DECISION

*Knyazkin Sergey I., PhD in Law, docent; Associate Professor at the Department
of Civil and Administrative procedure,
Russian State University of Justice,
69 Novocheryomoushkinskaya Street, 117418 Moscow, Russian, knyazkin-
sergei@mail.ru*

The article examines the importance of the norms of law for a fair resolution of the dispute. The nature of the disputed legal relationship is subject to determination by the court on the basis of a set of factual circumstances. The measure of rights, duties and responsibilities to be distributed by the court between the parties based on the results of dispute resolution, from the position of the constitutional principle of the rule of law, is determined not so much by the rule of law as by the actual component of the dispute, its judicial assessment. The conclusion is made about the auxiliary role of the norms of law to ensure a fair resolution of the dispute by the court.

Keywords: legal norm; rule of law; fair judicial resolution; factual component of the dispute; legal component of the dispute.

Справедливое разрешение судом спора является одним из компонентов конституционного принципа верховенства права [1; 2]. Справедливость судебного решения не ограничивается только его законностью, она выходит далеко за пределы соответствия акта правосудия нормативным установлениям. Несмотря на традиционно высокую роль статута в судебной защите нарушенного права, в парадигме верховенства права он играет вспомогательный характер, который наглядным образом проявляется на каждой стадии судебного разбирательства.

Для определения характера спорного правоотношения при подготовке дела к слушанию первостепенное значение имеют заявленные сторонами требования и представленные суду доказательства. Именно они позволяют установить конечные цели, которые преследовали участники спора. Важны и сопутствующие обстоятельства, сопровождавшие стороны в ходе развития правоотношения, участниками которого они являются. Подобной позиции придерживается высший судебный орган применительно к толкованию судом договора для определения характера спора [3].

Положения договора, как и положения норм права, носят вспомогательный характер по одной простой причине. Само по себе обращение к ним суда не позволит определить характер спора по той причине, что фактические обстоятельства, подлежащие судебной оценке, уже свершились, в то время как нормы права по своей природе являются модельными и подлежат сопоставлению с фактами и доказательствами по каждому конкретному делу.

Алгоритм судебной защиты нарушенного субъективного права на основе принципа верховенства права предполагает приоритет фактического компонента спора. Именно по этой причине неразумным является подход, опережающий естественный ход событий, а именно: возложение на истца обязанности по указанию нормы права, подлежащей применению судом по заявленным исковым требованиям [4].

Для того чтобы определить применимую норму права (правовая квалификация спора), необходимо разобраться с характером исковых требований и спора.

Поиск применимой нормы права является прерогативой не стороны, а суда. Это следует не только из природы процессуальных правоотношений, но и здравого смысла. Как врач обязан определить необходимый для пациента протокол его лечения, так и суд обязан определить применимую норму права по заявленному спору.

Любые попытки переложить эту обязанность на плечи сторон под видом специфики судопроизводства, связанностью суда фактическим и юридическим основанием иска представляют собой желание решить корпоративную проблему, связанную со снижением судебной нагрузки. Именно такой мотив был избран во французском гражданском судопроизводстве, когда на стороны была возложена обязанность по даче фактам правовой квалификации.

Состязательность и диспозитивность судопроизводства следует рассматривать не как цель, а как средство достижения цели по защите нарушенного субъективного права. Прежде чем дать сторонам возможность состязаться, необходимо определить границы этого состязания. Но и это состязание касается только доказательств, т. е. фактического компонента спора, но никак не вопросов поиска применимых норм права.

До того как суд станет связан основанием иска, требуется его содействие сторонам для установления всей полноты фактов, формирующих это основание.

Еще одной и, вероятно, основной причиной, по которой нормы права в деле справедливой судебной защиты носят вспомогательный характер, является то, что справедливость судебного решения не ограничивается той мерой прав, обязанностей и ответственности, которая содержится только в норме права.

Справедливым является такое решение, в котором меры, предпринятые судом для восстановления нарушенного субъективного права, максимально соответствуют характеру нарушенного субъективного права, включая вклад каждой из сторон в возникновение спора, а также последствиям этого нарушения. Из этого следует ряд выводов, которые предполагают иной подход к правовой квалификации спора.

Во-первых, правовая квалификация спора представляет собой не механическое наложение диспозиции нормы права на фактический состав спора, а первоначальный поиск нормы права, которая позволила бы обеспечить адекватность мер, предпринимаемых судом по заявленным требованиям. Даже максимальный и минимальный пределы санкции нормы права могут быть неадекватными нарушенному праву, чрезмерными или недостаточными.

Во-вторых, отыскание применимой нормы права означает раскрытие ее смысла, который был вложен в нее нормотворцем, а также последующее сопоставление этого смысла с характером спора и самого нарушенного субъективного права.

Подобное сопоставление необходимо для того, чтобы определить пропорциональность тех мер, адекватность тех обязанностей, которые будут применены и возложены на стороны по результатам рассмотрения дела. Неадекватность отысканных норм права нарушенному субъективному праву предполагает обязанность суда продолжить их поиск.

Цель правовой квалификации спорного правоотношения заключается в определении среди всего нормативного массива тех норм, которые позволят достичь искомую меру прав, обязанностей и ответственности по данному конкретному спору. Именно по этой причине правовая квалификация спора не может проводиться на стадии принятия иска к производству и подготовки дела к слушанию, когда значимые для дела фактические обстоятельства еще не установлены.

Например, не может признаваться адекватным нарушенному субъективному праву применение судом общего срока исковой давности по

спору о взыскании пенсии, поскольку такие правоотношения, обладая специальными целями, носят не общегражданский, а социальный характер [5].

Нормы процессуального права, регулирующие отдельные институты судопроизводства, являются вспомогательными по той причине, что рамочные. Например, нормы процессуального права о доказывании в самых общих чертах устанавливают требования к доказательствам, разумно оставляя за судом полномочия по их оценке.

Не только законодатель, но даже высший судебный орган, обобщая сложившуюся судебную практику, может составить лишь примерный перечень доказательств, необходимых для достоверного установления значимых для дела фактических обстоятельств [6, с. 99–101; 7, с. 21; 8, с. 65–66].

В-третьих, поскольку поиск применимых норм права происходит по всему нормативному массиву, который существует на момент разрешения спора, постольку суд вправе применить нормы права любого характера. Речь идет не только об абсолютно-определенных нормах права, но и об универсальных правовых нормах. Последние содержатся в основополагающих нормативных правовых актах, к которым относятся отечественная Конституция, а также нормы международного права, например, Всеобщая декларация прав человека 1948 г.

В-четвертых, служебный характер норм права в деле справедливого разрешения спора подтверждается обязанностью суда применять не только нормы, но и принципы права [9, с. 15]. Принципы права также являются непосредственными и универсальными регуляторами правоотношений. Сам факт обращения суда к общеправовым или отраслевым принципам права выступает признаком поиска судом тех регуляторов правоотношений, которые адекватны характеру разрешаемого спора.

Применение судом даже отраслевых принципов, которые отличаются своим специальным, прикладным характером, предполагает их толкование сообразно обстоятельствам конкретного дела. У суда нет возможности сослаться на равную для всех участников правоотношений и конкретную меру абсолютно определенной нормы права по той причине, что она в принципах попросту отсутствует.

Принципы права имеют лишь общее упоминание в различных формах права, поэтому раскрытие их содержания остается естественной прерогативой суда, тем более, если речь идет об общеправовых принципах права, которые в силу своей природы обладают универсальным характером.

Примером работы суда по толкованию принципов права может выступать деятельность Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека, которые раскрывают содержание этих регуляторов правоотношений применительно к многочисленным и разнообразным делам.

Применение судом принципов права обладает преимуществом перед традиционным применением специальных норм права. Обращаясь к принципам права, суд подает сигнал законодателю о непригодности для

применения иных норм права к рассматриваемому делу. Иными словами, применяя принципы права, суд констатирует наличие противоречий, сложившихся между идеалом, который преследовал нормотворец, и реальностью, в которой нормы права были применены.

Не следует идеализировать отраслевые принципы права, включая принципы судопроизводства, рассматривая их в качестве достаточного средства обеспечения справедливого разрешения спора.

Первая причина такого понимания процессуальных принципов заключается в их заведомой подчиненности общеправовым принципам права. В отечественном судопроизводстве более полутора веков действуют состязательность и диспозитивность гражданского судопроизводства. Но тот же период они стоят на службе у верховенства закона и общеправового принципа законности [10].

Только в последние тридцать лет конкуренцию верховенству закона составляет принцип верховенства права. По этой причине всегда требуется осознавать конечные цели, на достижение которых направлены эти известные процессуальные столпы судопроизводства. Цели определяются правовой идеологией.

Вторая причина для восприятия процессуальных принципов как вспомогательных инструментов справедливой защиты нарушенного права определяется их зависимостью от реального наполнения их содержания действиями суда и сторон. Эти действия связаны с формированием фактического компонента спора.

Недостаточно обеспечить состязание сторон, суду требуется умело распорядиться результатами этого состязания посредством надлежащей оценки фактов с целью выбора адекватной им меры прав, обязанностей и ответственности. Аналогично принцип диспозитивности направлен на формирование пределов судебной защиты нарушенного права, в рамках которых суд обязан сделать однозначные выводы о том, было ли право нарушено и, если было нарушено, то какие меры по его восстановлению требуются.

В-пятых, служебный характер норм права подтверждается разной степенью развитости национальных нормативных массивов. Несмотря на многоуровневую систему форм российского права лица, обращающиеся за судебной защитой, часто сталкиваются с ситуацией отказа в ней ввиду отсутствия применимых норм права.

Например, именно такая ситуация произошла применительно к порядку и критериям индексации присужденных судом денежных сумм. Все судебные инстанции во главе со второй кассацией в Верховном Суде Российской Федерации отказали в удовлетворении требования об индексации из-за отсутствия федерального закона, которым регулируется ее порядок, и на который ссылается обновленная норма ГПК РФ или соглашение сторон [11].

В то же время многие зарубежные судебные системы, работая в условиях гораздо более скромной нормативной правовой урегулированности общественных отношений, не сталкиваются с препятствиями не только

принципиальной возможности защиты нарушенного субъективного права, но и максимально адекватных мер, направленных на его защиту.

Наглядным примером, демонстрирующим возможность суда работать в условиях скудной нормативной правовой регламентации, является деятельность Европейского суда по правам человека. Имея в распоряжении Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, судебная защита предоставляется всем лицам, обратившимся в этот наднациональный судебный орган. Осведомленность Суда о содержании национальных нормативных правовых актов решающего значения в отправлении наднационального правосудия не имеет.

Вспомогательный характер нормативных установлений для судебной защиты нарушенного права подразумевает иное понимание единообразия в применении и толковании судами норм права.

Единообразие представляет ценность в двух аспектах. Первый аспект заключается в типовой оценке набора фактов и доказательств. Типовой оценка называется потому, что при заявленных исковых требованиях факты носят повторяющийся характер. Как правило, они могут быть подтверждены определенными средствами доказывания, поэтому и оценка совокупности фактов является единообразной.

Второй аспект состоит в том, что толкование норм права может выступать в качестве эталона, если речь идет о раскрытии смысла применимой нормы права и оценке этого смысла при заданных повторяющихся фактических обстоятельствах дела.

В остальных случаях неразумно требовать от судебной системы единообразного толкования норм права по разнообразным спорам, несмотря на их внешнюю схожесть.

Список использованных источников

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.12.2021 № 55-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс».

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.06.2009 № 11-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» // СПС «Консультант Плюс».

3. Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2021 № 44-КГ20-24-К7, от 30.03.2021 № 44-КГ20-25-К7, 2-3634/2019 от 30.03.2021 № 44-КГ20-26-К7 // СПС «Консультант Плюс».

4. Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // СПС «Консультант Плюс».

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.04.2022 № 14-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 58 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», а также подпункта 1 пункта 1 статьи 21 и подпункта 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

6. Никитин, С. В. Необходимые доказательства и практика их использования в гражданском процессе / С. В. Никитин // Известия высших учебных заведений. 1988. – № 6. – С. 99–101.

7. Шараева, Е. А. Роль и значение необходимых доказательств в арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Шараева. – Саратов, 2009. – 22 с.

8. Треушников, М. К. Относимость и допустимость доказательств в гражданском процессе / М. К. Треушников. – М. : Юрид. лит., 1981. – 95 с.

9. Ершов, В. В. Правовое и индивидуальное регулирование правоотношений / В. В. Ершов. – М. : РГУП, 2018. – 628 с.

10. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Часть 1. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901 // СПС «Гарант».

11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 января 2021 года «По делу о проверке конституционности статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

Ковалёва Т. В.

**ПРЕКРАЩЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ЗА НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА
ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ**

*Ковалёва Татьяна Викторовна, магистр юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
юридического факультета,*

*Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246028 г. Гомель, Беларусь, iulitt@yandex.ru*

В условиях глобализации экономических и социальных процессов активизировался информационный обмен, в том числе и обмен персональными данными населения. Это значительно упростило обработку персональных данных, однако одновременно значительно повысило риск их утечки и несанкционированного использования. В статье предпринята попытка анализа прекращения трудового договора за нарушения порядка обработки персональных данных, рассмотрены его субъекты, понятие обработки персональных данных соотнесено с деяниями, за которые возможно увольнение работника. Автор уделяет внимание некоторым особенностям осуществления обработки персональных данных работников нанимателя, за нарушение которых применимо прекращение трудового договора.

Ключевые слова: нарушение порядка обработки персональных данных; обработка персональных данных; персональные данные; прекращение трудового договора; увольнение работника.

Kavaliova T. V.

**TERMINATION OF THE EMPLOYMENT CONTRACT
FOR VIOLATION OF THE PROCEDURE FOR PROCESSING
PERSONAL DATA**

*Kavaliova Tatiana V., master in law; senior lecturer at the department
of civil law disciplines, faculty of law,
Francisk Skorina Gomel State University,
104 Sovetskaya Street, Gomel 246028, Belarus, iulitt@yandex.ru*

In the context of globalization of economic and social processes, information exchange has intensified, including the exchange of personal data of the population. This greatly simplified the processing of personal data, but at the same time significantly increased the risk of their leakage and unauthorized use. The article attempts to analyze the termination of an employment contract for violations of the procedure for processing personal data, its subjects are considered, the concept of personal data processing is correlated with acts for which an employee may be dismissed. The author pays attention to some features of the processing of

personal data of the employer's employees, for violation of which termination of the employment contract is applicable.

Keywords: violation of the procedure for processing personal data; processing of personal data; personal data; termination of an employment contract; dismissal of an employee.

В числе важных гарантий прав человека выделяется гарантия защиты персональных данных физических лиц, которая соответствует защите права на неприкосновенность частной жизни. Как отмечает Ф. А. Абаев, в современном мире проблема защиты персональных данных приобретает все большую актуальность, поскольку развитие технологий и стремительно меняющийся образ жизни постоянно повышают степень уязвимости информации, составляющей сведения о частной жизни человека в процессе его деятельности [1]. Вопросам защиты персональных данных в трудовых отношениях посвящены труды российских ученых Ф. А. Абаева [1], А. В. Дворецкого [2], Н. И. Петрыкиной [3], а также таких белорусских авторов, как Д. Вильтовский [4], Д. Звоненко [5], К. Л. Томашевский [6].

Законодатель Республики Беларусь уделяет особое внимание регулированию отношений, связанных как с информацией вообще, так и с нераскрытой информацией, к которой относятся и персональные данные. В частности, 7 мая 2021 г. был принят Закон Республики Беларусь № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон о защите персональных данных), а 28 мая 2021 г. Законом Республики Беларусь № 114-З «Об изменении законов по вопросам трудовых отношений» ст. 47 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) была дополнена новым основанием прекращения трудового договора за нарушение порядка обработки персональных данных.

Персональные данные физического лица в соответствии с Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» отнесены к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, и никто не вправе требовать от физического лица предоставления персональных данных либо получать такую информацию иным образом помимо воли данного физического лица, кроме случаев, установленных законодательными актами.

Законодательное закрепление понятия «персональные данные» содержится в ряде нормативных правовых актов. Считаем, что для защиты персональных данных следует использовать определение, закрепленное в Законе о персональных данных, под которыми понимается любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано.

Непосредственно в трудовом законодательстве Беларуси не установлено обязанности нанимателя по обеспечению сохранности персональных данных. Исходя из определения оператора, закрепленного в Законе о защите персональных данных, вытекает, что наниматель является таким лицом и обязан принимать правовые, организационные и технические меры по

обеспечению защиты персональных данных от неправомерных действий с ними как иных физических лиц, так и работников в частности. Для сравнения следует отметить, что на работодателя в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации (далее – ТК РФ) возложена обязанность выработки мер защиты персональных данных работников. В Трудовом кодексе Республики Казахстан предусмотрено, что работник имеет право на обеспечение защиты персональных данных, хранящихся у работодателя (п. 14 ч. 1 ст. 22), а работодатель обязан осуществлять сбор, обработку и защиту персональных данных работника в соответствии с законодательством о персональных данных (п. 24 ч. 2 ст. 23).

В соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 47 ТК трудовой договор может быть прекращен в случае нарушения работником порядка сбора, систематизации, хранения, изменения, использования, обезличивания, блокирования, распространения, предоставления, удаления персональных данных. Данное основание отнесено к дисциплинарным увольнениям. Все указанные действия, изложенные в вышеназванной норме, подпадают под термин «обработка персональных данных», которая включает в себя не только действия, указанные выше, но в целом любые действия с персональными данными. При этом в иных нормативных правовых актах, регулирующих вопросы обработки персональных данных, помимо приведенного перечня используются такие понятия как получение, передача, накопление (Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации»), восстановление, актуализация, исключение (Закон Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 418-З «О регистре населения»). Кроме того, в самом Законе о защите персональных данных используется понятие «трансграничная передача персональных данных», которое напрямую не называется обработкой, хотя и является таковой.

Однако в п. 10 ч. 1 ст. 47 ТК дан исчерпывающий перечень действий, нарушение которых может повлечь увольнение с работника, и не включает вышеназванные понятия. Считаем, что прекратить трудовые отношения с работником, нарушившим порядок исключения персональных данных в случае несоблюдения порядка внесения их в регистр, а также в целях обеспечения национальной безопасности, прав и свобод физических лиц (ч. 1 ст. 15 Закона Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 418-З «О регистре населения»), не представляется возможным в связи с тем, что нарушение такого действия не является основанием для увольнения работника согласно п. 10 ч. 1 ст. 47 ТК. В таком случае происходит ущемление прав субъекта персональных данных, ведь независимо от того, названы ли указанные действия в статье противоправными или нет, требования законодательства в области защиты персональных данных нарушаются. Кроме того, в соответствии со ст. 19 Закона о защите персональных данных дается еще более широкое понимание деяний, за которые устанавливается ответственность: виновность в нарушении любых положений указанного Закона. Кодексом Республики Беларусь об

административных правонарушениях также установлена ответственность за нарушение прав физического лица, связанных с обработкой персональных данных (ст. 23.7). В случаях, когда незаконные действия с персональными данными порождают более существенные последствия, также устанавливается и уголовная ответственность. При этом согласно ст. 203¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь используется общее понятие «обработка персональных данных».

Поскольку данное основание является дисциплинарным, то прекращение трудового договора возможно только с тем работником, в обязанности которого входит обработка персональных данных, в случае нарушения установленного порядка. К. Л. Томашевский обращает внимание на недостаток п. 10 ч. 1 ст. 47 ТК, так как усматривается неопределенность того «работника», о котором в ней идет речь, поскольку ст. 47 ТК посвящена дополнительным основаниям прекращения трудового договора с некоторыми категориями работников при определенных условиях. Чисто формально, если сотрудник отдела по работе с персоналом поздравил работника в корпоративном чате или в группе в Вайбере с днем рождения, но до этого не получил его согласие на обработку персональных данных в письменной форме, то его уже можно увольнять по данному основанию [6, с. 295–296]. При этом в Рекомендациях об обработке персональных данных в связи с трудовой (служебной) деятельностью от 18 января 2022 г., разработанных Национальным центром защиты персональных данных Республики Беларусь (далее – Рекомендации), подчеркивается, что использование данных о днях рождения работников для целей исключительно личного и иного подобного использования, не связанного с профессиональной деятельностью работника (например, для поздравления работника коллегами), без согласия работника не допускается.

По состоянию на 8 сентября 2022 г. в квалификационных справочниках четко не закреплено, для каких работников обработка персональных данных является должностной обязанностью. К ним можно отнести многих: руководителя организации, главного бухгалтера, инспектора по кадрам, работника регистратуры учреждения здравоохранения, менеджера банка, кураторов учебных групп и др. В Рекомендациях отмечается, что обязанность о соблюдении положений законодательства о персональных данных и принятых в соответствии с ним локальных правовых актов оператора целесообразно закрепить в должностных инструкциях работников. Д. Вильтовский указывает, что наниматель обязан назначить лицо не только ответственное за обработку персональных данных, но и за осуществление внутреннего контроля за обработкой персональных данных [4]. Указанные положения нашли свое отражение, например, в Политике обработки персональных данных в учреждении образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», утвержденной приказом ректора университета от 9 марта 2022 г. № 294, согласно п. 5.8 которой установлено, что доступ к персональным данным предоставляется только тем работникам университета, должностные обязанности которых

предполагают работу с персональными данными. Перечень таких лиц определяется Оператором. Согласно гл. 8 указанной Политики предусматриваются ответственные за соблюдение законодательства в области защиты персональных данных: назначенное лицо, а также руководители структурных подразделений университета [7].

Исходя из содержания п. 10 ч. 1 ст. 47 ТК, не вытекает, за нарушение порядка обработки персональных данных каких субъектов возможно прекращение трудового договора. Предполагается, что таким субъектом может быть как работник нанимателя, так и иные физические лица. Такой вывод основан на том, что в ТК не установлены обязанности нанимателя по обеспечению сохранности персональных данных именно работников, а в соответствии со ст. 1 Закона о защите персональных данных субъектом персональных данных является физическое лицо, в отношении которого осуществляется обработка персональных данных. В вышеназванной Политике указано, что Оператор осуществляет обработку персональных данных работников и бывших работников университета, их родственников и членов семьи; кандидатов на замещение вакантных должностей; абитуриентов, обучающихся и закончивших обучение в университете, их законных представителей; посетителей университета; посетителей сайтов университета и пользователей информационных ресурсов; иных субъектов, взаимодействие которых с Оператором требует обработки персональных данных [7]. Таким образом, работник университета, в должностные обязанности которого входит обработка персональных данных, несет ответственность в случае нарушения порядка обработки персональных данных любых субъектов.

Для сравнения отметим, что подобное основание расторжения трудового договора закреплено в подп. «в» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Однако его прекращение возможно за разглашение персональных данных именно другого работника, а не любого лица. Тем самым законодатель Российской Федерации обратил внимание на необходимость защиты персональных данных работников организации, в том числе под угрозой увольнения.

Более подробно необходимо рассмотреть вопросы защиты персональных данных работников нанимателя. В процессе осуществления трудовой деятельности у различных служб нанимателя появляется необходимость обработки персональных данных работников. В Рекомендациях отмечается, что сложность и многоаспектность взаимодействия нанимателя и работника, в том числе в связи с возложением на нанимателя большого числа функций по документированию трудовых отношений, предоставлению в отношении работника информации в статистические, налоговые и другие органы, обуславливает необходимость обработки персональных данных работников в самых различных целях. В частности, кадровая служба принимает участие в: оформлении на работу; ведении учета фактически отработанного времени; ведении воинского учета; аттестации работников; направлении на профессиональную подготовку, повышение квалификации, переподготовку; оформление формы ПУ-2 при прекращении трудовых отношений [8].

Также следует отметить, что в трудовых отношениях нанимателя с конкретным работником будет формироваться особая, специфическая информация, касающаяся только данного сотрудника. Например, все предыдущие фамилии работника, судимость, сведения об отчислении из института за академическую неуспеваемость и т. п. [5].

Исходя из анализа законодательства о защите персональных данных, целями обработки персональных данных работника являются: оформление трудовых отношений; осуществление процесса трудовой (служебной) деятельности; надлежащее исполнение условий трудового договора сторонами; соблюдение требований трудового законодательства. Например, как указывает Д. Вильтовский, это может быть предоставление информации в уполномоченные государственные органы, в частности, данные для форм отчетов [4]. В ТК РФ устанавливаются следующие цели обработки персональных данных работника: обеспечение соблюдения законов и иных нормативных актов; содействие в трудоустройстве, получении образования и продвижении по службе; обеспечение личной безопасности; контроль количества и качества выполняемой работы; обеспечение сохранности имущества.

В таких случаях наниматель имеет право осуществлять обработку персональных данных без согласия работника (абз. 8 ч. 1 ст. 6, абз. 3 ч. 2 ст. 8 Закона о защите персональных данных). В Рекомендациях указано, что применительно к таким случаям согласие по своей правовой природе не может выступать в качестве правового основания для обработки персональных данных, поскольку не является свободным выражением воли субъекта персональных данных, а обработка осуществляется в силу требований законодательства. Однако при использовании персональных данных работников в указанных случаях должно осуществляться строго в соответствии с целями предоставления таких сведений, а использование имеющихся данных в иных целях без согласия работника запрещается.

В Рекомендациях отмечается, что обработка личной информации работника, не связанной с исполнением трудовых обязанностей (личные адреса электронной почты, аккаунты в социальных сетях, религиозные взгляды и т. п.) не может рассматриваться как обработка персональных данных работника в процессе трудовой (служебной) деятельности, а осуществляется на общих основаниях. В частности, Д. Вильтовский обращает внимание, что в случае установления контроля за работником в течение рабочего времени с использованием компьютерных программ и (или) камер видеонаблюдения, наниматель должен получить письменное согласие работника на сбор персональных данных [4].

В результате исследования можно сделать вывод. С учетом того, что перечень работников, в отношении которых возможно применение п. 10 ч. 1 ст. 47 ТК, не установлен на законодательном уровне, данный вопрос следует разрешать в локальном порядке. В целях использования единой терминологии в трудовом законодательстве и законодательстве в области защиты персональных данных считаем необходимым внести

изменения в п. 10 ч. 1 ст. 47 ТК, изложив его в новой редакции: «10) нарушения уполномоченным должностным лицом нанимателя порядка обработки персональных данных;». Данное нововведение также позволит прекратить трудовые отношения за любые неправомерные действия с персональными данными, которые имеются сейчас и возможны в будущем.

Список использованных источников

1. Абаев, Ф. А. Правовое регулирование отношений по защите персональных данных работника в трудовом праве [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Ф. А. Абаев ; Московский гос. юридический университет имени О. Е. Кутафина // Law Theses. – 2014. – Режим доступа: <https://lawtheses.com/pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-po-zaschite-personalnyh-dannyh-rabotnika-v-trudovom-prave>. – Дата доступа: 01.04.2022.

2. Дворецкий, А. В. Защита персональных данных работника по законодательству Российской Федерации [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / А. В. Дворецкий ; Юридический институт Томского государственного университета // Law Theses. – 2005. – Режим доступа: <https://lawtheses.com/zaschita-personalnyh-dannyh-rabotnika-po-zakonodatelstvu-rossiyskoj-federatsii>. – Дата доступа: 01.04.2022.

3. Петрыкина, Н. И. Правовое регулирование оборота персональных данных в России и странах ЕС [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Н. И. Петрыкина ; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России // Law Theses. – 2007. – Режим доступа: <https://lawtheses.com/pravovoe-regulirovanie-oborota-personalnyh-dannyh-v-rossii-i-stranah-es>. – Дата доступа: 01.04.2022.

4. Вильтовский, Д. Персональные данные усложнят жизнь работодателям [Электронный ресурс] / Д. Вильтовский // Экономическая газета. – 2021. – № 83 (2480). – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/personalnye-dannye-uslozhnyat-zhizn-rabotodatelayam/> – Дата доступа: 24.02.2022.

5. Звоненко, Д. Увольнение за разглашение персональных данных [Электронный ресурс] / Д. Звоненко // Бизнес.Online. – Режим доступа : <http://job.bl.by/articles/277041.php>. – Дата доступа : 25.02.2022.

6. Современные проблемы белорусского законодательства в условиях конституционных преобразований / под общ. ред. Г. А. Василевича [и др.]. – Минск : Амалфея, 2022. – 360 с.

7. Политика обработки персональных данных в учреждении образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» [Электронный ресурс] : утв. приказом ректора университета от 9 марта 2022 г. № 294 // Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины. – Режим доступа: <http://old.gsu.by/doc/personal-data-processing-policy.pdf>. – Дата доступа : 09.09.2022.

8. Персональные данные в кадровой службе [Электронный ресурс] // Бизнес инфо. – Режим доступа: <https://bii.by/tx.dll?d=473134#a4>. – Дата доступа: 25.02.2022.

Кожевников О. А.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ НОТАРИАТОМ

*Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент;
доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса
Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
ул. Комсомольская, 21, 620137 Екатеринбург, Россия o-kozhevnikov@yandex.ru*

Рассматриваются малоисследованные вопросы взаимоотношений прокуратуры и нотариата. Указываются немногочисленные нормативные источники, свидетельствующие о прокурорском надзоре за исполнением законов Федеральной нотариальной палатой, нотариальными палатами субъектов федерации, нотариусами, а также статьи в научных журналах. Исследованы нормы законов о нотариате стран постсоветского пространства, посвященные взаимоотношениям прокуратуры и нотариата. В заключении указывается необходимость внесения изменений и дополнений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и законодательство о нотариате.

Ключевые слова: прокуратура; исполнение законов; нотариат; Федеральная нотариальная палата; нотариальные палаты субъектов федерации; нотариусы.

Kozhevnikov O. A.

TITLESOME ISSUES OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE EXECUTION OF LAWS BY THE NOTARY

*Kozhevnikov Oleg A., PhD (law), docent; associate professor of the department
of judicial activity and criminal procedure
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
21 Komsomolskaya Street, 620137 Yekaterinburg, Russia o-kozhevnikov@yandex.ru*

The article examines little-studied issues of the relationship between the prosecutor's office and the notary. A few regulatory sources are indicated, testifying to the prosecutor's supervision of the execution of laws by the Federal Notary Chamber, notary chambers of the subjects of the Federation, notaries, as well as articles in scientific journals. The norms of the laws on notaries of the post-Soviet countries devoted to the relationship between the prosecutor's office and the notary are investigated. The conclusion indicates the need for amendments and additions to the Federal Law on the Prosecutor's Office and the legislation on notaries.

Keywords: Prosecutor's Office; law enforcement; notary; Federal Notary Chamber; notary chambers of the subjects of the Federation; notaries.

За 30 лет действия Закона о прокуратуре РФ в него было внесено более 60 изменений и дополнений, он воспринял изменения Конституции

Российской Федерации 2014 и 2020 гг., претерпел редакции 1995 и 1999 гг. Однако многие вопросы осуществления прокурорского надзора так и остались неразрешенными.

Федеральным законом о прокуратуре прямо не предусмотрена возможность осуществления прокурорского надзора за исполнением законов нотариатом, в том числе при совершении нотариальных действий. Не говорят об этом и Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г.

Циркуляром Прокурора СССР 27 августа 1934 г. № 5/а «Об усилении надзора прокуратуры за нотариатом» констатировалось, что надзор прокуратуры за нотариатом фактически отсутствует и предлагалось всем прокурорам обеспечить усиление прокурорского надзора за деятельностью нотариусов.

Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации» указывает, что «одной из форм контроля за исполнением законов нотариальными палатами является прокурорский надзор (пункт 2 статьи 1, пункт 1 статьи 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Конституция РФ в ст. 72 относит нотариат к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, большинство субъектов РФ так и не приняли соответствующие законы о нотариате, в которых бы, наряду с нормами, посвященными вопросам организации нотариата в данном субъекте РФ, регламентировались вопросы прокурорского надзора за исполнением законов. Но таких норм нет и в Законе Республики Башкортостан от 30 января 2017 г. № 458-З «Об организации нотариальной деятельности в Республике Башкортостан», Законе Нижегородской области от 19 июня 1995 г. № 6-З «О нотариате», законе Смоленской области от 25 декабря 1995 г. «О нотариате». Лишь в Постановлении Правительства Москвы «Об организации и деятельности нотариата в городе Москве» предусматривалась ст. 26 «Прокурорский надзор за деятельностью нотариусов» следующего содержания: «Органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при совершении нотариальных действий в соответствии с действующим законодательством». При этом название и содержание данной нормы не соответствовали друг другу. Если название говорило о **надзоре за деятельностью**, что противоречит теории прокурорского надзора, то содержание – **о надзоре за соблюдением прав и свобод гражданина**. Однако в Закон г. Москвы от 19 апреля 2006 г. № 15 «Об организации и деятельности нотариата в г. Москве» данная норма не вошла.

Зарубежное законодательство говорит в основном только о порядке истребования сведений о совершенных нотариальных действиях, не касаясь надзора за исполнением законов в организационной деятельности нотариата. Так, Закон Республики Таджикистан «О государственном нотариате» в ст. 10 «Тайна нотариального действия» указывает, что сведения

(документы) о совершенных нотариальных действиях выдаются органам прокуратуры в связи с находящимися в их производстве уголовными делами в порядке, установленном законодательством Республики Таджикистан.

Закон Республики Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З «О нотариате и нотариальной деятельности» в ст. 9 «Обеспечение нотариальной тайны» (п. 3) указывает: «Сведения, составляющие нотариальную тайну, а также содержащие их документы выдаются по письменному требованию прокуроров и заместителей прокуроров».

Статья 3 «Нотариальная деятельность и ее гарантии» (п. 6) Закона Республики Казахстан «О нотариате» говорит, что сведения о нотариальных действиях и документы выдаются по письменному требованию прокуратуры.

Закон Кыргызской Республики от 30 мая 1998 г. № 70 в ст. 7 «Соблюдение тайны совершаемых нотариальных действий» указывает, что документы выдаются по требованию прокуратуры.

В ст. 6 «Тайна нотариальных действий» Закона Республики Узбекистан от 26.06.1996 г. № 343-I «О нотариате» предусмотрено, что справки (сведения) о совершенных нотариальных действиях выдаются по требованию прокуратуры в связи с находящимися в их производстве делами.

В Законе Туркменистана от 18 августа 2015 г. № 262-V «О нотариате и нотариальной деятельности» ст. 9 «Сохранение тайны совершения нотариальных действий» (п. 5) предусмотрено, что сведения о нотариальных действиях и документах выдаются по письменному требованиям органов прокуратуры по находящимся в их производстве делам.

Закон Украины от 2 сентября 1993 г. № 3425-X «О нотариате» в ст. 8 «Нотариальная тайна» регламентирует порядок получения прокурором сведений, составляющих нотариальную тайну. Справки о совершенных нотариальных действиях и другие документы представляются нотариусом в течение десяти рабочих дней по обоснованному письменному требованию прокуратуры в связи с уголовным производством, с гражданскими, хозяйственными, административными делами, делами об административных правонарушениях, которые находятся в производстве этих органов, с обязательным указанием номера дела и прикладыванием гербовой печати соответствующего органа.

Законом Республики Армения от 4 декабря 2001 г. «О нотариате» в ст. 5 «Тайна нотариальных действий» предусмотрено, что по поданному в соответствии с законом письменному требованию прокурора нотариус выдает справки о нотариальных и иных совершаемых им действиях, выписки, копии или оригиналы из нотариального дела только в связи с находящимися в предварительном следствии или судебном производстве уголовными или гражданскими делами. До вступления приговора в законную силу прокурору запрещается предоставлять информацию о нотариальных действиях другим лицам, включая средства массовой информации, а также разглашать эту информацию в своих выступлениях (п. 4).

Закон Республики Молдова от 08.11.2002 № 1453 «О нотариате» не предусмотрел в ст. 20 процедуру истребования документов у нотариусов, но

указал, что обыск в нотариальном бюро и изъятие нотариальных документов могут быть произведены только с разрешения Генерального прокурора, его заместителей или на основании решения суда.

В Законах Азербайджанской Республики от 26 ноября 1999 г. № 762-ІQ «О нотариате» (ст. 32 «Хранение тайны нотариальных действий») и Грузии «О нотариате» от 4. 12.2009 № 5238) (ст. 8 «Тайна нотариального действия») прокурор в числе лиц, кому должны выдаваться справки и документы о нотариальных действиях, вообще не указан.

Ничего не говорят о прокурорском надзоре за законностью деятельности нотариата внесенные в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект Федерального закона «О нотариате в Российской Федерации» № 156701-5 и проект Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности» № 398234-6.

Тем не менее прокурорский надзор в данной сфере осуществляется в рамках нескольких направлений. Так, Генеральная прокуратура Российской Федерации в ходе антикоррупционной экспертизы приказа Минюста России от 30.03.2018 г. № 63 «Об утверждении Порядка проведения конкурса на замещение вакантной должности нотариуса» выявила в этом документе ряд коррупционных факторов. По результатам прокурорского реагирования в Приказ были внесены изменения, и коррупциогенные факторы из него были исключены [1. с. 39–41].

Однако при осуществлении надзорной деятельности обнаруживаются определенные проблемы. Так, в соответствии со ст. 22 Федерального закона о прокуратуре прокурор при осуществлении возложенных на него функций вправе: по предъявлении служебного удостоверения входить на территорию и в помещения определенных законом субъектов, иметь доступ к их документам и материалам, проверять исполнение законов в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона;

требовать от руководителей и других должностных лиц представления необходимых документов и материалов и их копий, статистических и иных сведений в сроки и порядке, установленных законом;

выделения специалистов для выяснения возникших вопросов;

проведения проверок по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям, ревизий деятельности подконтрольных и подведомственных им организаций;

вызывать должностных лиц и граждан для объяснений по поводу нарушений законов.

Однако в ст. 21 Федерального закона о прокуратуре Федеральная нотариальная палата, нотариальные палаты субъектов федерации и нотариусы не названы. При этом ст. 5 Основ законодательства о нотариате «Гарантии нотариальной деятельности» указывает, что сведения о совершенных действиях выдаются по требованию суда, прокурора, органов следствия только в связи с находящимися в их производстве уголовными, гражданскими или административными делами. Данная норма касается лишь

нотариальных действий и не затрагивает законности организационной деятельности нотариальных палат и нотариусов.

О том, что нотариусы и организационная деятельность нотариальных палат попадает в сферу прокурорского надзора и говорит и Верховный Суд РФ, который в Определении от 23.07.2018 г. № 20-КГПР18-3 указал, что поскольку нотариальная деятельность носит публично-правовой характер, а нотариусы, как государственные, так и занимающиеся частной практикой, осуществляют нотариальные функции от имени Российской Федерации, прокурор как представитель надзорного органа в сфере исполнения законов, действующих на территории Российской Федерации, вне зависимости от формы деятельности, наделен полномочиями обратиться в суд с иском в интересах Российской Федерации о лишении нотариуса права нотариальной деятельности.

Еще в 1991 г. М. Н. Маршунов предложил включить в Закон о прокуратуре указание на осуществление прокуратурой надзора за исполнением законов нотариатом [2, с. 76], а спустя несколько десятилетий последовало предложение выделить уже отрасль прокурорско-надзорной деятельности – надзор за исполнением законов нотариусами, иными органами и должностными лицами, уполномоченными на совершение надзорных действий [3, с. 41–43]. Однако не учитывается следующее. Деятельность нотариата представляет собой как деятельность по совершению нотариальных действий, так и организационную деятельность Федеральной нотариальной палаты, нотариальных палат субъектов федерации, а также самих нотариусов. Это деятельность по сдаче квалификационного экзамена, образованию квалификационных комиссий, обеспечению гарантий нотариальной деятельности, открытию и упразднению государственных нотариальных контор и иной деятельности, предусмотренной ст. 12–34.6 Основ законодательства о нотариате. И в этой деятельности также совершаются правовые действия, которые могут носить форму правонарушений.

В связи с этим вводить в предмет прокурорского надзора правовое поведение только в форме нотариальных действий нотариусов вряд ли правильно.

Надо также учитывать, что нотариальные действия могут совершаться и иными органами и должностными лицами, уполномоченными на то законом. Так, в соответствии со ст. 1 Основ законодательства о нотариате право совершать нотариальные действия имеет глава местной администрации и (или) уполномоченное должностное лица местной администрации, должностные лица консульских учреждений Российской Федерации, уполномоченные на совершение этих действий. Кроме этого, совершать некоторые нотариальные действия (удостоверение подписи на доверенности) вправе начальник госпиталя, санатория и других военно-лечебных учреждений, его заместитель по медицинской части, а при их отсутствии старший или дежурный врач; командир (начальник) воинской части, соединения, учреждения и военно-учебного заведения, начальник места

лишения свободы, администрация или руководитель (его заместитель) органа социальной защиты населения (ст. 185.1 ГК РФ). Эти государственные и муниципальные органы, а также должностные лица, уже включены в перечень субъектов, перечисленных в ст. 22 Федерального закона о прокуратуре, и отдельное упоминание их в законе вряд ли правильно.

Исходя из изложенного, представляется в перечень субъектов, указанный в ст. 1 и 22 Федерального закона о прокуратуре, чье правовое поведение попадает в предмет прокурорского надзора, включить Федеральную нотариальную палату, нотариальные палаты субъектов федерации и нотариусов. Необходимо внести также соответствующие изменения в законодательство о нотариате, указав на то, что прокурорский надзор за исполнением законов Федеральной нотариальной палатой, нотариальными палатами субъектов федерации и нотариусами осуществляется в соответствии с Федеральным законом о прокуратуре.

Список использованных источников

1. Маматов, М. В. Деятельность прокурора по обеспечению законности в сфере нотариата / М. В. Маматов, И. А. Маслов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 2 (76). – С.
2. Маршунов, М. Н. Прокурорско-надзорное право: проблемы правового регулирования / М. Н. Маршунов. – СПб : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1991. – 128 с.
3. Романовская, О. В. Прокуратура и нотариат / О. В. Романовская // Законность. – 2009 – № 1. – С. 41–43

Колядко И. Н.

**О ВКЛАДЕ УЧЕНЫХ-ПРОЦЕССУАЛИСТОВ В РАЗВИТИЕ
БЕЛОРУССКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

*Колядко Иван Николаевич, кандидат юридических наук, доцент;
профессор кафедры гражданского процесса и трудового права
юридического факультета,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, koliadko@tut.by*

В статье предпринята попытка анализа доктринального и фактического вклада ученых-процессуалистов в подготовку Гражданского процессуального кодекса БССР 1964 г., действующего Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г. и проекта Кодекса гражданского судопроизводства. Подробно проанализирован вклад ученых в подготовку проекта Кодекса гражданского судопроизводства, который сформировался на основе преемственности доктрины гражданского процессуального права в России и Беларуси и новаций, вытекающих из тенденций развития процессуального права в европейских странах. Особенностью доктрины, положенной в структуру Кодекса гражданского судопроизводства, является единое регулирование порядка рассмотрения частноправовых и публичных споров.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; унификация судопроизводства; доктрины унификации; Кодекс гражданского судопроизводства.

Kaliadka I. N.

**ON THE CONTRIBUTION OF SCIENTISTS-PROCESSUALISTS
TO THE DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN CIVIL PROCEDURAL
LEGISLATION**

*Kaliadka Ivan N., PhD (law), docent; professor at the department of civil
procedure and labor law, faculty of law,
Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, koliadko@tut.by*

The article attempts to analyze the doctrinal and factual contribution of process scientists to the preparation of Civil Procedure Code of Belarusian Soviet Socialistic Republic of 1964, current Civil Procedure Code of 1999 and the draft Code of Civil Proceedings. The contribution of scientists to the preparation of the draft Code of Civil Proceedings, which was formed on the basis of the continuity of the doctrine of civil procedural law in Russia and Belarus and innovations arising from the trends in the development of procedural law in European countries, is analyzed in detail. A feature of the doctrine put into the structure of

the Code of Civil Procedure is a unified regulation of the procedure for considering private and public disputes.

Keywords: civil proceedings; unification of legal proceedings; unification doctrines; Code of Civil Proceedings.

Участие белорусских ученых в нормотворческой деятельности при подготовке Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) БССР 1964 г. началось почти одновременно с зарождением белорусской научной школы по гражданскому процессуальному праву, основателем которой являлся С. В. Курылёв [1, с. 54; 2, с. 107]. При этом теоретические основы этой школы имели корни в советской школе профессора М. А. Гурвича, учителя С. В. Курылёва, который способствовал становлению белорусской процессуальной школы [2, с. 108], в частности исследования принципа процессуальной экономии В. В. Тихоновичем.

Решением Юридической комиссии при Совете Министров БССР была создана рабочая группа по подготовке проекта ГПК. В состав этой группы вошли: И. А. Юхо – заместитель председателя Юридической комиссии, С. В. Курылёв – доцент БГУ, Е. М. Онуфриев – старший преподаватель БГУ, В. С. Карпик – старший научный сотрудник Отдела правовых наук, Р. Я. Реутская – консультант Юридической комиссии [3, с. 41].

По просьбе Президиума Верховного Совета БССР проект ГПК БССР обсуждался с 28 мая по 3 июня 1963 г. консультативной группой специалистов в Юридическом отделе Президиума Верховного Совета СССР.

В составе консультативной группы работали все виднейшие российские специалисты гражданского процессуального права: М. Г. Авдюков, М. А. Гурвич, П. П. Гуреев, А. А. Добровольский, Р. Ф. Каллистратова, А. Ф. Клейнман, Л. П. Смышляев, В. К. Пучинский и др. [3, с. 42].

В силу централизации правового регулирования на уровне законодательства СССР основные концептуальные новеллы в проектах ГПК союзных республик были одинаковыми и соответствовали уровню науки гражданского процессуального права того периода. Нельзя не отметить внедрение нового производства по делам, возникающим из административных правоотношений, и применение ко всем делам развернутой гражданской процессуальной формы. Вместе с тем ГПК БССР 1964 г. отличало наличие ряда частных новелл, которые выделяли его среди других ГПК союзных республик. Полагаем, что в значительной степени этот факт обусловлен активностью С. В. Курылёва как специалиста в области доказывания по закреплению некоторых институтов сферы доказательственной деятельности.

Профессор А. Т. Боннер отмечал, что только в ГПК БССР 1964 г. были закреплены такие институты процессуального права, как освидетельствование и судебный эксперимент [4, с. 8].

При внесении изменений и дополнений в ГПК 1964 г. учитывалось мнение специалистов кафедры гражданского процесса и трудового права, которую с момента основания (1974) возглавлял профессор Н. Г. Юркевич.

С момента распада СССР совершенствование гражданского процессуального законодательства утратило координирующий источник в виде нормативных актов СССР. В качестве общего наследия при этом остались дуализм судебной системы (общие и хозяйственные суды) и существенно отличающиеся Гражданский процессуальный и Хозяйственный процессуальный кодексы. Последний регламентировал лишь судопроизводство.

В Республике Беларусь в ГПК вносились лишь фрагментарные изменения (в частности, Законом от 4 июня 1993 г.), вытекающие из новелл Конституции 1978 г. В качестве общего правила была установлена компетенция единоличного судьи по рассмотрению и разрешению гражданских дел и сохранена компетенция коллегиального суда лишь в отношении 10 категорий дел, в основном искового производства.

Главные усилия представителей науки гражданского процессуального права Беларуси были направлены на анализ богатейшего научного багажа советской процессуальной науки, а также зарубежного опыта с целью разработки нового ГПК.

ГПК, не обновлявшийся одновременно с материальными законами, значительно устарел. После появления Концепции судебной реформы (1992 г.) стало ясно, что невозможно ограничиться внесением изменений в ГПК, – необходима разработка нового ГПК. При этом требовалась адаптация ГПК применительно к рыночным условиям и значительно расширившемуся кругу подведомственных общим судам дел. Назрела необходимость разграничения компетенции общих и хозяйственных судов, уточнения принципов правосудия, а также закрепления более широких гарантий прав граждан на судебную защиту, вытекающих из международных договоров Республики Беларусь.

Инициативу в разработке проекта нового ГПК проявил заведующий кафедрой гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета профессор Н. Г. Юркевич. Совместно с доцентами Т. А. Беловой и И. Н. Колядко им был разработан проект ГПК и представлен в 1992 г. в Министерство юстиции Республики Беларусь. После доработки проекта с участием авторов в составе комиссии из представителей Верховного Суда Республики Беларусь (Р. И. Филипчик), Прокуратуры Республики Беларусь (В. С. Каменков) и Министерства юстиции Республики Беларусь (А. С. Цариков) проект был представлен в Верховный Совет Республики Беларусь.

Первый проект ГПК делился на 10 разделов, которые состояли из глав, 600 статей и 3 приложений. Сохраняя преемственность, проект ГПК воспринял целый ряд новелл (усиление действия принципов состязательности и диспозитивности; расширение круга средств доказывания за счет современных носителей информации; увеличение круга лиц, которые не могут быть допущены в качестве свидетелей; введение института заочного решения, института судебных приставов; ряда новелл по порядку обращения взыскания на имущество юридических лиц и др.) [5].

В парламенте проект был доработан (вместо четырехзвенной судебной системы закреплена действующая трехзвенная, изъято апелляционное производство, но изменения с элементами апелляционного характера внесены в полномочия кассационного суда), заново отредактирован рабочей комиссией Верховного Совета Республики Беларусь, возглавляемой В. Г. Сидоренко, и в 1993 г. принят в первом чтении Верховным Советом.

В состав парламентской рабочей комиссии входили три представителя науки гражданского процессуального права – разработчики первоначального варианта проекта ГПК. При этом Т. А. Беловой были разработаны вопросы регламентации элементов апелляции в кассационном производстве, Н. Г. Юркевичем уточнено регулирование института судебного решения, а автору настоящих строк принадлежали дополнения правил обжалования в суд неправомερных действий государственных органов и должностных лиц.

Как и другие кодексы, проект ГПК не рассматривался дальше парламентом вплоть до 1997 г., до инициативы Президента Республики Беларусь об усилении законотворческих работ по кодификации. Истекшие годы показали, что проект подлежал доработке в плане уточнения конституционных принципов правосудия в целях урегулирования института надзорных жалоб, установления процедуры обращения взыскания на имущество юридических лиц, а также порядка признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и арбитражей с учетом введения службы судебных исполнителей хозяйственных судов. Подготовка проекта ГПК с целью представления в Национальное собрание осуществлялась по поручению Президента Республики Беларусь комиссией при Верховном Суде Республики Беларусь в составе И. А. Мирониченко (председатель), И. Н. Колядко, В. И. Самолюка, В. Г. Сидоренко, к которым позже присоединился Я. И. Функ.

Если с позиций настоящего времени оценить доктринальный вклад ученых-процессуалистов в разработку ГПК 1999 г., то нельзя не отметить, что этот вклад является итогом развития советской науки гражданского процессуального права и оценки необходимости расширения гарантий судебной защиты, обеспечения всеобщности права на судебную защиту. Вклад белорусских ученых при этом носил фрагментарный характер на уровне особенностей регулирования приказного производства, права жалобы на неправомερные действия государственных органов и должностных лиц, на кассационное производство с элементами апелляции. ГПК 1999 г. в значительной мере сохранил традиции ГПК БССР 1964 г. Особенно наглядно это проявилось при сохранении советской системы форм пересмотра судебных постановлений. Кассационное производство, несмотря на новеллы апелляционного характера, предполагало проверку судебного постановления в полном объеме в отношении лиц, как подавших, так и не подавших жалобу. Аналогично в надзорном производстве судебное постановление по протестам должностных лиц судов и прокуратуры должно было проверяться в полном объеме. При этом и в первом, и во втором случае основанием отмены и изменения решения являлись незаконность и необоснованность.

В подготовке Хозяйственного процессуального кодекса (далее – ХПК) 1998 г., который в значительно более полном объеме урегулировал порядок осуществления правосудия по хозяйственным делам и особенности исполнительного производства по этим делам, влияние представителей науки гражданского процессуального права проявилось в деятельности В. С. Каменкова как ученого и судьи Высшего Хозяйственного Суда.

С момента принятия ХПК 1998 г. и ГПК 1999 г. наметилась тенденция небольшого в количественном отношении вовлечения ученых в рабочие группы по подготовке процессуальных кодексов (ГПК и ХПК), а также изменений и дополнений к ним. Одновременно появилась традиция представления на кафедру гражданского процесса и трудового права БГУ проектов для дачи заключения (в частности о внесении изменений и дополнений в ХПК в 2004 г.).

Теоретическое обоснование расширения правовых гарантий защиты интересов физических и юридических лиц было осуществлено В. С. Каменковым в период подготовки им докторской диссертации на кафедре гражданского процесса и трудового права на тему «Правовые гарантии защиты интересов юридических лиц и граждан в хозяйственном (арбитражном) процессе» [6]. Следует отметить и персональное организаторское и личное участие В. С. Каменкова в подготовке изменений и дополнений в ХПК (в редакции 2004 г.). При этом нельзя не учесть использование им доктринальных подходов российских ученых, положенных в основу новелл Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации 2002 г. Однако, введение приказного производства по хозяйственным делам было реализовано впервые в Беларуси.

Обоснование им необходимости модернизации форм пересмотра судебных постановлений по хозяйственным делам было созвучно аналогичным доктринальным подходам в европейских странах и с учетом опыта Российской Федерации: апелляция (проверка законности и обоснованности), кассация (проверка в основном законности) и сохранение надзорного производства лишь в высшей судебной инстанции, а пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам – с учетом регулирования новых обстоятельств.

В дальнейшем одним из актуальных направлений научных исследований стали проблемы примирения в целом и в судопроизводстве в частности. Предпосылкой принятия ряда норм в этой сфере стали работы В. С. Каменкова [7], И. А. Бельской [8] и О. Н. Здрок [9; 10], принимавших непосредственное участие в их разработке в качестве членов рабочих групп по подготовке законов и изменений в законы о медиации, а О. Н. Здрок – также в качестве члена рабочей группы по подготовке законов о третейских судах и адвокатуре и адвокатской деятельности.

Форма дальнейшего совершенствования процессуального законодательства по рассмотрению гражданских и экономических дел в целях его унификации и обоснования с теоретической точки зрения концепции единого ГПК была предложена в заключении кафедры

гражданского процесса и трудового права, подготовленном О. Н. Здрок и И. Н. Колядко (2016 г.). О необходимости именно такой формы унификации сделали вывод не только ученые кафедры гражданского процесса и трудового права, но и государственные органы.

Следует отметить влияние результатов научных исследований, отраженных в научных публикациях ученых-процессуалистов по вопросам форм пересмотра судебных постановлений общих судов (среди них: автор настоящей статьи, В. П. Скобелев, Т. А. Белова, Н. Н. Никонова, Т. С. Таранова и др.), а хозяйственных (ныне экономических) судов (В. С. Каменков, Г. В. Яковлева). Результаты анализа практики функционирования форм пересмотра первоначально сказались на введении апелляционного производства и модернизации надзорного производства в ГПК (2018), а в последующем повлияли на регулирование данных институтов в проекте Кодекса гражданского судопроизводства.

Ряд концептуальных вопросов кодификации и создания единого кодекса были исследованы нами [11–16], а существенные отличия нормативного регулирования по ГПК и ХПК – В. П. Скобелевым [17], что способствовало выявлению различий в аналогичных институтах ГПК и ХПК, хотя ученый и не поддерживает идею унификации путем принятия единого кодекса [18].

Реализации осуществления этой задачи была поручена Верховному Суду Республики Беларусь. Впервые в состав рабочей группы не были включены представители науки гражданского процессуального права. Вместе с тем они участвовали в обсуждении ряда проблем вместе с судьями Верховного Суда Беларуси (например, о примирительных процедурах, судебном контроле за административным правоприменением) и др. Нельзя не отметить, что в обосновании необходимости принятия Кодекса гражданского судопроизводства в пункте о результатах научных исследований в области, относящихся к предмету правового регулирования, помимо работ судей Верховного Суда Беларуси отмечены публикации О. Н. Здрок, В. С. Каменкова, И. Н. Колядко, В. П. Скобелева, Г. В. Яковлевой и Н. Г. Юркевича, а из зарубежных ученых – лишь труды В. М. Шерстюка.

По ряду проблем судопроизводства предложения по совершенствованию проекта Кодекса гражданского судопроизводства были высказаны молодыми исследователями (Б. С. Болохонов – о видах производства в суде первой инстанции; Ю. Х. Рапьян – о проверке законности и обоснованности действий судебного исполнителя; Е. В. Синюк – о регулировании производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений). Часть из них были использованы при уточнении первоначального варианта проекта кодекса.

В публикациях судей Верховного Суда имеется более широкий круг работ ученых-процессуалистов России (Е. А. Борисовой, Л. А. Тереховой), которые повлияли на совершенствование правил проверки и пересмотра судебных постановлений.

В целом, если говорить о преемственности доктринальных подходов по основным институтам (иск, в том числе административный, доказательства и

доказывание, судебное постановление, виды производства в суде первой инстанции, формы пересмотра и проверки судебных постановлений), то современный научный подход является итогом развития и реформирования российского социокультурного типа гражданского процесса под влиянием тенденций сближения гражданского процессуального права в Европейском союзе и постсоветском пространстве. Доктринальные же особенности белорусских ученых отражают специфику реализации права на судебную защиту в Республике Беларусь с учетом особенностей судоустройства и единого регулирования порядка защиты гражданских и публичных прав. При этом явно проявляется историческая преемственность как в доктрине, так и нормотворчестве с одновременными новациями, учитывающими тенденции совершенствования законодательства в европейских странах. Теоретическая база научных исследований по-прежнему является общей, учитывающей результаты исследований в Беларуси и России.

Список использованных источников

1. Гражданский процесс. Общая часть : учебник / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – Минск : Амалфея, 2000. – 576 с.

2. Колядко, И. Н. Сергей Васильевич Курылёв / И. Н. Колядко // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2020. – № 3. – С. 106–108.

3. Гражданский процесс. Общая часть : учебник / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – 379 с.

4. Боннер, А. Т. Сергей Васильевич Курылёв – ученый, гражданин, солдат / А. Т. Боннер // Право на судебную защиту как гарантия эффективности несудебных форм защиты : материалы междунар. науч.-практ. кругл. стола, посвящ. 45-летию кафедры гражданского процесса и трудового права и 100-летию со дня рожд. проф. С. В. Курылёва, 1 ноября 2019 г., Минск, Беларусь / Белорус. гос. ун-т ; [редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) и др.]. – Минск, 2020. – С. 3–10.

5. Колядко, И. Н. Проблемы и практика кодификации процессуального законодательства по разрешению споров физических и юридических лиц в Республике Беларусь / И. Н. Колядко // Вестник БГУ. Сер. 3. – 1996. – № 2. – С. 62–66.

6. Каменков, В. С. Правовые гарантии защиты интересов юридических лиц и граждан в хозяйственном (арбитражном) процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / В. С. Каменков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 40 с.

7. Каменков, В. Посредничество как способ разрешения экономических споров / В. Каменков, А. Коробейников // Экономика и правосудие: вопросы теории и практики. – Минск : Харвест, 2006. – С. 420–437.

8. Бельская, И. А. Посредничество (примирение) в хозяйственном процессе: актуальные проблемы и тенденции развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / И. А. Бельская ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2012. – 26 с.

9. Здрок, О. Н. Примириительные процедуры в цивилистическом процессе: современная теоретическая концепция / О. Н. Здрок. – Минск: Бизнесофсет, 2013. – 108 с.

10. Здрок, О. Н. Примириительные процедуры в цивилистическом процессе / О. Н. Здрок. – Минск: БГУ, 2018. – 283 с.

11. Колядко, И. Н. Концепции судебной защиты публичных прав в государствах – участниках СНГ / И. Н. Колядко // Устойчивость и прогрессивное развитие правовых систем в контексте интеграционных процессов: сб. науч. ст.: в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2017. – Ч. 1. – С. 146–150.

12. Колядко, И. Н. Административный иск как средство унификации правосудия по гражданским и экономическим делам / И. Н. Колядко // Развитие судебной власти в Республике Беларусь : материалы междунар. круглого стола, 20 апр. 2017 г., Минск / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. А. Данилевич (отв. ред.), О. В. Петрова, В.И. Самарин. – Минск, 2017. – С. 45–50.

13. Колядко, И. Н. Теоретические предпосылки единого Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь / И. Н. Колядко // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 495–498.

14. Колядко, И. Н. Концептуальные основы Кодекса гражданского судопроизводства / И. Н. Колядко // Государство и право в XXI веке : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию юрид. факультета Белорус. гос. ун-та, 26–27 нояб. 2020 г., Минск / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.). – Минск, 2021. – С. 473–477.

15. Колядко, И. Н. О взаимосвязях правил проверки и пересмотра судебных постановлений в судопроизводстве по гражданским и экономическим делам / И. Н. Колядко // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорус. гос. ун-та ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – Вып. 2 – С. 338–344.

16. Колядко, И. Н. О некоторых проблемах системы Кодекса гражданского судопроизводства / И. Н. Колядко // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2021. – Вып. 6. – С. 302–309.

17. Скобелев, В. П. ГПК и ХПК: нужно больше точек сближения / В. П. Скобелев // Промышленно-торговое право. – 2017. – №1. – С. 64–67.

18. Скобелев, В. П. К вопросу о разработке единого процессуального кодекса для рассмотрения гражданских и экономических дел / В. П. Скобелев // Право.by. – 2016. – № 2. – С. 42–50.

Никонова Н. Н.

**СРОК ДАВНОСТИ НА ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ
ПО ЧАСТНОПРАВОВЫМ ТРЕБОВАНИЯМ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА
И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

*Никонова Наталия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент;
доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического
факультета*

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nikanava_nataliya@bsu.by*

Рассматривается связь сроков на защиту права, сроков исковой давности и сроков давности на принудительное исполнение. В юридической литературе связь сроков давности на принудительное исполнение и сроков исковой давности, сроков на защиту права ранее не исследовались, при этом понятия «срок исковой давности» и «срок на защиту права» зачастую рассматриваются (в том числе законодателем) как полные синонимы. Автор приходит к выводу, что по требованиям частноправового характера сроки давности на принудительное исполнение являются видом сроков на защиту права, соответственно на них во многом должно быть распространено правовое регулирование сроков на защиту права (сроков исковой давности), что позволит обеспечить достижение общих целей установления сроков на защиту права.

Ключевые слова: срок на защиту права; срок исковой давности; срок давности на принудительное исполнение; срок давности,

Nikanava N. N.

**LIMITATION PERIOD FOR AN EXECUTION APPLICATION ON
PRIVATE LAW REQUIREMENTS: LEGAL NATURE AND
LEGISLATIVE PROBLEMS**

*Nikanava Nataliya N., PhD (law), docent; associate professor at the department
of civil procedure and labor law, faculty of law,*

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, nikanava_nataliya@bsu.by*

The connection between the limitation period for the protection of the right, limitations of action and the limitation period for an execution application is in focus. In the legal literature this connection has not been previously studied while the concepts of limitation period for the protection of the right and limitation of actions are often regarded as full synonyms. The author comes to the conclusion that on the private law requirements limitation period for an execution application should be considered as a type of period for protection of the right. There for the regulations for period for protection of the right should be expanded on limitation

period for an execution application, which will ensure the goals of setting limitation periods for protection of the rights.

Keywords: limitation period for the protection of the right; civil statute of limitation; limitation of actions; statute of repose; limitation period for an execution application.

В юридической литературе природа давностных сроков на принудительное исполнение, как правило, не рассматривается. В настоящее время в терминологии, используемой белорусским законодателем для обозначения этих сроков, нет единообразия. Так, Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон «Об исполнительном производстве»), ст. 468 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), ст. 333 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) используют термин «сроки предъявления исполнительных документов к исполнению»; п. 5 ст. 4 приложения 4 к ГПК – «срок давности предъявления решения к принудительному исполнению»; ст. 248 ХПК – «срок давности приведения решения к принудительному исполнению»; ст. 84 Уголовного кодекса Республики Беларусь – «срок давности исполнения обвинительного приговора»; Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях – «давность исполнения постановления о наложении административного взыскания». В целом ситуация, когда для обозначения одного и того же явления использованы разные термины, ненормальна и подлежит исправлению. Более того, использование термина «сроки предъявления исполнительных документов к исполнению» разрывает логическую связь этих сроков с давностными материально-правовыми сроками. По тексту работы для именованного срока, в течение которого сохраняется право на принудительное исполнение юрисдикционного акта, мы будем использовать термин «срок давности на принудительное исполнение».

Анализируя сроки давности на принудительное исполнение, следует принимать во внимание, что исполнению в рамках исполнительного производства подлежат как частноправовые, так и публично-правовые акты, характеризующиеся существенными различиями. Рассмотрим некоторые вопросы правовой природы и особенностей правового регулирования давностных сроков на принудительное исполнение применительно к требованиям частноправового характера.

1. Правовая природа давностных сроков по требованиям частноправового характера

Санкционируя правовые нормы, регулирующие отношения между субъектами частного права, государство в большинстве случаев (однако не всегда) гарантирует защиту прав и интересов субъектов, которые участвуют в таких отношениях. Защита может предоставляться различными способами: 1) признанием наличия права; отсутствия обязанности, наличия или

отсутствия правоотношения; 2) трансформацией правового положения субъектов; 3) принуждением к выполнению обязанности.

В монографической литературе довольно часто понятие защиты сводится к применению государственного принуждения [1, с. 7, 18; 2, с. 14]. Соответственно, и все рассуждения о правовой природе давностных сроков в таких случаях ведутся именно в русле сроков на применение государственного принуждения. Полагаем, что такое сужение не оправдано, однако в целом аргументы установления давностных сроков на применение государственного принуждения могут быть распространены на все способы защиты.

Рядом авторов отмечается, что гарантии применения принуждения со стороны государства не могут существовать бесконечно, соответственно, законодатель устанавливает предельные сроки, в течение которых управомоченное лицо может прибегнуть к государственной защите¹. Такие сроки, как правило, именуются сроками исковой давности. И многими авторами срок *исковой* давности связывается именно с возможностью защиты права или охраняемого законом интереса путем предъявления *иска* [3, с. 251; 4, с. 36].

Полагаем, что такое наименование в настоящее время неточно отражает возможности защиты государством субъективных прав и законных интересов. Во-первых, защита осуществляется не только предъявлением иска в государственный или третейский суд, но и путем адресования требования иным юрисдикционным органам, например, нотариусу, комиссии по трудовым спорам, местным исполнительным и распорядительным органам, обращение к которым обычно иском не именуется². В литературе также отмечают, что обращение в суд возможно не только с иском, но и, например, с заявлением о возбуждении приказного производства, заявления в порядке особого производства [6, с. 113]. Во-вторых, если требование управомоченного лица – это требование о понуждении обязанного к принудительному выполнению обязанности, то обращения к юрисдикционному органу в настоящее время может оказаться недостаточно: принудительное исполнение осуществляется иными субъектами. При этом понятие сроков *исковой* давности традиционно не распространяется на принудительное исполнение.

В связи с этим примечательна позиция В. П. Грибанова, который для обозначения давностных сроков использует не термин «срок исковой давности», а термин «сроки защиты гражданских прав», под которыми понимает «сроки, предоставленные управомоченному лицу, для обращения

¹ Под государственной защитой, полагаем, следует понимать не только защиту, осуществляемую государственными органами, но и иными субъектами, деятельность которых государством санкционируется.

² Интересной в контексте несводимости сроков на защиту права к сроку исковой давности представляется точка зрения М. А. Гурвича, который обращает внимание на «неправильность сужения действия исковой давности только областью судебного процесса», полагая, что срок исковой давности подлежит применению и нотариусами при бесспорном взыскании [5, с. 32].

к компетентным государственным или общественным органам с требованием о принудительном осуществлении и защите своего права» [2, с. 14]. Несмотря на такую широкую дефиницию, которая позволяет распространить сроки защиты гражданских прав и на исполнительное производство, анализируя право на защиту, В. П. Грибанов сводит его к «*рассмотрению* требования уполномоченным государственным или общественным органом в установленном порядке, а также к возможности оспорить такое решение» [6, с. 113]. Автор указывает, в частности, что право на защиту подразумевает возможность обратиться в суд как с иском, так и с заявлением (в особом производстве), а также право на обращение в иной юрисдикционный орган [6, с. 113]. Процесс понуждения должника к выполнению обязанности В. П. Грибановым в право на защиту не включен.

И. Б. Новицкий – единственный, наверное, автор, который отметил то обстоятельство, что законодательством установлены не только сроки на обращение к юрисдикционному органу, но и на обращение к субъекту, осуществляющему принудительное исполнение. Ученый указывает, что «не только право на иск подлежит действию давности. Давность дает себя знать и в стадии исполнения судебного или арбитражного решения» [7, с. 240]. Однако, природу данного срока, его связь со сроком исковой давности И. Б. Новицкий не исследует.

Изложенное приводит нас к выводу, что термины «срок на защиту гражданского права» и «срок исковой давности» соотносятся как общее и частное. При этом ни законодатель, ни правоприменитель в настоящее время не осознают в полной мере их различия, используя в некоторых случаях как синонимичные¹. Полагаем, что положения законодательства о «сроках исковой давности» могут быть распространены в целом на «сроки защиты гражданских прав», а более точно на «сроки защиты субъективных прав, регулируемых частным правом», если иное не проистекает из прямого указания законодателя или смысла соответствующего срока. Сроки давности на принудительное исполнение, по нашему мнению, являются видом сроков на защиту права.

2. Некоторые проблемы правового регулирования сроков давности на принудительное исполнение

Несоответствие сроков давности на принудительное исполнение срокам исковой давности или срокам на обращение за судебной защитой представляется моментом, который вызывает определенные вопросы. Указанная проблема проявляется по требованиям, в отношении которых: 1) установлены сокращенные сроки исковой давности (например, п. 3 ст. 33, п. 3 ст. 628 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), ч. 1 и 2 ст. 242 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК);

¹ Более широкий термин – «срок для защиты права» используется наряду с термином «исковая давность» ст. 8 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС): «На требования, вытекающие из брачных и семейных отношений, *исковая давность* не распространяется, за исключением случаев, когда *срок для защиты нарушенного права* установлен настоящим Кодексом».

2) установлены пролонгированные сроки исковой давности (например, п. 1 ст. 182, п. 2 ст. 692 ГК); 3) исковая давность не применяется (например, ст. 209 ГК).

Так, ч. 1 ст. 242 ТК предусматривает, что «работники могут обращаться в комиссию по трудовым спорам или ... в суд в *трехмесячный* срок со дня, когда они узнали или должны были узнать о нарушении своего права, а по делам об увольнении – в суд в *месячный* срок со дня вручения копии приказа об увольнении или со дня выдачи трудовой книжки с записью об основании прекращения трудового договора либо со дня отказа в выдаче или получении указанных документов»¹. Часть 2 ст. 242 ТК устанавливает «для обращения нанимателя в суд по вопросам взыскания материального ущерба, причиненного ему работником, ... срок в один год со дня обнаружения ущерба».

Для сроков давности на принудительное исполнение решений суда по таким требованиям ни ТК, ни Законом «Об исполнительном производстве» специальных правил не установлено: действует общий срок – 3 года² (ч. 1 ст. 34 Закона «Об исполнительном производстве»).

Существенные различия сроков на обращение за защитой и сроков давности на принудительное исполнение сложно объяснить. Полагаем, в целом между продолжительностью этих сроков должна быть связь, которая определяется причинами их установления.

На причины установления сроков исковой давности неоднократно обращалось внимание в юридической литературе. Большинство авторов указывало на следующие из них: 1) необходимость обеспечения определенности гражданских отношений; 2) застаревание (задавнивание) и уничтожение доказательственного материала [1, с. 15³; 2, с. 5; 5, с. 34; 9, с. 91 и др.]. При этом А. М. Эрделевский справедливо отмечает, что «российский законодатель, как, впрочем, и зарубежный, никогда не затруднял себя достаточно четким объяснением этих целей» [9, с. 89]. Необходимость обеспечения стабильности определенного вида отношений, полагаем, относится к сфере материального права, а вот задавнивание доказательств – к сфере процессуального. По нашему мнению, если в советский период с учетом содержания принципа объективной истины в гражданском процессе, застаревание доказательств имело значение, то при отказе от широкой активности суда при установлении действительных обстоятельств дела на современном этапе развития цивилистического процесса

¹ Признавая, что установление сокращенных сроков на защиту по отдельным требованиям, например, требованиям о восстановлении на работе оправданно, специалисты в сфере трудового права критикуют установление сокращенных сроков в отношении всех требований работника [8, с. 121–122].

² Парадоксально, но применительно к постановлениям комиссии по трудовым спорам ч. 5 ст. 249 ТК и ч. 3 ст. 34 Закона «Об исполнительном производстве» устанавливают трехмесячный давностный срок на принудительное исполнение.

³ При этом М. Я. Кириллова отмечала: «Возможно, конечно, что доказательства сохраняются и они достоверны, и тем не менее если срок исковой давности пропущен без уважительных причин, то в иске должно быть отказано» [1, с. 15].

застаревание и уничтожение доказательственной базы в такой степени более не значимо, так как именно заинтересованное лицо, а не суд, несет бремя доказывания по делу. С учетом сущности деятельности по принудительному исполнению задавнивание доказательственного материала не может рассматриваться в качестве причины установления сроков давности на принудительное исполнение.

Анализ ряда норм ТК (п. 5 ч. 3 ст. 17, п. 1 ч. 1 ст. 342, ч. 4 ст. 367 и др.) показывает, что причиной установления срока на обращение за разрешением, например, спора о восстановлении на работе, с высокой степенью вероятности является именно необходимость обеспечения стабильности общественных отношений.

При установлении годичного срока для обращения нанимателя в суд по вопросам взыскания материального ущерба, полагаем, одной из причин установления такого срока было застаревание доказательств, при этом вторая – необходимость обеспечения стабильности отношений – тоже не исключена: многие работники живут «от зарплаты до зарплаты» и для них обнаружение ущерба по прошествии значительного периода времени может оказаться шоком, который требует существенного перераспределения доходов.

С учетом того, что в целом в гражданское законодательство не дифференцирует сроки на защиту права и сроки исковой давности в их составе, возникает вопрос о применимости к сроку на принудительное исполнение положений ст. 209 ГК, которая содержит перечень требований, на которые исковая давность не распространяется. Возможность застаревания доказательств и необходимость обеспечения стабильности отношений, очевидно, рассматриваются законодателем в таких случаях как незначимые, приоритет отдается необходимости защиты права. Соответственно, и установление сроков давности на принудительное исполнение в таких случаях видится необоснованным.

В целом полагаем, что сроки исковой давности (сроки на защиту) и сроки давности на принудительное исполнение должны друг другу соответствовать. Несоответствие допустимо в тех ситуациях, когда причиной установления срока исковой давности, срока на обращение за защитой являлся риск застаревания доказательств: изменение материального и процессуального права не всегда происходит синхронно, соответственно, несмотря на отказ от широкой активности суда в установлении обстоятельств дела как составной части принципа объективной истины в гражданском процессе, многие нормы материального права о сроках исковой давности не были скорректированы.

Единство давностных сроков и некоторые основания перерыва срока исковой давности

В контексте корректного установления сроков на принудительное исполнение, а также в плане поддержания идеи о том, что законодатель, говоря о *сроке исковой давности*, по крайней мере, в некоторых случаях точно имел ввиду *срок на защиту права* в целом, интерес представляет ч. 1 ст. 204 ГК относительно перерыва срока давности «при предъявлении иска

в установленном порядке». Часть 2 указанной статьи гласит, что «после перерыва течение срока исковой давности начинается заново. Время, истекшее до перерыва, не засчитывается в новый срок». В развитие ст. 204 ГК следуют положения ст. 205 ГК, которая определяет, когда перерыва срока, несмотря на обращение в суд, не будет. Возникает вопрос, когда же закончится перерыв и начнет заново течь срок «исковой давности» после обращения с иском либо дальнейшее течение срока после перерыва при предъявлении иска в суд не предполагается вовсе. Белорусский законодатель не дал ответа на этот вопрос, а российский решил отказаться от такого основания перерыва (ст. 203 ГК РФ), указав, что со дня обращения в суд такой срок исковой давности «не течет», и установив, подобно белорусскому законодателю, последствия оставления иска без рассмотрения и дополнительно указав на возможность иных последствий, «если иное не вытекает из оснований, по которым осуществление судебной защиты права прекращено» (ст. 204 ГК РФ).

В монографической литературе этот вопрос, как правило, обходят вниманием. М. П. Ринг, однако, полагал, что «предъявление иска прерывает течение давностного срока потому, что им осуществляется право на иск. В этом случае течение срока исковой давности не может иметь места, оно прекращается или, по терминологии ... ГК, наступает перерыв его течения» [10].

Представляется все же, что ответ на вопрос о том, когда же продолжит течение срок исковой давности (понимаемый нами несколько шире, как срок на защиту права) может быть дан. Полагаем, что срок на защиту права прерывается обращением в суд, и должен возобновить свое течение либо с момента вступления в законную силу судебного постановления об удовлетворении требования¹, либо с момента вынесения такого постановления, если допускается его немедленное исполнение. После перерыва срок на защиту продолжит свое течение как срок на принудительное исполнение, если иное не проистекает из причин установления срока на обращение за защитой. Такая трактовка снимет вопросы преемственности в установлении сроков исковой давности и сроков на принудительное исполнение с точки зрения такой причины их установления, как обеспечение стабильности определенного вида общественных отношений.

Конечно, нуждается в разработке вопрос о перерыве и возобновлении давностных сроков на защиту права при обращении в иные юрисдикционные органы.

Сроки давности на принудительное исполнение исполнительных документов о периодических платежах

Большую проблему представляет формулировка ч. 2 ст. 34 Закона «Об исполнительном производстве» относительно особенностей исчисления

¹ Таким постановлением может быть как решение, так и, например, определение о судебном приказе.

сроков на принудительное исполнение по требованиям о взыскании периодических платежей. В настоящее время такие требования в абсолютном большинстве случаев носят частноправовой характер (взыскание алиментов; расходов государства на содержание детей; возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью; при исполнении иностранных решений возможны ситуации со взысканием неустойки как периодического платежа, расчет которой осуществляется судебным исполнителем по формуле, указанной в судебном постановлении [11])¹.

В настоящее время правило сформулировано следующим образом: «исполнительные документы о взыскании периодических платежей могут быть предъявлены к исполнению в течение всего срока, на который присуждены платежи, а также в течение трех лет после окончания этого срока». Формально, такое правило может существовать, определяя период в течение которого возможно обращение в органы принудительного исполнения. Проблема, однако, в том, что оно не дает ответа на вопрос, в каком объеме предоставляется защита управомоченному лицу: подлежит ли взысканию вся сумма, накопившаяся за период, предшествовавший обращению за принудительным исполнением, или же лишь сумма в пределах общего трехлетнего давностного срока на защиту.

Полагаем, что подходы к решению вопроса об объеме требований, подлежащих защите, в исполнительном производстве и в деятельности юрисдикционных органов должны быть единообразны. Фактически идея о том, что при взыскании периодических платежей сроки давности подлежат исчислению для каждого платежа в отдельности, закреплена законодателем для требований о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью (п. 3 ст. 209 ГК), о взыскании алиментов (ч. 3 ст. 109 КоБС).

Отмечается, что «мнение, согласно которому срок исковой давности начинает течь с момента невнесения последней части платежа не получило поддержки. Господствующим является мнение, согласно которому в исках о просроченных платежах и выдачах течение срока исковой давности следует исчислять отдельно для каждого из просроченных платежей с момента возникновения соответствующего требования [12, с. 419]. Именно в таком виде правило было ранее сформулировано в ч. 3 ст. 468 ГПК (редакция от 11 января 1999 г.) и действовало до вступления в действие Закона «Об исполнительном производстве». Полагаем, что следует вернуться к сходной формулировке: «По исполнительным документам о взыскании периодических платежей сроки давности на принудительное исполнение действуют для каждого платежа в отдельности и течение их начинается со дня наступления срока каждого платежа».

Восстановление пропущенных давностных сроков

Еще одной проблемой нам представляется отсутствие единообразных подходов при регулировании оснований восстановления пропущенных

¹ Платеж может стать приобрести свойство периодичности и в результате предоставления юрисдикционным органом рассрочки.

давностных сроков (сроков исковой давности и сроков давности на принудительное исполнение). Общей нормой, которая регулирует восстановление сроков исковой давности, является ст. 206 ГК, которая связывает возможность восстановления срока давности с личностью истца и, соответственно, подлежит применению только в отношении физических лиц. Следует, однако, отметить, что основания восстановления сроков исковой давности не нашли отражения ни в Законе «Об исполнительном производстве» (ст. 36), ни в действующих редакциях ГПК и ХПК. Таким образом, в настоящее время процессуальное законодательство не содержит, например, препятствий для восстановления срока давности на принудительное исполнение по заявлению юридического лица, публично-правового образования.

Полагаем, что по требованиям цивилистического характера основания для восстановления пропущенных сроков исковой давности и сроков давности принудительного исполнения должны быть приведены в соответствие.

Таким образом, вышеизложенное приводит нас к следующим выводам:

1. В законодательстве Республики Беларусь отсутствует единообразие терминологии при обозначении сроков давности на принудительное исполнение. Использование в Законе «Об исполнительном производстве» термина «сроки предъявления исполнительных документов к исполнению» разрывает логическую связь этих сроков с давностными материально-правовыми сроками.

2. В отношении цивилистических требований термин «срок на защиту права» является родовым по отношению к терминам «срок исковой давности», «срок давности на принудительное исполнение».

3. В большинстве случаев продолжительность срока давности на принудительное исполнение должна корреспондировать продолжительности срока исковой давности. Несоответствие допустимо в тех ситуациях, когда причиной установления срока исковой давности, срока на обращение за защитой являлся риск застаревания доказательств.

4. Полагаем, что срок на защиту права прерывается обращением в суд (ст. 204 ГК), и должен возобновить свое течение либо с момента вступления в законную силу судебного постановления об удовлетворении требования, либо с момента вынесения такого постановления, если допускается его немедленное исполнение. После этого момента срок на защиту продолжит свое течение как срок на принудительное исполнение, если иное не проистекает из причин установления срока на обращение за защитой.

5. Нуждаются в совершенствовании положения о сроке давности на принудительное исполнение по периодическим платежам. Полагаем необходимым вернуться к смыслу правила, изложенного в ч. 3 ст. 468 ГПК в редакции 11 января 1999 г.: «по исполнительным документам о взыскании периодических платежей сроки давности на принудительное исполнение действуют для каждого платежа в отдельности и течение их начинается со дня наступления срока каждого платежа».

6. Полагаем, что по требованиям цивилистического характера основания для восстановления пропущенных сроков исковой давности и сроков давности принудительного исполнения, закрепленные в процессуальном законодательстве (ГПК и ХПК), должны быть приведены в соответствие с нормами материального законодательства (ГК). В частности, представляется недопустимым восстановление сроков давности на принудительное исполнение взыскателям – организациям и публично-правовым образованиям.

Список использованных источников

1. Кириллова, М. Я. Исковая давность / М. Я. Кириллова. – М. : Юрид. лит., 1966. – 156 с.
2. Грибанов, В. П. Сроки в гражданском праве / В. П. Грибанов. – М. : Знание, 1967. – 48 с.
3. Иоффе, О. С. Советское гражданское право. Общая часть. Право собственности. Общие учение об обязательствах / О. С. Иоффе. – Л. : Изд-во Ленинградск. ун-та, 1958. – 511 с.
4. Крашенинников, Е. А. Понятие и предмет исковой давности / Е. А. Крашенинников. – Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 1997. – 86 с.
5. Гурвич, М. А. Пресекательные сроки в советском гражданском праве / М. А. Гурвич. – М. : ВЮЗИ, 1961. – 80 с.
6. Грибанов, В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов // Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М. : Статут, 2001. – С. 19–212.
7. Новицкий, И. Б. Сделки. Исковая давность / И. Б. Новицкий. – М.: Юрид. лит., 1954. – 248 с.
8. Трудовые споры и их урегулирование : учеб.-метод. пособие / А. Г. Авдей [и др.] ; под ред. У. Хелльманна [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2015. – 244 с.
9. Эрделевский, А. М. Сделки. Исковая давность / А. М. Эрделевский. – М.: Эксмо, 2008. – 240 с.
10. Ринг, М. П. Исковая давность в советском гражданском праве / М. П. Ринг. – М., 1952. – 17 с.
11. Подана жалоба на постановление об окончании исполнительного производства. Жалоба удовлетворена [Электронный ресурс]: решение экономического суда Брестской области от 19 ноября 2018 г. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=x918b0207s&q_id=1770157&type=card – Дата доступа: 15.09.2022.
12. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / А. В. Каравай [и др.] ; под ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2007. – 864 с.

Подупейко А. Г.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СРОЧНЫХ ТРУДОВЫХ ДОГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

*Подупейко Алексей Геннадьевич, научный сотрудник научно-исследовательской части, аспирант,
Международный университет «МИТСО»,
ул. Казинца, 21/3, 220099, Минск, Беларусь, manuntd@mail.ru*

Статья посвящена истории развития советского законодательства о срочных трудовых договорах на территориях современных государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в первой половине XX в. Цель исследования состоит в обобщении исторических аспектов формирования советского законодательства о срочных трудовых договорах на территориях современных Беларуси, Армении, Казахстана, Кыргызстана и России в указанный период. В результате проведенного исследования выделены этапы развития законодательства о срочных трудовых договорах в первой половине XX в. и обобщены возникшие в это время основы правового регулирования трудовых отношений, основанных на срочных трудовых договорах. Статья является первым в Республике Беларусь комплексным исследованием исторических аспектов формирования законодательства о срочных трудовых договорах в первой половине XX в.

Ключевые слова: срочный трудовой договор; срок; законодательство; история; систематизация.

Padupeika A. G.

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE LEGISLATION ON FIXED-TERM EMPLOYMENT CONTRACTS IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

*Padupeika Aleksey G., the researcher of the Research Unit, postgraduate student,
International University «MITSO»,
21/3 Kazintsa Street, Minsk 220099, Belarus, manuntd@mail.ru*

The article is devoted to the history of the development of Soviet legislation on fixed-term employment contracts in the territories of modern member states of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU) in the first half of the XX century. The purpose of the research is to summarize the historical aspects of the formation of Soviet legislation on fixed-term employment contracts in the territories of modern Belarus, Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Russia in this time. As a result of the study, the stages of development of the legislation on fixed-term employment contracts in the first half of the XX century were identified and the foundations of the legal regulation of labour relations based on fixed-term employment contracts that arose at that time were summarized. The article is the

first in the Republic of Belarus a comprehensive research of the historical aspects of the formation of legislation on fixed-term employment contracts in the first half of the XX century.

Keywords: fixed-term employment contract; term; legislation; story; systematization.

Во второй половине XIX – начале XX в. с отменой крепостничества и формированием фабричного законодательства наемный труд стал регламентироваться гражданско-правовыми договорами, которые устанавливали денежную форму вознаграждения, сроки существования таких отношений, двусторонний характер ответственности и др.

Еще до установления советской власти на территориях современных государств – членов ЕАЭС в Российской империи была предпринята попытка систематизации до этого несистематизированных норм законодательства о труде рабочих (фабричного законодательства). В 1913 г. был принят Устав о промышленном труде (далее – УПТ), объединивший в себе нормы большого количества нормативных правовых актов в сфере труда. В ст. 51 УПТ закреплялось, что найм рабочих производился на определенный срок, на неопределенный срок и на время исполнения какой-либо работы. Минимальный срок договора найма в УПТ закреплён не был, а максимальный не мог превышать пяти лет или срока, на который рабочему выдан паспорт. Конкретный срок найма, согласно нормам ст. 98 УПТ, должен был указываться в расчетной книжке рабочего. В ст. 53 УПТ закреплялся запрет на внесение изменений в договор личного найма до окончания срока действия срочного договора или без предупреждения за две недели рабочих, нанятых на неопределенный срок. Сами же рабочие лишались права до истечения срока договора требовать каких-либо изменений в его условиях. В ст. 61 УПТ в качестве оснований прекращения действия срочного трудового договора были указаны истечение срока найма и окончание работы, для выполнения которой привлекался работник. Расторжение же срочного трудового договора по инициативе рабочего допускалось только в случае дурного обращения со стороны хозяина либо нарушения им условий по снабжению пищей и помещением рабочих (ст. 63 УПТ).

Таким образом, еще на дореволюционном этапе развития законодательства были сформированы некоторые основные направления правового регулирования отношений, основанных на срочных трудовых договорах: виды, максимальный срок и основания прекращения действия таких договоров по инициативе работника и в связи с истечением срока.

Вместе с тем на практике существовал ряд проблем, характерных для всех позднефеодальных обществ. Существование крупного землевладения, отсутствие у крестьян права на землю, непровозглашенность различных демократических прав и свобод, а также ряд политических причин породили в обществе недовольство властью, что вылилось в две буржуазно-демократические (в 1905–1907 гг. и феврале 1917 г.), а затем и социалистическую (в октябре 1917 г.) революции, в результате которых

Российская империя прекратила свое существование и к власти в результате противоборства различных политических партий пришли большевики, создавшие свою систему органов власти, опирающуюся на Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Провозглашая своей главной целью защиту интересов рабочих и крестьян, советская власть пошла по пути кодификации с выделением трудового права из гражданского в самостоятельную отрасль, отграничения договора личного найма от иных гражданско-правовых договоров.

Провозгласив себя властью рабочих и крестьян, большевики на законодательном уровне установили ряд льгот и гарантий для работников, отказавшись при этом от договорного способа регулирования отношений, возникающих по поводу труда. Установив всеобщую трудовую повинность, они перевели труд из предмета регулирования частного (гражданского) права в предмет регулирования публичного права. В связи с этим в Кодексе законов о труде Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1918 г. (далее – КЗоТ РСФСР 1918 г.) понятие «трудовой договор» отсутствовало, а применение труда связывалось с его распределением. По КЗоТ РСФСР 1918 г. работа на определенный срок предполагалась только для безработных, а граждане, получившие работу на срок не более двух недель, статуса безработного не утрачивали.

В условиях перехода к новой экономической политике, развития многоукладной экономики и взятого на демократизацию общества курса всеобщая трудовая повинность показала свою несостоятельность и неэффективность, что повлекло принятие нового Кодекса законов о труде Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в 1922 г. (далее – КЗоТ РСФСР 1922 г.). Как справедливо отмечал Н. Г. Александров, «одним из важнейших исторических значений КЗоТ 1922 г. является закрепление в нем договорного принципа ... организации труда рабочих и служащих» [1, с. 3].

В ст. 27 КЗоТ РСФСР 1922 г. трудовой договор определялся как соглашение двух или более лиц, по которому одна сторона (нанимающийся) предоставляет свою рабочую силу другой стороне (нанимателю) за вознаграждение.

Большинство условий трудового договора было установлено в законодательстве и коллективных договорах, а свобода трудового договора заключалась лишь в выражении свободной волеизъявления на вступление в трудовые отношения, выборе места работы и трудовой функции. Трудовые договоры можно было заключать как в устной, так и в письменной форме. Срочные трудовые договоры должны были заключаться только в письменной форме. В ст. 34 КЗоТ РСФСР 1922 г. устанавливалось, что трудовые договоры могли заключаться на срок не свыше одного года, на неопределенный срок и на время выполнения какой-либо работы. В ст. 45 КЗоТ РСФСР 1922 г. закреплялось правило о трансформации срочного трудового договора в трудовой договор на неопределенный срок при продолжении трудовых отношений после истечения срока трудового договора, если ни одна из

сторон не требует их прекращения. Как отмечает Е. С. Батусова, установление подобного правила было «связано с незаинтересованностью государства в широком распространении подобных договоров» [2, с. 24].

Вместе с тем в начале 1920-х гг. срочный трудовой договор оценивался его сторонами положительно. Как отмечает Т. В. Гуслистая, «предприятиям заключение этих договоров было выгодно, так как работнику в случае увольнения по истечении срока договора не надо было выплачивать выходное пособие, что способствовало экономии государственных средств. Работникам ... это также было удобно, так как помимо получения работы на определенный срок, они не снимались с учета на бирже труда и в случае увольнения по истечении срока могли быть направлены на какое-либо другое предприятие ... Роль срочных трудовых договоров ... в этот период необычно возросла, и именно в это время складывалось законодательство, регулирующее срочный трудовой договор» [3, с. 11–12].

Заключение срочных трудовых договоров было обязательным при приеме на работу в порядке организованного набора; с рабочими и служащими, приглашаемыми на работу в районы Крайнего Севера или в приравненные к ним отдаленные местности; с рабочими и служащими, принимаемыми на сезонные и временные работы. Следует отметить, что указанные случаи заключения срочных трудовых договоров устанавливались не в КЗоТ РСФСР 1922 г., а в иных актах законодательства о труде.

Появление в советском законодательстве о труде отдельных видов и случаев заключения срочных трудовых договоров было обусловлено главным образом его развитием, выразившемся в улучшении правового положения работников. Если во времена Российской империи после отмены крепостного права в условиях практически полного бесправия наемных работников наниматели могли поручить наемщику работу, носящую срочный характер, без обоснования каких-либо причин (а тот, в свою очередь, вынужден был согласиться в силу тяжелой ситуации на ранке труда и отсутствия законодательно закрепленной системы трудовых прав) или просто уволить временно отсутствующего наемщика, приняв на его место другого постоянного наемщика, то с установлением в законодательстве о труде видов и случаев заключения срочных трудовых договоров, гарантий защиты от необоснованного увольнения наниматели оказались связанными требованиями законодательства о труде.

Срочный трудовой договор мог расторгаться по инициативе работника только в случаях, закрепленных в ст. 48 КЗоТ РСФСР 1922 г. Расторжение же срочного трудового договора по инициативе работника без уважительных причин не допускалось. В ст. 89 КЗоТ РСФСР 1922 г. устанавливалось выходное пособие в размере двухнедельного заработка при расторжении срочного трудового договора по инициативе работника.

С установлением в законодательстве о труде льгот и гарантий для работников срочные трудовые договоры перестали быть средством предотвращения кабалы, а срочность трудового договора утратила свою ценность для работников. Получив достойные по сравнению

с существовавшими на фабриках и заводах Российской империи условия труда и его оплаты, работники стали заинтересованы в поступлении на работу, так как это позволяло им в лучшей степени обеспечить свое благосостояние, чем ведение собственного хозяйства. В связи с этим более привлекательными стали трудовые договоры на неопределенный срок, поскольку длительная и стабильная работа создавала гарантии постоянного источника дохода.

Срочные трудовые договоры же рассматривались преимущественно как средство борьбы с безработицей. Как утверждает Н. Ю. Вышинская, «когда государство не могло гарантировать осуществление права на труд всем гражданам, заключение срочных трудовых договоров давало возможность обеспечить рабочих и служащих хотя бы кратковременной работой» [4, с. 36].

М. В. Лушникова и А. М. Лушников отмечают, что «в конце 20-х – начале 30-х годов XX в. договорное начало было практически вытеснено административным регулированием трудовых отношений. В этой связи научный интерес к теории трудового договора существенно снизился» [5, с. 262].

С принятием постановления Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 4 июня 1926 г. «Об условиях труда на сезонных работах» в законодательстве СССР был закреплен термин «сезонная работа» и его определение, а также особенности труда сезонных работников. В п. 1 указанного постановления определялось, что сезонными признаются работы, которые, находясь в зависимости от природных и климатических условий, не могут выполняться в течение круглого года и производятся в течение определенного периода, не превышающего шести месяцев (сезона). Трудовой договор при найме на сезонные работы мог быть заключен на весь сезон, на определенный срок, на время выполнения какой-либо работы или на срок неопределенный. Лица, занятые на сезонных работах, права на отпуск или на компенсацию за него не имели. Нанявшийся на сезонные работы мог расторгнуть трудовой договор по своей инициативе, предупредив об этом нанимателя за три дня.

С принятием Центральным исполнительным комитетом СССР и Советом народных комиссаров СССР 14 января 1927 г. постановления «Об условиях труда временных рабочих и служащих» в законодательство было введено понятие «временный рабочий и служащий», под которым понимались рабочие и служащие, заключившие трудовой договор на срок до двух месяцев, а для замещения временно отсутствующих работников, за которыми сохраняется их должность, – до четырех месяцев. Лица, занятые на временных работах, права на отпуск или на компенсацию за него не имели. Временные работники имели право расторгнуть трудовой договор по своей инициативе, предупредив об этом нанимателя за один день или, при отсутствии предупреждения, уплатив ему средний дневной заработок.

В 1929 г. на территории Беларуси был принят Кодекс о труде БССР, изложивший в новой редакции КЗоТ РСФСР 1922 г., однако не внесший существенных изменений в правовое регулирование трудовых отношений.

На территории Западной Беларуси, входившей в состав Польши с 1921 по 1939 г., трудовые договоры заключались на испытательный срок, для выполнения определенной работы, на определенное или неопределенное время [6, с. 505]. В остальном же фабричное законодательство в Польше развивалось по тем же направлениям, что и в иных государствах с той лишь особенностью, что имели место законодательно установленные преимущества для работников умственного труда в сравнении с работниками физического труда. Следует отметить, что 16 марта 1928 г. в Польше был принят Закон о трудовом договоре рабочих и служащих [7, с. 40].

До 1936 г. на территории современных Казахстана и Кыргызстана существовали Казахская автономная советская социалистическая республика и Киргизская автономная область, входившие в состав РСФСР, поэтому на их территории действовало законодательство РСФСР. С образованием 5 декабря 1936 г. Казахской Советской Социалистической Республики и Киргизской Советской Социалистической Республики в Казахстане и Кыргызстане начало формироваться собственное законодательство о труде.

На территории же современной Армении взамен упраздненного прежнего законодательства было признано, что будут действовать законы о труде РСФСР, с изменениями и дополнениями, какие внесет в них Советская власть Армении применительно к своим конкретным условиям. В связи с этим КЗоТ Закавказской советской социалистической Республики 1922 г., в состав которой входила территория современной Армении, содержательно дублировал нормы КЗоТ РСФСР 1922 г.

В начале 1940-х гг. в связи с изменениями в законодательстве о труде, которые для нужд обеспечения советской армии фактически закрепили рабочих и служащих за предприятиями, необходимость в срочных трудовых договорах и вовсе отпала. В связи со вступлением в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода с работы рабочих и служащих предприятий и учреждений», запретившего расторжение трудового договора в одностороннем порядке, и актов законодательства военного времени произошло своеобразное закрепление рабочих и служащих за предприятиями.

В целом же в научной литературе до 1950-х гг. при рассмотрении видов, продолжительности срока действия, оснований прекращения действия по инициативе работника и в связи с истечением срока действия срочных трудовых договоров, иных вопросов, связанных со срочностью трудовых отношений, использовался преимущественно описательный подход с воспроизведением положений, установленных правовыми нормами, и приведением комментариев к ним.

На количество и качество научных исследований повлияла и ситуация в научной среде того времени. Как отмечают А. М. Лушников и М. В. Лушникова, «интеллектуальная свобода исследований была жестко ограничена, а с конца 30-х до начала 50-х годов просто отсутствовала. ... Начинаящие ученые, за редким исключением, были лишены возможности

знакомится с исследованиями дореволюционного периода, работами зарубежных коллег и западным трудовым законодательством. ... правовое регулирование труда в 30-х годах и не нуждалось в теоретической основе, опираясь на политическую целесообразность, экономическую необходимость и властный произвол. Соответственно непредвзятый ученый просто не нашел бы теоретических основ для хаотичного перекраивания трудового законодательства» [8, с. 172–173].

Таким образом, подводя итоги изложенному, следует сделать вывод о том, что с установлением советской власти на территориях современных государств – членов ЕАЭС произошло выделение трудового права в самостоятельную отрасль права и, как следствие, объединение до этого несистематизированных норм о труде в единых нормативных правовых актах. Правовое регулирование трудовых отношений, основанных на срочных трудовых договорах, в первой половине XX в. условно можно разделить на три этапа, поскольку регулирование трудовых и связанных с ними отношений по Уставу о промышленном труде 1913 г. осуществлялось на основе положений науки гражданского права с некоторыми особенностями, установленными фабричным законодательством, по КЗоТ РСФСР 1918 г. – во внедоговорном порядке, по КЗоТ РСФСР 1922 г. и принятым на его основе кодексам союзных республик – подобно современному регулированию.

В первой половине XX в. были сформированы некоторые основные направления правового регулирования отношений, основанных на срочных трудовых договорах: виды, основания прекращения действия таких договоров по инициативе работника и в связи с истечением срока, было сформулировано важное правило о трансформации срочного трудового договора в трудовой договор на неопределенный срок, появились понятия сезонной работы и временного рабочего и служащего, сформировалась направленность правового регулирования на приоритет трудового договора на неопределенный срок перед срочными трудовыми договорами, в законодательстве начали устанавливаться ограничения на заключение срочных трудовых договоров и др.

С учетом влияния различных политических факторов в первой половине XX в. научный интерес к срочным трудовым договорам практически отсутствовал, а сами срочные трудовые договоры, несмотря на все их достоинства, рассматривались только как средство борьбы с безработицей.

Список использованных источников

1. Александров, Н. Г. Договорный принцип социалистического труда (к 50-летию КЗоТ РСФСР 1922 г.) / Н. Г. Александров // КЗоТ РСФСР 1922 г. и современность / под ред. Ю. П. Орловского, Н. Г. Александрова, В. С. Андреева. – М. : РИО ВЮЗИ, 1974. – С. 3–4.

2. Батусова, Е. С. Правовое регулирование срочных трудовых договоров в России и некоторых зарубежных странах (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Е. С. Батусова. – М., 2014. – 191 л.

3. Гуслистая, Т. В. Срочные трудовые договоры : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Т. В. Гуслистая. – М., 2006. – 174 л.
4. Вышинская, Н. Ю. Срочный трудовой договор : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Н. Ю. Вышинская. – М., 1985. – 183 л.
5. Лушников, А. М. Курс трудового права : учебник : в 2 т. / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – М. : Статут, 2009. – Т. 2. – 1151 с.
6. Бардах, Ю. История государства и права Польши / Ю. Бардах, Б. Леснодорский, М. Пиетрчак. – М. : Юрид. лит., 1980. – 559 с.
7. Курс трудового права. Общая часть / А. А. Войтик [и др.] ; под общ. ред. О. С. Курылёвой, К. Л. Томашевского. – Минск : Тесей, 2010. – 602 с.
8. Лушников, А. М. Курс трудового права : учебник : в 2 т. / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2009. – Т. 1. – 879 с.

Постовалова Т. А.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ:
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД

*Постовалова Татьяна Александровна, кандидат юридических наук, доцент;
доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического
факультета,*

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь, luboko@mail.ru*

Рассматривается международный подход к правовому регулированию адресной помощи в рамках ООН, МОТ, а также в ряде региональных международных организаций, таких как Африканский союз и Содружество Независимых Государств. Сделан ряд выводов, которые могут быть учтены в законотворческой деятельности.

Ключевые слова: социальная помощь; социальное обеспечение; социальные права; гарантированный минимальный доход

Postovalova T. A.
THE LEGAL REGULATION OF SOCIAL ASSISTANCE:
AN INTERNATIONAL LAW APPROACH

*Postovalova Tatiana A., PhD (law), docent; associate professor at the department
of civil procedure and labour law, faculty of law,*

*Belarusian State University,
4 Nezavisimosti Avenue, 220030 Minsk, Belarus, luboko@mail.ru*

The article deals with the international approach to the legal regulation of the social assistance within the framework of the UN, the ILO, as well as in a number of regional international organizations such as the African Union and the Commonwealth of Independent States. A number of conclusions are made that can be taken into account in legislative activity.

Keywords: social assistance; social security; social rights; guaranteed minimum income

В европейских государствах социальная помощь является преемником систем помощи бедным, которые существовали до Второй мировой войны. Такие системы являлись формой государственной благотворительности и обеспечивали организационную и финансовую основу для поддержки бедного населения на местном уровне.

После Второй мировой войны изменился основной принцип поддержки. Социальная помощь стала правом человека, а не благотворительностью. Социальная помощь обеспечивает общую систему социальной защиты на основе законодательно определенного права на установленный законом прожиточный минимум. Системы такой помощи в европейских странах

имеют разные названия, но в основном они характеризуются проверкой нуждаемости и фиксированными минимальными размерами пособия. Кроме того, они не устанавливают требований о предыдущих периодах страхования или уплаты взносов, а финансируются из средств общего налогообложения.

Социальная помощь является частью более широкого понятия социального обеспечения, в которое также входят социальное страхование, медицинская помощь и семейные пособия. Как отмечает Л. Т. Алабисо, «конституции всех европейских стран, за исключением Великобритании, в которой нет писаной конституции, посвятили социальному обеспечению одно или несколько положений» [1, с. 3]. Их юридическая природа и конкретные формулировки различны, но в целом они сходятся вокруг трех основных подходов: закрепление социального обеспечения как индивидуального права человека; определение социальной ответственности государства в сфере социального обеспечения; включение социального обеспечения в число руководящих принципов государственной политики [2, с. 16–18].

Всеобщая декларация прав человека не содержит прямой ссылки на социальную помощь. В ст. 22 Всеобщей декларации формулируется право на социальное обеспечение, а в ст. 25 указывается, что «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи». В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (далее – Пакт) сохраняется такой же подход. В ст. 9 предусмотрено право на социальное обеспечение, а ст. 11 содержит право на адекватный уровень жизни.

Право на достаточный жизненный уровень может интерпретировано как означающее, что социальная помощь должна предоставляться любому лицу, не имеющему надлежащих средств.

Одной из ключевых проблем, решение которой непонятно из формулировок ст. 22 и 25 Пакта, является вопрос о том, будет ли социальная помощь подпадать под действие ст. 9 Пакта.

Мнения ученых по этому поводу разделились. Так, Э. Ридель считает, что необходимо интерпретировать социальную помощь как часть широко определяемого социального обеспечения, и, таким образом, видит ее защищенной ст. 9 Пакта, которая доктринально связана со ст. 11 Пакта [3, с. 24]. М. Шейнин выступает против охвата социальной помощи ст. 9 Пакта, а считает, что она включается в «достаточный уровень жизни», предусмотренный в ст. 11 Пакта [4, с. 211].

По мнению Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (далее – Комитет ООН), право на социальное обеспечение, предусмотренное в ст. 9 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, включает обязательство государств работать над созданием системы социальной защиты, которая не основана на уплате страховых взносов.

В Общем комментарии № 19 «Право на социальное обеспечение» (ст. 9 Пакта) от 4 февраля 2008 г. говорится: «В соответствии со статьей 2 (1) государства – участники Пакта должны принимать эффективные меры и периодически пересматривать их, по мере необходимости, в пределах их максимально возможных ресурсов, чтобы полностью реализовать, без какой-либо дискриминации, право всех людей на социальное обеспечение, включая социальное страхование. Формулировка статьи 9 Пакта указывает на то, что меры, которые должны использоваться для предоставления пособий по социальному обеспечению, не могут быть определены узко и в любом случае, должны гарантировать всему населению минимальное осуществление этого права человека. Эти меры могут включать:

а) накопительные или страховые системы, такие как социальное страхование, которые прямо упоминаются в статье 9. Как правило, такие схемы включают обязательные взносы от бенефициаров, работодателей и, иногда, государства, в связи с выплатой пособий и административных расходов из общего фонда;

б) системы, не предусматривающие уплату взносов, такие как универсальные схемы (предоставляющие соответствующие пособия в принципе для всех, кто подвергается определенному риску или влиянию непредвиденных обстоятельств) или целевые схемы социальной помощи (пособия получают нуждающиеся). Почти во всех государствах-участниках потребуются системы без взносов, поскольку маловероятно, что каждый человек может быть адекватно защищен в рамках системы, основанной на страховании [5, п. 4]».

В сообщении № 10/2015 от 26 марта 2018 г. о рассмотрении жалобы по делу «Марсия Сесилия Трухильо Калеро против Эквадора» Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам указал: «В соответствии со своими основными обязательствами в отношении права на социальное обеспечение, установленными в Пакте, ... государства должны предоставлять пособия по старости, которые не основаны на уплате взносов, социальные услуги и другую помощь всем пожилым людям, которые при достижении пенсионного возраста, установленного национальным законодательством, не завершили установленный период уплаты взносов, не имеют права на страховую пенсию по старости или иное социальное пособие или помощь по социальному обеспечению, и не имеют другого источника дохода [6, п. 14.2]».

В рассматриваемом деле имело место предполагаемое нарушение права на социальное обеспечение (ст. 9 Пакта) в связи с отказом в выплате пенсии заявительнице. По сути, дело было об отказе выплатить пенсию г-же Калеро на основании того факта, что у нее был восьмимесячный перерыв в добровольной выплате взносов, которые она фактически компенсировала позже, и отказе в предоставлении специального пенсионного обеспечения на том основании, что она не внесла достаточных страховых взносов.

По мнению Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, невыплата пенсии г-же Трухильо Калеро составила

нарушение права на социальное обеспечение, предусмотренное ст. 9 Пакта. Комитет ООН принял во внимание целый ряд аргументов, чтобы прийти к такому выводу. Особое значение имело отсутствие в пенсионной системе Эквадора каких-либо других видов пенсий, которые не основаны на уплате страховых взносов, что лишило г-жу Трухильо Калеро права на пенсионное обеспечение. По мнению Комитета, ст. 9 Пакта обязывает стороны Пакта создавать пенсионные системы, не основанные на уплате взносов или другие меры социальной помощи для оказания поддержки отдельным лицам и группам лиц, которые не в состоянии внести достаточный размер взносов для собственной защиты. Данное требование считается минимальным основным обязательством по Пакту. У г-жи Трухильо Калеро отсутствовало право на пенсионное обеспечение в случае неуплаты обязательных взносов, что было сочтено еще одной причиной, по которой в данном конкретном случае имело место нарушение ст. 9 Пакта.

В рамках Международной организации труда (далее – МОТ) не разработан минимальный стандарт по правовому регулированию социальной помощи.

Конвенция МОТ о минимальных нормах социального обеспечения 1952 г. № 102 основана на неявном предпочтении социального страхования, поскольку минимальные стандарты связаны с различными социальными рисками, которые обычно предусмотрены системой социального страхования (безработица, болезнь, старость и т. д.) [7, с. 224].

Рекомендация МОТ о минимальных уровнях социальной защиты 2012 г. № 202 содержит прямые ссылки на социальную помощь.

Так, в ст. 8b Рекомендации закреплено, что «основные гарантированные доходы должны обеспечивать людям достойную жизнь. Национальные минимальные уровни доходов могут соответствовать стоимости в денежном выражении набора необходимых товаров и услуг, национальному прожиточному минимуму, пределам доходов для получения социальной помощи или другим сопоставимым пределам, установленным национальным законодательством или практикой, и могут учитывать региональные различия». В п. 3 ст. 9 предусмотрено, что «системы, в рамках которых предоставляются такие пособия и льготы, могут включать всеобщие системы пособий и льгот, системы социального страхования, системы социальной помощи, системы отрицательного подоходного налога, государственные системы занятости и системы стимулирования занятости».

Из содержания этих статей видно, что в Рекомендации № 202 не закрепляется положение о предпочтительном использовании социальной помощи как инструмента для создания системы всеобщей социальной защиты.

Важность социальной помощи для установления минимальных уровней социальной защиты была подчеркнута в Общем обзоре относительно Рекомендации № 202 от 28 февраля 2019 г. [8, с. 10].

В Конвенции Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) о правах и основных свободах человека, принятой 26 мая 1996 г., предусматривается: «В целях обеспечения эффективного осуществления

права на социальную и медицинскую помощь Договаривающиеся Стороны обязуются обеспечить, чтобы любое лицо, которое не имеет достаточных средств и которое не может добыть такие средства своими усилиями или из других источников, в частности за счет льгот в рамках системы социального обеспечения, получало необходимую помощь, а в случае болезни – уход, необходимый в его состоянии» (ст. 16).

Хартия социальных прав и гарантий граждан независимых государств принята Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ 29 октября 1994 г. Согласно ст. 40 данной Хартии государства гарантируют лицам, проживающим на их территории право на полное социальное обеспечение независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, языка, места жительства, рода и характера деятельности в условиях многообразия форм собственности и других обстоятельств. Право на социальную помощь в Хартии не предусмотрено.

Специальное соглашение о гармонизации и координации правового регулирования социальной помощи в рамках СНГ отсутствует.

Заслуживает внимания подход к праву на социальную помощь Африканского союза (далее – АС), который является международной межправительственной организацией, объединяющей 55 государств Африки.

Право на социальное обеспечение, как и право на социальную помощь, не закреплено в Африканской хартии прав человека и народов АС, принятой в июне 1981 г. [9]. Тем не менее Африканская Комиссия по правам человека и народов в Принципах и руководящих указаниях по осуществлению экономических, социальных и культурных прав согласно Африканской хартии прав человека и народов, принятых в ноябре 2010 г., отмечает: «Таким образом, хотя право на социальное обеспечение прямо не защищено в Африканской хартии, его можно вывести из совместного прочтения ряда прав, которые гарантируются Хартией, включая, но не ограничиваясь, право на жизнь, достоинство, свободу, труд, здоровье, питание, защиту семьи и право на защиту престарелых и инвалидов. Кроме того, оно строго закреплено в международном праве» [10, п. 81].

Согласно п. 82 Принципов и руководящих указаний «Право на социальное обеспечение налагает, среди прочего, следующие обязательства на государства-участники:

Минимальные основные обязательства

а. Обеспечить доступ к системе социального обеспечения, которая предоставляет минимальный базовый уровень пособий для всех людей и семей, который позволит им приобрести, по крайней мере, основные медицинские услуги, элементарный кров и жилье, водоснабжение и санитарию, продукты питания, и самые основные формы образования, совместимые с человеческой жизнью, безопасностью и достоинством.

Национальные планы, политика и системы

б. Принять эффективные меры для полной реализации права всех лиц на социальное обеспечение, включая социальное страхование. Эти меры включают:

- 1) накопительные или страховые схемы;
- 2) системы без уплаты взносов, такие как универсальная или целевая социальная помощь (когда пособия предоставляются исключительно в случае нуждаемости);
- 3) частные системы и (d) самопомощь, или другие меры, такие как общинные или взаимные системы».

Таким образом, с исторической точки зрения преемственности юридических подходов, социальную помощь можно рассматривать как преемника систем помощи бедным, которые существовали в большинстве европейских стран задолго до XX в.

Современное понятие социальной помощи отвергло идею благотворительной государственной помощи и заменило ее признанием личных прав на поддержку средств к существованию человека.

Право на социальную помощь было непосредственно или косвенным образом признано в международных универсальных и региональных организациях.

Научный интерес представляет соотношение и взаимосвязи между правом на социальную помощь и правом на безусловный базовый доход.

Список использованных источников

1. Alabiso, L. T. The protection of the right to social security in European constitutions [Electronic resource] / L. T. Alabiso. – Geneva : International Labour Organisation, 2012. – Mode of access: <https://www.refworld.org/docid/47b17b5b39c.html> – Date of access: 04.08.2022.
2. The Right to Social Security in the Constitutions of the World: Broadening the moral and legal space for social justice, Volume 1: Europe, Geneva: International Labour Organisation, Egorov A. (General Ed.), Wujczyk M. (Volume Ed.) [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: <https://www.refworld.org/docid/47b17b5b39c.html> – Date of access: 04.08.2022.
3. Riedel, E. The Human Right to Social Security: Some Challenges / E. Riedel // Social Security as a Human Right: Drafting a General Comment on Article 9 ICESCR – Some Challenges / Riedel E. (Ed.). – Berlin : Springer, 2007. – P. 17–28.
4. Scheinin, M. The Right to Social Security / M. Scheinin // Economic, Social and Cultural Rights: A textbook / Eide A., Krause C., Allan Rosas A. (Ed.). – Dordrecht : Martinus Nijhoff Publishers, 2001. – P. 211–221.
5. UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR), General Comment No. 19: The right to social security (Art. 9 of the Covenant), 4 February 2008, E/C.12/GC/19 [Electronic resource]. – 2008. – Mode of access: <https://www.refworld.org/docid/47b17b5b39c.html> – Date of access: 28.07.2022.
6. United Nations Economic and Social Council, Marcia Cecilia Trujillo Calero v. Ecuador, Case 10/2015, 26 March 2018, E/C.12/63/D/10/2015 [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: https://www.escri-net.org/sites/default/files/caselaw/english_g1834007.pdf – Date of access: 29.07.2022.

7. Vonk, G. The Fundamental Right to Social Assistance: A global, a regional (Europe and Africa) and a national perspective (Germany, the Netherlands and South Africa) / G. Vonk, M. Olivier // European Journal of Social Security. – 2019. – № 21(3). – P. 219–240.

8. General Survey concerning the Social Protection Floors Recommendation, 2012 (202) [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_673680.pdf – Date of access: 30.07.2022.

9. African Charter on Human and Peoples' Rights [Electronic resource]. – 1982. – Mode of access: <https://www.achpr.org/legalinstruments/detail?id=49> – Date of access: 30.07.2022.

10. African Commission on Human and Peoples' Rights, Principles and guidelines on the implementation of economic, social and cultural rights in the African Charter on Human and Peoples' Rights [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: https://www.achpr.org/public/Document/file/English/achpr_instr_guide_draft_esc_rights_eng.pdf – Date of access: 30.07.2022.

Сенкевич В. В.

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

*Сенкевич Виктория Валерьевна, кандидат юридических наук; доцент
кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета истории и права,
Смоленский государственный университет,
ул. Пржевальского, 4, 214000, г. Смоленск, Россия, Sharkuzi@mail.ru*

Рассматриваются изменения процессуального законодательства, связанные с внедрением цифровых технологий в гражданское судопроизводство. Исследуются современные тенденции использования цифровых средств при отправлении правосудия и получения доступа к судебной информации. Показаны отдельные проблемы электронного правосудия и предложены пути их решения.

Ключевые слова: судебная система; цифровизация; электронное правосудие; инновационные технологии

Senkevich V. V.

**DIGITALIZATION OF THE JUDICIAL SYSTEM
IN THE LIGHT OF CHANGES IN PROCEDURAL LEGISLATION**

*Senkevich Viktoria V., PhD (law); associate professor at the department of civil
law disciplines, faculty of history and law,
Smolensk State University,*

4 Przhevalskogo Street, Smolensk 214000, Russia, Sharkuzi@mail.ru

The article discusses changes in procedural legislation related to the introduction of digital technologies in civil proceedings. The current trends in the use of digital tools in the administration of justice and access to judicial information are explored. Some problems of e-justice are shown and ways to solve them are proposed.

Keywords: judicial system; digitalization; e-justice; innovative technologies

В настоящее время процессы цифровизации и информатизации затрагивают все сферы общественной жизни.

Как следствие, меняется право, являющееся основным социальным регулятором: появляются новые информационные правоотношения, требующие сопровождения; органы государственной власти все больше в своей работе опираются на электронные системы документооборота; цифровые технологии внедряются в деятельность органов внутренних дел, прокуратуры, в нотариальную деятельность.

Судебная система также не остается в стороне. Более того, процесс здесь настолько глобальный, что возникло сначала такое понятие, как электронное, а позже – цифровое правосудие.

Современные информационные технологии позволяют суду и участникам судопроизводства более эффективно добиваться достижения целей правосудия в цивилистическом процессе.

В настоящее время апробированы и действуют такие информационно-аналитические системы судебных органов, как Государственная автоматизированная система (далее – ГАС) Российской Федерации «Правосудие», Комплексная информационная система судов общей юрисдикции (далее – КИС СОЮ) и др.

Например, КИС СОЮ включает в себя несколько подсистем: центр обработки данных, видеозаписи судебных заседаний, конференцсвязи во время судебных заседаний, публикацию информации о рассмотренных в суде делах, ведение статистической отчетности и т. д. Также стало возможным грамотно распределять судебные дела с учетом графика работы судов, их загруженности и специфики дел.

Цифровые сервисы в настоящее время направлены в первую очередь на автоматизацию судебного делопроизводства и вместе с тем, исходя из практики высших судебных инстанций, рассматриваются в единстве с понятием «электронное правосудие».

В Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы речь идет в том числе и о создании единого информационного пространства судебной системы, предусматривающего, в частности, новые возможности для работы с большим объемом информации.

В России опыт использования технологий нового поколения в системе отправления правосудия по гражданским делам начинает свой отсчет с 12 января 2011 г., когда у участников арбитражного процесса впервые появилась возможность подачи в суд документов в электронной форме, но затем разработанная система активно стала внедряться в суды общей юрисдикции и региональные органы Судебного департамента.

ГАС РФ «Правосудие» стала неотъемлемой частью судебной системы, акцент в ее развитии делается на районные суды и мировых судей, она не только глубже охватывает судебную систему, но и совершенствуется в техническом плане.

С принятием Федерального закона от 23.06.2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» появилась возможность использовать квалифицированную электронную подпись для документооборота в рамках судебных процессов. Также был утвержден порядок подачи в электронном виде документов в арбитражные суды в системе «Мой арбитр».

С 1 января 2017 г. в России появился легальный механизм направления в электронном виде в суд заявлений в порядке административного, гражданского, уголовного судопроизводства, обращений в арбитражный суд. Пользователи получили удаленный доступ к делу, инициатором или участником которого они являются.

В 2020 г. российская судебная система функционирует с использованием различных технологий нового поколения. Электронный иск, электронное извещение, видеоконференцсвязь, аудиопротоколирование, электронная коммуникация признаны компонентами, без которых функционирование системы российского правосудия считается невозможным.

Через личный кабинет истец может направлять исковое заявление, прикреплять электронные копии документов к материалам дела.

Ответчик может подавать встречный иск или прикреплять к делу свои материалы. Решение (определение) по делу также выкладывается в картотеке. Аналогичный порядок подачи электронных документов по административным, гражданским и уголовным делам предусмотрен в судах общей юрисдикции через личный кабинет в ГАС РФ «Правосудие».

Востребованность электронного правосудия среди граждан в последнее время значительно возросла. Так, по состоянию на сентябрь 2021 г. через личные кабинеты в федеральные суды общей юрисдикции было подано 1 867 995 заявлений, а по состоянию на апрель 2022 г. – более 2,5 млн заявлений [1].

Таким образом, переход в цифровое пространство позволяет подавать иски, регистрировать заявления, представлять отзывы на иски в электронном виде, отслеживать движение дела, а также акты, изданные судом по отношению к этому делу. Все это обеспечивает доступность и гласность для всех участников судебного процесса, а также значительно ускоряет судопроизводство, суд становится гласным и прозрачным.

С учетом опасности, с которой мир встретился в лице COVID-19, был ограничен доступ в залы судебных заседаний. В связи с этим актуальной стала инициатива о внесении в процессуальное законодательство изменений, которые касаются электронных документов, о способах уведомления лиц, участвующих в деле, о применении систем, позволяющих суду и сторонам принимать участие в процессе дистанционно.

Судебная система сделала важный шаг вперед в цифровизации правосудия. В частности, благополучно внедрена и используется практика проведения онлайн-заседаний с внедрением веб-конференции.

С 21 апреля 2020 г. к обсуждению дел с использованием системы веб-конференции приступил Верховный Суд Российской Федерации [2, с. 5], дальше практика рассмотрения дел с учетом собственных средств видеотрансляции была распространена и на нижестоящие суды.

С 1 января 2022 г. вступили в силу поправки в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ), Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), направленные на регулирование дистанционного участия в деле.

Давайте сосредоточимся на важных изменениях.

1. Подача документов в электронном виде. Появятся два новых пути:

во-первых, через «Единый портал государственных и муниципальных услуг» (далее – портал «Госуслуг»). Этим методом воспользуются все участники судебных процессов в арбитражных судах и судах общей юрисдикции;

во-вторых, с помощью электронной системы межведомственного взаимодействия. Этот метод предназначен только для представителей государственных органов.

Необходимо отметить, что собственно не совсем ясно, что понимает законодатель под электронной системой межведомственного взаимодействия, поскольку в настоящее время в судах для участников процесса имеются: информационная система ГАС «Правосудие» и система подачи документов в арбитражные суды в электронном виде «Мой Арбитр», работающая вместе с единой системой идентификации и аутентификации.

Вполне вероятно, что имеется в виду некая другая свежая система, которая будет использоваться непосредственно для этих целей.

Документы, отправленные через «Госуслуги», могут быть подписаны простой электронной подписью. Исключение составляет ходатайство об обеспечении иска, приостановлении исполнения судебных актов: они должны быть подписаны электронной подписью с усиленной квалифицированной электронной подписью.

Копию искового заявления и других документов истец может отправить ответчику до подачи иска не только на бумаге, но и через портал «Госуслуги». Аналогичным образом, ответчик имеет право направить истцу отзыв, прежде чем подавать его в суд.

2. Суды получили возможность извещать участников через портал «Госуслуги», а представителей госорганов – по системе межведомственного взаимодействия (ч. 1 ст. 122 АПК РФ, ч. 7 ст. 113 ГПК РФ, ч. 1.1 ст. 96 КАС РФ).

Это возможно, если участник процесса даст согласие на то, чтобы суд его извещал таким способом. Участникам, которых суд извещал через «Госуслуги», суд будет направлять также судебные акты, выполненные в форме электронного документа.

Представляется, что это позволит обеспечить переход к недокументированному взаимодействию граждан и представителей организаций с судами. И один из таких важнейших инструментов судебного разбирательства, как уведомление участников слушаний о месте, дате и времени рассмотрения дела, позволит исключить бумажную отправку традиционной корреспонденции через почтовые отделения.

3. Процессуальные кодексы предусматривают проведение судебных заседаний и получение объяснений в режиме веб-конференции.

Суд принимает решение об участии лица в заседании через веб-конференцию и указывает, когда состоится заседание. Участникам процесса предоставляется необходимая информация для участия в заседании заранее.

Провести заседание в режиме веб-конференции возможно при наличии двух условий: во-первых, заседание суда открытое; во-вторых, есть

техническая возможность (ст. 153.2 АПК РФ, ст. 155.2 ГПК РФ, ст. 142.1 КАС РФ).

Какими будут эти системы веб-конференций – общеизвестные Whatsapp, Zoom, Skype, или будет создана отдельная защищенная система, позволяющая судам проводить судебные заседания, пока неясно.

Для участия в онлайн-заседании необходимо подать ходатайство. В нем указать адрес электронной почты лица, желающего присутствовать в заседании.

При необходимости к ходатайству необходимо приложить копии паспорта, доверенности и диплома о высшем юридическом образовании. Суд рассмотрит ходатайство в течение пяти рабочих дней и отправит всю необходимую информацию на электронную почту заявителя.

Как правильно отметил И. М. Шевченко, большинство российских арбитражных судов работают в условиях «конвейера» [3, с. 9], поэтому, несмотря на легкость и простоту согласования онлайн-заседания, судья не имеет физической возможности рассмотреть ходатайство непосредственно после его поступления.

Суд установит личность лица, желающего принять участие в онлайн-заседании, с помощью портала «Госуслуги» или специальной биометрической системы. Если суд собирается допросить свидетеля онлайн, то подписку о предупреждении об уголовной ответственности свидетель должен подписать с помощью, усиленной квалифицированной электронной подписи.

Аналогичные правила применяются по отношению к экспертам и переводчикам, которые хотят принять участие в онлайн-заседании.

К онлайн-встрече можно подключиться через смартфон, планшет, ноутбук или компьютер.

Участники процесса пользуются теми же правами, что в обычных заседаниях, в том числе могут подавать документы и заявлять ходатайства в электронной форме.

Суд вправе предупредить, а затем и отключить от веб-конференции лицо, которое нарушает порядок в онлайн-заседании. Если возникнут сомнения в том, что в заседании участвует именно то лицо, которое прошло идентификацию, либо сомнения относительно волеизъявления такого лица, то суд вправе отложить разбирательство [4, с. 6].

Ход онлайн-заседания суд фиксирует по видеозаписи. Материальный носитель с видеозаписью суд приобщает к протоколу заседания.

Однако возникает несколько вопросов:

- 1) а как же оригиналы документов, если только предоставляются сканы;
- 2) неясно, как будут осуществляться некоторые процессуальные действия через интернет, например, рассмотрение оригинальных документов, подача письменных ходатайств во время заседания;
- 3) риск неполадок портала «Госуслуги».

Представляется, что ведомства все же должны обновить нормативные правовые акты, регламентирующие электронное правосудие как на уровне

Верховного Суда РФ, так и судебного департамента, установить требования к техническим и программным средствам, используемым при организации веб-конференций.

Таким образом, цифровизация прочно вошла в судебную деятельность, о чем свидетельствуют изменения процессуального законодательства. Несмотря на это существует ряд проблем.

Во-первых, существующее сегодня электронное правосудие не обладает всем комплексом признаков, которые характерны для так называемого «онлайн-процесса». Сегодняшнее электронное правосудие справедливее было бы назвать информатизацией судов с частичным использованием электронного документооборота.

Во-вторых, даже при наличии технических и материальных возможностей массового перехода на электронное правосудие и судопроизводство в судах остается еще один аспект – необходимо время на обучение аппарата суда работе с электронными данными.

В-третьих, большому количеству граждан РФ также потребуется время и определенные способности к обучению для возможности участия в «электронном правосудии».

В-четвертых, граждане для электронного обращения в суд и участия в судебном разбирательстве в электронной форме должны обладать определенными техническими средствами (гаджетами) со стабильным и высокоскоростным выходом в сеть Интернет [5, с. 44].

Список использованных источников

1. Интервью Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации Гусева А. В. журналу «Судья» № 5/2022. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=59&item=5309> – Дата доступа: 01.09.2022.

2. Герман, А. С. Дистанционное судопроизводство в Верховном Суде Российской Федерации / А. С. Герман // Российское правосудие. – 2020. – № 6. – С. 5–12.

3. Шевченко, И. М. Участие в заседании арбитражного суда онлайн: некоторые процессуальные вопросы / И. М. Шевченко // Российский судья. – 2020. – № 10. – С. 9.

4. Капустин, О. А. Организационно-правовые формы судопроизводства с применением технологий удаленного доступа / О. А. Капустин // Российский судья. – 2021. – № 1. – С. 3–8.

5. Кайль, Я. Я. Проблемы осуществления правосудия с использованием цифровых (информационных) технологий / Я. Я. Кайль, В. А. Усанова // Вестник арбитражной практики. – 2021. – № 1. – С. 35 – 44.

Скобелев В. П.

**ПО КАКИМ ПРАВИЛАМ ДОЛЖНЫ РЕШАТЬСЯ
ВОПРОСЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА,
ПРЯМО НЕ УРЕГУЛИРОВАННЫЕ В ГЛАВЕ 32 ГК?**

*Скобелев Владимир Петрович, кандидат юридических наук, доцент;
заместитель декана по заочному обучению юридического факультета,
Белорусский государственный университет,*

пр. Независимости, 4, 220030, Беларусь, г. Минск, s_v_p@tut.by

В статье анализируется, какие правила должны применяться для решения вопросов апелляционного производства, которые прямо не урегулированы в главе 32 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь. Автор обосновывает, что применять необходимо правила, установленные для производства по делам в судах первой инстанции. Однако такому решению проблемы препятствует не совсем удачные содержание и месторасположение ст. 417 кодекса, в связи с чем автор делает предложения по совершенствованию нормативного регулирования.

Ключевые слова: апелляционное производство; правила апелляционного производства; стадии апелляционного производства; стадия возбуждения апелляционного производства; стадия подготовки дела к апелляционному пересмотру; стадия рассмотрения дела в судебном заседании; стадия вынесения апелляционного определения.

Skobelev V. P.

**WHAT RULES SHOULD BE USED TO RESOLVE
ISSUES OF APPEAL PROCEEDINGS THAT ARE NOT DIRECTLY
REGULATED IN CHAPTER 32 OF THE CPC?**

*Skobelev Vladimir P., PhD (law), docent;
deputy dean for distance learning, faculty of law,
Belarusian State University,*

4 Nezalezhnosti Avenue, 220030 Minsk, Belarus, s_v_p@tut.by

The article analyzes what rules should be applied to resolve issues of appeal proceedings that are not directly regulated in Chapter 32 of the CPC. The author substantiates that it is necessary to apply the rules established for the proceedings in the courts of first instance. However, such a solution to the problem is hindered by the not entirely successful content and location of Art.417 of the CPC, in connection with which the author makes proposals for improving the regulatory framework.

Keywords: appeal proceedings; rules of appeal proceedings; stages of the appeal proceedings; stage of initiation of appeal proceedings; the stage of

preparing the case for appeal review; stage of consideration of the case in court; the stage of making a decision by the court.

Глава 32 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) «Производство дел в апелляционном порядке» имеет довольно компактный объем (по сравнению, например, с разделом VI ГПК «Исковое производство в суде первой инстанции») и регулирует далеко не все из вопросов, которые возникают или могут возникать перед судами и участниками процесса на различных стадиях апелляционного производства – стадиях принятия жалобы (протеста) к рассмотрению, подготовки дела к рассмотрению, рассмотрения жалобы (протеста) в судебном заседании и вынесения по жалобе (протесту) итогового судебного постановления. Соответственно, возникает проблема, какими правилами следует руководствоваться при разрешении обозначенных вопросов. По логике вещей, такими правилами должны выступать правила, установленные для рассмотрения дел по первой инстанции, на что, собственно, и указывает ч. 1 ст. 417 ГПК. Вместе с тем использование ч. 1 ст. 417 ГПК для отмеченных целей не столь однозначно, как это может показаться на первый взгляд.

Обращаясь к истории проблемы, нужно сказать, что в период действия кассационного производства в главе 32 ГПК тоже присутствовала норма, аналогичная той, которая сейчас закреплена в ч. 1 ст. 417 ГПК. Норма размещалась в ст. 406 ГПК и имела следующее содержание: «Производство по делам в судах кассационной инстанции ведется в соответствии с правилами настоящего Кодекса, в том числе с правилами, установленными для производства по делам в суде первой инстанции с учетом положений, изложенных в настоящей главе, и сущности кассационного производства». Содержание нормы, а также нахождение ее в § 1 главы 32 ГПК (данный параграф был посвящен общим положениям кассационного производства) в совокупности указывали на то, что предписания ст. 406 ГПК имели общий характер и распространялись на все стадии кассационного производства. Правда, один весьма значительный изъян в текстуальной редакции ст. 406 ГПК все же был (помимо редакционной неточности, связанной с отсутствием запятой после слов «в суде первой инстанции»): она говорила о применении соответствующих правил только в ходе производства по делам «в судах кассационной инстанции», не учитывая при этом, что некоторые этапы кассационного производства проходили в судах первой инстанции – стадия возбуждения кассационного производства и частично, пока дело находилось в суде первой инстанции, стадия подготовки дела к рассмотрению (попутно заметим, что аналогичного рода неточность присутствовала тогда даже в названии главы 32 ГПК – «Производство дел в суде кассационной инстанции»).

Соответственно вопрос о том, какие правила применять на упомянутых этапах кассационного производства, ст. 406 ГПК оставляла открытым. По большей части эта проблема решалась за счет прямых предписаний закона, регламентировавших упомянутые этапы кассационного производства

и содержащихся в § 2 «Возбуждение кассационного производства. Подготовка к рассмотрению кассационной жалобы или кассационного протеста» главы 32 ГПК. Однако в § 2 главы 32 ГПК были урегулированы далеко не все нюансы возбуждения кассационного производства и подготовки дела в той ее части, которая проходила в суде первой инстанции (в частности, в какой срок судом должен быть решен вопрос о принятии кассационной жалобы (протеста) к производству, каким образом должны оформляться результаты положительного разрешения этого вопроса, возможен ли отказ от апелляционной жалобы до момента принятия ее к производству, как должно оформляться назначение дела к рассмотрению в суде кассационной инстанции и пр.). И тогда возникала проблема (поскольку с формальной точки зрения буквальная редакция ст. 406 ГПК делать этого не позволяла) – допустимо ли упомянутые нюансы преодолевать за счет использования норм о правилах производства по делам в судах первой инстанции.

Закон Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 94-З «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь» (им кассация была заменена на апелляцию путем изложения в новой редакции главы 32 ГПК (далее – Закон № 94-З)), привнес в сферу обозначенной проблематики ряд новелл. С одной стороны, они носят положительный характер. Так, было уточнено наименование главы 32 ГПК путем замены в нем указания на вид судебной инстанции («**Производство дел в суде кассационной инстанции**») указанием относительно вида производства или, другими словами, вида инстанционной стадии («**Производство дел в апелляционном порядке**»), т. е. в новом наименовании был учтен тот факт, что в пересмотре не вступивших в законную силу судебных постановлений задействованы суды не только второй, но и первой инстанции. Помимо этого, появился открытый перечень видов правил, регламентирующих разбирательство дел по первой инстанции, которые не могут быть применены при пересмотре судебных постановлений: правила «о соединении и разъединении нескольких требований, об изменении оснований или предмета иска, размера исковых требований, о предъявлении встречного иска, о замене сторон, о привлечении к участию в деле третьих лиц, процессуальных соучастников, иные правила, установленные настоящим Кодексом только для рассмотрения дела в суде первой инстанции» (ч. 2 ст. 417 ГПК).

С другой стороны, в регулировании появились новации и негативного плана. Закон № 94-З еще более сузил пределы действия нормы, содержащейся прежде в ст. 406 ГПК, поскольку изменил ее структурное размещение в главе 32 ГПК (перенес из § 1 в § 3 данной главы) и скорректировал ее текстуальную редакцию: «Рассмотрение апелляционной жалобы и (или) апелляционного протеста в суде апелляционной инстанции осуществляется в соответствии с правилами, установленными настоящим Кодексом для производства по делам в суде первой инстанции, с учетом положений, изложенных в настоящей главе, и сущности апелляционного

производства» (ч. 1 ст. 417 ГПК). Теперь, исходя из места расположения и содержания данной нормы, можно утверждать, что установленные ГПК правила для производства по делам в суде первой инстанции допустимо применять только на одной-единственной стадии пересмотра – стадии рассмотрения жалобы (протеста) в судебном заседании суда второй инстанции [1, с. 43–44]. Это значит, что к проблемам, обусловленным изначальной редакцией анализируемой нормы (невозможность применения правил, действующих для суда первой инстанции, на стадии возбуждения пересмотра и частично на стадии подготовки дела к пересмотру), добавились новые: невозможность применения соответствующих правил на оставшейся части (когда дело уже поступило в суд второй инстанции) стадии подготовки дела к пересмотру и на стадии вынесения судом второй инстанции итогового постановления по делу.

Между тем потребность в использовании судом второй инстанции правил, предусмотренных для судов первой инстанции, на этапе подготовки дела к пересмотру весьма актуальна. Более того, п. 1 ч. 3 ст. 415 ГПК прямо указывает на применение некоторых из данных правил судом апелляционной инстанции в процессе подготовки дела к рассмотрению в апелляционном порядке – правил п. 7, 8, 9-1–12, 14, 15 ст. 262 ГПК. Однако ввиду особенностей редакции ч. 1 ст. 417 ГПК возникает вопрос, допустимо ли использование судом второй инстанции других (из неупомянутых прямо в п. 1 ч. 3 ст. 415 ГПК) положений ст. 262 ГПК, а именно: о проведении опроса сторон относительно предмета доказывания, имеющих в их распоряжении доказательства и прочих вопросов (п. 1, 2 ст. 262 ГПК); о разъяснении сторонам их процессуальных прав и обязанностей, в том числе права на добровольное урегулирование спора путем заключения мирового соглашения либо применения медиации (п. 3 ст. 262 ГПК); об определении последствий заключения сторонами соглашения о применении медиации (п. 3-1 ст. 262 ГПК); о проведении предварительного судебного заседания (п. 16 ст. 262 ГПК).

Существует вопрос и о возможности совершения тех или иных подготовительных действий на стадии подготовки дела к апелляционному пересмотру юридически заинтересованными в исходе дела лицами: ст. 415 ГПК фрагментарно регулирует данные моменты, упоминая лишь о действиях, связанных с заявлением ходатайств двух видов (п. 2, 3 ч. 3 ст. 415 ГПК), и действиях по ознакомлению с дополнительными доказательствами (ч. 4 ст. 415 ГПК). Между тем в главе 26 ГПК, посвященной подготовке дела к разбирательству в суде первой инстанции, присутствует специальная ст. 260-1 ГПК о действиях юридически заинтересованных в исходе дела лиц.

Не менее проблемным является вопрос о допустимости вынесения судом апелляционной инстанции определений, постановление которых безусловно обязательно на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции, – определения о подготовке дела (ст. 260 ГПК) и определения о назначении дела к рассмотрению в судебном

заседании (ст. 265 ГПК). В ст. 415 ГПК о таких определениях ничего не говорится. В связи с этим любопытно обратить внимание на то, какие разъяснения по данному вопросу дал Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении от 31 марта 2021 г. № 1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке» (далее – Постановление № 1).

По мнению высшей судебной инстанции, с которым нельзя не согласиться [2, с. 77], «при соответствии апелляционной жалобы и (или) апелляционного протеста установленным ГПК требованиям судья суда апелляционной инстанции выносит определение о подготовке дела к рассмотрению в апелляционном порядке» (ч. 5 п. 11 Постановления № 1), в этом определении необходимо указывать «процессуальные действия, которые намерен совершить суд апелляционной инстанции для обеспечения своевременного рассмотрения дела; действия, которые надлежит совершить сторонам и другим участникам судопроизводства, сроки их выполнения; результаты рассмотрения имеющихся ходатайств» (ч. 2 п. 12 Постановления № 1). Вместе с тем Пленум Верховного Суда не упомянул о легальных основаниях такого подхода, а именно о том, что, давая подобные разъяснения, он фактически использовал по аналогии правила, действующие для судов первой инстанции. К сожалению, в Постановлении № 1 также не разъяснено, каким образом апелляционной инстанции следует оформлять назначение дела к рассмотрению в судебном заседании [2, с. 78]. В ч. 5 п. 12 Постановления № 1 сказано лишь, что «выполнив необходимые подготовительные действия и признав дело подготовленным к рассмотрению в апелляционном порядке, судья назначает время и место судебного заседания, о чем своевременно извещаются участвующие в деле лица».

Не менее востребованы могут быть правила, регулирующие деятельность судов первой инстанции, на стадии вынесения апелляционной инстанцией итогового постановления. Так, порядок вынесения судом апелляционной инстанции определения урегулирован весьма фрагментарно, в ч. 1 ст. 429 ГПК закреплено лишь, что «определение суда апелляционной инстанции выносится в совещательной комнате и подписывается составом суда, в том числе судьей, оставшимся при особом мнении». Соответственно возникает объективная потребность в использовании ряда норм главы 28 ГПК «Судебные постановления судов первой инстанции», в частности, о законности и обоснованности судебных постановлений (ст. 297 ГПК); обязанности суда не выходить за пределы заявленных исковых требований (ст. 298 ГПК); тайне совещательной комнаты (ст. 299 ГПК); порядке работы суда в совещательной комнате (ст. 301 ГПК); изготовлении текста решения (ст. 310 ГПК).

Предписания относительно процедуры оглашения апелляционного определения тоже весьма кратки: «После подписания определения суд немедленно возвращается в зал судебного заседания и оглашает резолютивную часть определения с устным обоснованием принятого

решения. Оглашение осуществляется председательствующим или одним из судей» (ч. 2 ст. 429 ГПК). Пленум Верховного Суда в ч. 4 п. 20 Постановления № 1 попытался данный пробел преодолеть, указав, что по возвращении из совещательной комнаты председательствующий или один из судей «разъясняет юридически заинтересованным в исходе дела лицам их процессуальные права (часть четвертая статьи 311 ГПК, часть вторая статьи 429 ГПК), порядок получения копий судебных документов». Однако мы уже отмечали, что в таком виде разъяснение является не вполне удачным [3, с. 75–76].

Во-первых, отсутствует указание на правовое основание применения судом апелляционной инстанции положений ст. 311 ГПК, которые относятся исключительно к деятельности суда первой инстанции (очевидно, что ч. 1 ст. 417 ГПК ввиду специфики ее нынешней редакции таким правовым основанием выступать не могла, но тогда высшей судебной инстанции следовало сослаться на использование приема процессуальной аналогии).

Во-вторых, не вполне понятно, разъяснение каких именно процессуальных прав Пленум Верховного Суда имел в виду. Так, ссылка на ч. 4 ст. 311 ГПК не совсем помогает решению вопроса, поскольку эта норма предусматривает разъяснение не прав, а порядка осуществления определенных действий, т. е. разъяснение порядка реализации некоторых прав: согласно ч. 4 ст. 311 ГПК суд «дает необходимые разъяснения по порядку обжалования и опротестования, ознакомления со звуко- или видеозаписью судебного заседания в случае, когда она ведется, с кратким протоколом, протоколом судебного заседания». Причем не все из перечисленных здесь прав могут быть реализованы применительно к апелляционному производству. Например, определение суда второй инстанции невозможно обжаловать (опротестовать) в апелляционном порядке (а именно такое обжалование и опротестование подразумевается в ч. 4 ст. 311 ГПК). Далеко не всегда возможно и ознакомление с результатами фиксирования хода процесса, так как ход судебного заседания апелляционной инстанции по общему правилу, предусмотренному ст. 420 ГПК, фиксированию не подлежит.

В-третьих, ч. 4 п. 20 Постановления № 1 не конкретизирует виды судебных документов, на получение копий которых юридически заинтересованные в исходе дела лица вправе претендовать. Правило ч. 5 ст. 108 ГПК к судебным относит достаточно широкий круг документов: судебные постановления, протоколы, документы, составляемые в исполнительном и приказном производствах. Так, документы, составляемые в приказном производстве, получить от суда апелляционной инстанции невозможно в принципе, поскольку определение о судебном приказе пересмотру в апелляционном порядке, как разъяснено в ч. 3 п. 2 Постановления № 1 (хотя такое разъяснение отнюдь не бесспорно [4]), не подлежит. То же самое нужно сказать и о документах, составляемых в исполнительном производстве, – ведение исполнительного производства теперь относится к компетенции не суда, а находящихся в системе

исполнительной власти органов принудительного исполнения (вообще сохранение в ч. 5 ст. 108 ГПК упоминания про документы, составляемые в исполнительном производстве, после отмежевания исполнительного производства от судов нужно считать нормотворческой ошибкой [5, с. 32–34]).

Право на получение протоколов (обычного или краткого) может быть реализовано юридически заинтересованными в исходе дела лицами не всегда, а только тогда, когда в соответствии с предписаниями ст. 420 ГПК производилось фиксирование хода судебного заседания суда апелляционной инстанции. Судебные постановления, выносимые судом апелляционной инстанции, могут быть весьма разнообразны: о подготовке дела к рассмотрению в апелляционном порядке, об истребовании доказательств, о направлении судебных поручений, о назначении судебной экспертизы, о результатах разрешения по существу апелляционной жалобы (протеста) и пр. Соответственно возникает вопрос: ч. 4 п. 20 Постановления № 1 подразумевает разъяснение порядка получения копий всех этих документов или только итогового постановления суда апелляционной инстанции – о результатах разрешения по существу апелляционной жалобы (протеста)?

Наконец, по завершении стадии вынесения апелляционной инстанцией итогового судебного постановления тоже может возникнуть необходимость использования норм, установленных для судов первой инстанции, с целью решения некоторых, связанных с апелляционным определением, вопросов (хотя с теоретической точки зрения достаточно сложно сказать, образуют эти вопросы некий самостоятельный этап апелляции, следующий за стадией вынесения итогового постановления, или все-таки относятся к данной стадии, представляя собой ее факультативные, необязательные элементы). Мы имеем в виду применение норм § 5 главы 28 ГПК, поскольку § 4 главы 32 ГПК не упоминает о допустимости вынесения дополнительного апелляционного определения, о разъяснении апелляционного определения, исправления в нем описок и явных счетных ошибок, предоставления отсрочки или рассрочки исполнения апелляционного определения, изменения способа или порядка его исполнения.

Отсутствие в § 4 главы 32 ГПК норм, аналогичных содержащимся в § 5 главы 28 ГПК, вкупе с неудачной редакцией ч. 1 ст. 417 ГПК создает значительную неопределенность относительно того, какие недостатки и каким образом суд апелляционной инстанции полномочен исправлять в собственном определении. Например, в ч. 1 п. 23 Постановления № 1 Пленум Верховного Суда указал (причем без какой-либо юридической аргументации – как само собой разумеющийся факт) на возможность применения апелляционной инстанцией лишь положений ст. 327, 328 ГПК: «Обратить внимание, что суд апелляционной инстанции по своей инициативе или по заявлению юридически заинтересованных в исходе дела лиц вправе разъяснить вынесенное им решение, а также исправить допущенную в определении суда апелляционной инстанции описку и явную счетную ошибку. Данные вопросы разрешаются с учетом положений статьи 330 ГПК и сущности апелляционного производства».

Получается, что Пленум Верховного Суда не допускает вынесения апелляционной инстанцией дополнительного апелляционного определения, хотя объективно потребность в этом может существовать, в частности, когда суд второй инстанции не разрешил по существу одну из нескольких поданных на решение суда апелляционных жалоб или разрешил апелляционную жалобу (протест) не в полном объеме (например, высказал суждение относительно правильности основного решения суда первой инстанции, но его дополнительное решение, также обжалованное апеллянтом, из виду упустил), «забыл» распределить понесенные в связи с апелляционным пересмотром судебные расходы. Отметим, что в литературе еще в отношении кассационного производства указывалось на возможность применения судом второй инстанции норм о вынесении дополнительного судебного решения: белорусскими учеными – со ссылкой на прежнюю редакцию ст. 406 ГПК [6, с. 292], российскими исследователями (ввиду отсутствия в российском процессуальном законодательстве на тот момент нормы, идентичной ст. 406 ГПК) – со ссылкой на использование приема аналогии [7, с. 337; 8, с. 113]. Причем есть все основания распространять подобные взгляды и на отечественное апелляционное производство, поскольку по своей сути оно, как мы уже отмечали [9, с. 14–19], представляет собой лишь несколько измененный (более совершенный) вариант прежней кассации.

Ничего не сказано в ч. 1 п. 23 Постановления № 1 и о возможности предоставления отсрочки или рассрочки исполнения апелляционного определения, изменении способа или порядка его исполнения, что, по-видимому, свидетельствует об отсутствии, по мнению Пленума Верховного Суда, у судов второй инстанции таких полномочий. Более того, в судебной практике начали появляться реальные дела, по которым высшей судебной инстанцией высказывается недвусмысленная позиция: суд апелляционной инстанции, постановивший по делу новое решение, не вправе предоставлять отсрочку или рассрочку исполнения, изменять способ или порядок исполнения, поскольку согласно ст. 329 ГПК такие действия компетентен совершить только суд, вынесший решение, т. е. лишь суд первой инстанции (в данном случае судебной коллегией по гражданским делам Минского городского суда было вынесено новое решение по спору родителей об определении места жительства ребенка; истец, отец ребенка, обратился в судебную коллегию с заявлением об изменении порядка исполнения и об отсрочке исполнения апелляционного определения; судебная коллегия своим новым определением отказала в удовлетворении заявления; по протесту заместителя Председателя Верховного Суда президиум Минского городского суда данное определение судебной коллегии отменил, поскольку она должна была отказать не в удовлетворении заявления, а в его рассмотрении, так как разрешение подобных вопросов в ее компетенцию не входит) [10].

На это заметим, что о суде, вынесшем решение, говорится и в ст. 327, 328 ГПК, тем не менее высшая судебная инстанция прямо признала в ч. 1 п. 23 Постановления № 1, что суды апелляционной инстанции могут

применять данные нормы. И это совершенно логично, поскольку в случае вынесения апелляционной инстанцией по делу нового решения именно ее необходимо считать тем судом, который вынес решение. Таким образом, никаких препятствий для использования судами второй инстанции положений ст. 329 ГПК нет. Не случайно поэтому еще в советский период Л. Ф. Лесницкая писала, что «в тех случаях, когда кассационная инстанция выносит новое решение, она вправе определить порядок его исполнения, предоставить отсрочку или рассрочку исполнения, разъяснить свое решение, поскольку в соответствии с ч. 5 ст. 37 Основ совершение таких действий входит в компетенцию суда, постановившего решение по делу» [11, с. 146]. Спустя десятилетия, уже в отношении кассационного производства суверенной Беларуси, в литературе тоже подчеркивалось, что в силу ст. 40б ГПК «при необходимости суд, рассмотревший дело в кассационном порядке, вправе также разрешить вопросы об отсрочке или рассрочке исполнения вынесенного им нового решения, а также изменении способа и порядка его исполнения» [6, с. 292–293].

Все вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что в отношении ст. 417 ГПК необходимо осуществить ряд преобразований. Во-первых, в структурном плане статью следует переместить в § 1 главы 32 ГПК. Во-вторых, статья должна иметь другое название – «Правила, регулирующие производство по апелляционной жалобе (протесту)» или «Правила, регулирующие апелляционное производство». В-третьих, в первой части статьи слова «Рассмотрение апелляционной жалобы и (или) апелляционного протеста в суде апелляционной инстанции осуществляется» необходимо заменить на «Производство по апелляционной жалобе или (и) апелляционному протесту ведется» или, как вариант, на «Апелляционное производство ведется».

В-четвертых, нуждаются в уточнении некоторые формулировки второй части статьи. Так, не совсем корректной является фраза «об изменении оснований или предмета иска», поскольку в ч. 3, 5 ст. 61 ГПК речь идет об изменении основания (т. е. в единственном числе) или предмета иска. Значительную неопределенность таят в себе слова «о замене сторон». Вероятнее всего, законодатель подразумевал здесь недопустимость применения в апелляционном производстве (с чем нельзя не согласиться) правил ст. 63 ГПК о замене ненадлежащей стороны. Но ст. 64 ГПК трактует (на наш взгляд – неверно [12, с. 215–222]) как замену стороны процесса (а не как замену участника материального правоотношения) также и процессуальное правопреемство, для осуществления которого в апелляционном производстве никаких препятствий, по нашему мнению, нет. Поэтому слова «о замене сторон» во избежание недоразумений целесообразно трансформировать в «о замене ненадлежащей стороны».

Формулировка «о привлечении к участию в деле третьих лиц, процессуальных соучастников» в такой редакции может касаться только третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, и соответчиков, поскольку лишь эти категории третьих лиц и соучастников

могут быть привлечены к участию в деле, т. е. стать субъектами процесса помимо своей воли и желания [3, с. 62]. Третьи лица с самостоятельными требованиями на предмет спора и соистцы в процесс судом не привлекаются, а допускаются, т. е. всегда требуется проявление с их стороны инициативы на вступление в дело. Следовательно, приведенную формулировку после слов «о привлечении» стоило бы дополнить словами «или допущении».

Наконец, имеет смысл дополнить (в целях расширения кругозора правоприменителей) перечень правил, установленных для судов первой инстанции, которые не применимы в апелляционном производстве. В отсутствие такой конкретизации названного перечня сейчас остается неясным в том числе вопрос, вправе ли суд второй инстанции в ходе рассмотрения дела изменять процессуальный статус участников судопроизводства (например, переводить лицо, ошибочно привлеченное в качестве соответчика, в разряд третьих лиц без самостоятельных требований, и наоборот) или выходить за пределы предмета и (или) основания иска (в частности, отменив решение об удовлетворении иска о восстановлении на работе, вынести новое решение об изменении формулировки увольнения или об изменении даты увольнения с одновременным взысканием в пользу работника среднего заработка за время вынужденного прогула).

В-пятых, правило третьей части статьи (о том, что «в заседании суда апелляционной инстанции в случаях, предусмотренных статьей 83 настоящего Кодекса, участвует прокурор, который высказывает мнение по существу апелляционной жалобы и (или) апелляционного протеста, по вопросам, возникшим во время рассмотрения дела, а также по существу дела в целом») необходимо закрепить в ст. 422 ГПК, поскольку оно не имеет общего характера и касается исключительно стадии рассмотрения дела судом апелляционной инстанции в судебном заседании.

Список использованных источников

1. Скобелев, В. Новеллы апелляционной формы проверки судебных постановлений по гражданским делам / В. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2018. – № 5. – С. 40–47.
2. Скобелев, В. Апелляционное производство по гражданским делам в контексте разъяснений высшей судебной инстанции. Часть 3. / В. Скобелев // Юридический мир. – 2021. – № 11. – С. 62–86.
3. Скобелев, В. Апелляционное производство по гражданским делам в контексте разъяснений высшей судебной инстанции. Часть 4 / В. Скобелев // Юридический мир. – 2021. – № 12. – С. 59–82.
4. Скобелев, В. П. К вопросу о допустимости пересмотра в апелляционном порядке определения о судебном приказе по гражданскому делу / В. П. Скобелев // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2021. – Вып. 16. – С. 460–473.

5. Скобелев, В. П. Концептуальные вопросы исполнительного производства в контексте нового правового регулирования / В. П. Скобелев // Право.by. – 2017. – № 2. – С. 32–39.
6. Гражданский процесс. Особенная часть : учебник / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – 2-е изд. перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2007. – 592 с.
7. Боннер, А. Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе / А. Т. Боннер // Избранные труды по гражданскому процессу. – СПб. : Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. – С. 239–387.
8. Загайнова, С. К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения / С. К. Загайнова. – М. : НОРМА, 2002. – 176 с.
9. Проверка и пересмотр судебных постановлений по гражданским и экономическим делам в Республике Беларусь: проблемы и перспективы: монография / И. Э Мартыненко [и др.] ; под ред. Т. С. Тарановой. – Минск : Колорград, 2020. – 300 с.
10. Вопросы отсрочки, рассрочки исполнения решения, а также изменения способа и порядка его исполнения могут быть рассмотрены только судом первой инстанции, разрешившим спор по существу [извлеч. из постановления президиума Минск. гор. суда] // Судовы веснік. – 2019. – № 3. – С. 45–46.
11. Лесницкая, Л. Ф. Пересмотр решения суда в кассационном порядке / Л. Ф. Лесницкая. – М. : Юрид. лит., 1974. – 192 с.
12. Скобелев, В. П. Некоторые проблемные аспекты правового положения третьих лиц в гражданском процессе / В. П. Скобелев // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – Вып. 23. – С. 215–229.

Солянкина Н. А.

**ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ДОСТОЙНОГО ТРУДА:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Солянкина Надежда Алексеевна, старший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права, Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь, na_solyankina@mail.ru

Рассматривается опыт реализации концепции достойного труда в законодательстве стран – участниц ЕАЭС. Актуальность изложенного вопроса подтверждается направлениями инновационного развития всех государств в достижении целей устойчивого развития и организации достойного уровня жизни своих граждан. Продвижение идей и принципов концепции достойного труда позволит качественно осуществить государственную политику в области содействия достойной занятости и обеспечения социальных гарантий.

Ключевые слова: достойный труд; зарубежный опыт; Международная организация труда; национальное законодательство; рынок труда; социальная защита.

Solyankina N. A.

**THE PRACTICE OF IMPLEMENTING THE CONCEPT OF DECENT
WORK: NATIONAL AND FOREIGN EXPERIENCE**

Solyankina Nadezhda A., senior researcher at the civil, ecological and social law research department, National Center of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus 1a Bersona Street, Minsk 220030, Belarus, na_solyankina@mail.ru

The article discusses the experience of implementing the concept of decent work in the legislation of the member countries of the EAEU. The relevance of the above issue is confirmed by the directions of innovative development of all states in achieving the goals of sustainable development and organizing a decent standard of living for their citizens. Promoting the ideas and principles of the concept of decent work will make it possible to qualitatively implement the state policy in the field of promoting decent employment and ensuring social guarantees.

Keywords: decent work; overseas experience; the International Labour Organization; national legislation; labor market; social protection.

В настоящее время достойный труд рассматривается как важнейший параметр качества жизни, позволяющий по-новому взглянуть на проблему условий и возможностей развития человека в трудовой среде. Как справедливо отмечает А. И. Шебанова, основу современного правового

регулирования социально-трудовых отношений во всех странах составляют общепризнанные принципы и нормы трудового права, сформулированные в документах Международной организации труда (далее – МОТ) [1, с. 81]. Декларация столетия МОТ о будущем в сфере труда [2] призывает к применению ориентированного на человека подхода к формированию будущего сферы труда, благодаря которому права и потребности работников, становятся основным ориентиром экономической и социальной политики. На это направлена и Концепция достойного труда, которая официально оформлена в рамках деятельности МОТ и представлена мировому сообществу еще в 1999 г. [3]. «Концепция Достойного труда носит гуманистический характер, направлена на защиту интересов человека труда – трудящегося, без трудовой деятельности которого невозможен прогресс человечества в будущем». Ценность концепции достойного труда заключается в том, что ее составляющие направления реализации носят всеохватывающий характер [4, с. 219].

Достойный труд подразумевает полный и свободный доступ к возможностям зарабатывать и получать доход, а доход выступает как важнейший фактор обеспечения достойного уровня жизни.

В сентябре 2015 г. была принята Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, которая содержит 17 Целей устойчивого развития. Реализации Цели устойчивого развития 8 «Достойная работа и экономический рост» будет способствовать решение таких задач, как обеспечение эффективной занятости, создание высокопроизводительных рабочих мест, улучшение условий труда, рост доходов и благосостояния населения.

Повышение качества труда, в той или иной степени относится к политике государства в социально-трудовой сфере. Каждое государство, принимая концепцию достойного труда МОТ, закрепляет пути реализации международных норм в национальных законодательствах. Как отмечает Н. В. Романова, «...зарубежные наработки в сфере достойного труда формируют прогрессивные мировые стандарты состояния трудовой сферы, условий и направлений формирования политики управления качеством жизни» [5, с. 106]. В связи с этим обратимся к анализу опыта зарубежных моделей обеспечения достойного труда в национальных правовых системах стран – участниц ЕАЭС. Научные обобщения литературных источников позволяют утверждать, что в разных странах по-разному формируются направления по реализации программ достойного труда.

Республика Беларусь, являясь социальным правовым государством, ставит своей высшей целью обеспечение прав и свобод граждан. Статья 21 Конституции Республики Беларусь закрепляет право каждого на достойный уровень жизни. Достойный уровень жизни может быть достигнут достойным трудом. В настоящее время понятие «достойный труд» прочно утвердилось в качестве приоритетной цели национальной политики во многих странах мира, в том числе Республике Беларусь. В стране осуществлена большая работа по созданию национальной системы индикаторов достойного труда.

В конце 2016 г. был утвержден перечень индикаторов достойного труда [6], гармонизированный с единой системой индикаторов достойного труда.

Законодательство Республики Беларусь не дает определение понятия «достойный труд». Однако в Концепции национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, закреплено, что действия государства направлены на обеспечение достойного уровня и качества жизни населения, в том числе за счет роста реальной заработной платы и иных доходов, совершенствования системы пенсионного обеспечения и адресной социальной помощи, развития системы государственных социальных стандартов (п. 52). Важнейшими направлениями государственной политики выступают создание условий для эффективной полной занятости населения, более рационального использования трудовых ресурсов, повышения качества и конкурентоспособности рабочей силы. Основными задачами развития сферы трудовых отношений являются обеспечение сбалансированности спроса и предложения рабочих мест на рынке труда, территориальной мобильности трудовых ресурсов, мотивации к высокоэффективному труду, повышение социальной ответственности за результаты своего труда.

Эти направления были конкретизированы в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [7]. В документе представлены цели, задачи, инструменты и механизмы реализации ключевых стратегических направлений, обеспечивающих устойчивое развитие Республики Беларусь.

В целях реализации намеченных в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года приоритетов Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 была утверждена Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы. В данном документе конкретизируется, что политика государства в области содействия занятости будет нацелена на максимальное вовлечение трудоспособного населения в экономику, повышение эффективности использования трудового потенциала, а также на обеспечение устойчивого роста реальной заработной платы и иных доходов населения, так как это базовая основа для благополучной, качественной и безопасной жизни людей.

Инструментом выполнения намеченных задач стала реализация Государственной программы «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 777, которая обеспечивает преемственность целей и направлений социально-экономического развития государства. В Государственной программе реализуется комплексный подход в отношении мер по развитию рынка труда с учетом состояния и перспектив развития экономики республики в ближайшие годы.

Концептуальным документом в Республике Армения является Программа достойного труда на 2007–2011 гг. [8]. К приоритетным направления программы отнесли совершенствование политики занятости.

Используя результаты анализа рынка труда, была сформирована политика государства в области образования с учетом потребностей рынка труда. Другой центральный вопрос – укрепление социального диалога. Программа предусматривала дальнейшее развитие законодательной базы социального партнерства и социального диалога. Программа достойного труда также ставила задачу улучшения системы социальной защиты в республике и, в частности, развитие национальной системы охраны труда.

В 2014 г. была утверждена Стратегия развития Армении на 2014–2025 гг. [9], приоритетами которой стали эффективное использование трудовых ресурсов и повышение уровня занятости.

В мае 2019 г. Республика Армения и МОТ подписали Страновую программу достойного труда на 2019–2023 годы «Работай, Армения!» [10]. Главной целью данного документа является повышение качества жизни посредством развития человеческих ресурсов и продвижения занятости и институциональных реформ, ориентированных на карьерный рост и профессиональную самореализацию, а также на дальнейшее развитие механизмов регулирования трудовых отношений, совершенствование политики в области занятости, расширение возможностей трудоустройства женщин и мужчин, развитие социального диалога и укрепление механизма коллективных переговоров на всех уровнях.

Таким образом, важнейшими посылами стратегии являются реализация потенциала человека через трудовые и социальные гарантии, обеспечение благополучия семьи и создание общественного блага. Стоит отметить, что в документе предусматривается упрощенная система внесения изменений, которая даст возможность оперативно реагировать на постоянно меняющиеся вызовы и иметь достаточную гибкость принятия решений в кризисных ситуациях.

Политика МОТ в рамках реализации концепции достойного труда в Республика Казахстан нацелена на совершенствование возможностей достойного и продуктивного труда для мужчин и женщин в условиях свободы, равенства, безопасности и уважения человеческого достоинства.

Целью Программы по достойному труду в Республике Казахстан на 2010–2012 годы [11] было продвижение достойного труда в качестве основного компонента стратегии развития. Председатель Федерации профсоюзов Республики Казахстан заявил: «Достойный труд, достойная зарплата – это не какая-то привилегия для рабочего. Эти понятия должны стать нормой жизни каждого казахстанца» [12].

Главная задача – обеспечить законодательную поддержку достойному труду. Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 года, утвержденный Указом Президента Республики Казахстан 15 февраля 2018 г. № 636, является документом первого уровня системы государственного планирования и разработан в реализацию долгосрочной Стратегии развития Казахстана до 2050 года. В октябре 2021 г. Указом Президента Республики Казахстан утверждены 10 национальных проектов, направленных на исполнение Общенациональных приоритетов и Национального плана

развития до 2025 года. Национальный проект «Устойчивый экономический рост, направленный на повышение благосостояния казахстанцев» [13] охватывает 5 направлений и реализуется в целях обеспечения устойчивого экономического роста, что должно положительно сказаться на благосостоянии граждан страны. Таким образом, общенациональным приоритетом является справедливая социальная политика, которая направлена на содействие продуктивной занятости населения, исполнение всех обязательств по социальным выплатам и государственным пособиям, направленных на поддержку семей.

Система показателей достойного труда формируется в республике с 2001 г. [14]. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан ежегодно формирует показатели достойного труда.

Национальная программа по достойному труду в Кыргызской Республике была принята на период 2006–2009 гг. и направлена на улучшение национальной системы охраны труда и мониторинг занятости граждан республики. Основной ее целью определялось обеспечение населения страны качественной работой [15]. Стоит отметить, что на данный момент между МОТ и Кыргызской Республикой нет подписанной программы по достойному труду или иного акта сотрудничества. Однако это не останавливает процесс реализации стратегических направлений сохранения и развития человеческих ресурсов, которые будут обеспечивать достойный труд.

Национальный совет по устойчивому развитию Кыргызской Республики принял Национальную стратегию развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы, утвержденную Указом Президента Кыргызской Республики 31 октября 2018 г. № 221, включая «Приоритетные направления развития Кыргызской Республики на период до 2023 года». Таким образом, поставлена цель – к 2040 г. обеспечить экономическое благосостояние народа за счет обеспечения достойной занятости. Отдельным направлением в Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы предусмотрен раздел «Достойный труд и почтенная старость». Ожидается, что каждый гражданин будет вовлечен в достойный рынок труда и будет иметь гарантированный государством уровень доходов в старости. Человек получит возможность, как можно дольше использовать свой потенциал через систему адаптации людей старшего возраста. Поэтому будет проведено кардинальное реформирование системы занятости и пенсионного обеспечения с ориентиром на высокий уровень жизни в трудоспособном возрасте и достойное качество жизни в старости.

По данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, в стране проведена большая работа по созданию системы индикаторов достойного труда [16].

В современных условиях государственная политика Российской Федерации основывается на общепризнанных принципах концепции устойчивого развития до 2030 года, реализация которых направлена на повышение качества жизни населения. «Способом достижения этих

показателей, как на уровне общества в целом, так и в масштабах отдельного домохозяйства, становится достойный труд» [17, с. 154].

В настоящее время на федеральном уровне не принята программа достойного труда в качестве отдельного стратегического документа. Анализ законодательных актов показывает: понятие «достойный труд» неотделимо от таких параметров, как достойная (обеспечивающая безбедную жизнь) оплата труда, справедливые и безопасные условия труда, социальные гарантии, право на профессиональное обучение и профориентацию, право на социальное, медицинское и пенсионное страхование и обеспечение.

Сохранение здоровья и благополучие граждан, а также достойный эффективный труд обозначены как национальные цели Российской Федерации [18]. Решение такой многосторонней задачи, как рост качества труда, в той или иной степени относится к политике государства в социально-трудовой сфере. Достижению целей способствует принятие документов стратегического планирования. Разработан и утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2021 г., № 2765-р Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. Во исполнение комплексных документов принимаются государственные программы, которые содержат комплекс мероприятий, направленных на достижение целей в сферах социально-экономического развития и (или) обеспечения национальной безопасности.

Мероприятия по продвижению целей и принципов достойного труда в рамках подхода, сформулированного МОТ, закреплены в Генеральном соглашении между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2021–2023 гг. [19]. Свидетельством заинтересованности в продвижении Концепции достойного труда становятся изменения и дополнения в Трудовой кодекс Российской Федерации, которые закрепляют права и гарантии работников и приближают их к международным стандартам.

Таким образом, положения Концепции достойного труда МОТ нашли отражение в российском законодательстве. Задача состоит в том, чтобы они получили реальное воплощение в конкретных правовых нормах, регулирующих трудовые и социальные отношения.

На основании вышеизложенного, предложенную МОТ концепцию достойного труда можно признать важнейшим способом международно-правового воздействия на трудовые и тесно связанные с ними отношения. Формирование эффективной государственной политики в социальной сфере, отвечающей современным вызовам, является одним из основополагающих факторов инновационного развития любого государства в достижении целей устойчивого развития.

Государства – члены ЕАЭС принимают меры, направленные на минимизацию пробелов в управлении социальной сферой путем укрепления национальных систем регулирования вопросов труда и найма,

а также социальной защиты населения. Однако, несмотря на широкий комплекс мер по реализации концепции достойного труда, существует еще множество нерешенных вопросов. Недостаточная осведомленность субъектов социально-трудовых отношений о сути концепции достойного труда, низкий уровень участия средств массовой информации в распространении идей и принципов достойного труда тормозят продвижение общенациональных программ и стратегий, направленных на модернизацию экономики и повышение благосостояния граждан страны.

Сохраняется дефицит достойного труда как в области занятости и оплаты труда, так и в сфере социальной и правовой защиты. Глубина этого дефицита различна в зависимости от социально-экономического развития страны – участницы ЕАЭС. Общими для всех можно выделить следующие проблемные моменты: территориальная и структурная несогласованность рынка труда; неэффективное использование трудовых ресурсов; неудовлетворительное качество рабочих мест; малообеспеченность работающего населения как в городских, так и сельских населенных пунктах; невысокая социальная и правовая защищенность трудящихся, особенно работников нестандартных форм занятости, социально уязвимых групп населения и др. Эти сложности должны быть решены с помощью согласования интересов различных социальных групп, имеющих противоположные интересы.

В связи с этим возрастает необходимость пересмотра национальных документов, реализующих основные положения и принципы концепции достойного труда. Задачи по улучшению благосостояния граждан и обеспечения экономического роста необходимо сформулировать в новом ракурсе, обеспечивающем не только экономический рост, но и социально-культурное развитие, основанное на традиционных ценностях.

Таким образом, анализ реализации концепции достойного труда в законодательстве стран – участниц ЕАЭС позволяет сделать вывод о том, что концепция достойного труда имеет в настоящее время не только теоретические, но и реальные научно-прикладные и организационно-правовые предпосылки для дальнейшего развития на национальных уровнях.

Список использованных источников

1. Шебанова, А. И. Достойный труд и гарантии его обеспечения / А. И. Шебанова // Международное, российское и зарубежное законодательство о труде и социальном обеспечении: современное состояние (сравнительный анализ) / под ред. К. Н. Гусова. – М.: Проспект, 2011. – С. 79–81.
2. Декларация столетия МОТ о будущем сферы труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/relconf/documents/meetingdocument/wcms_715175.pdf. – Дата доступа: 28.08.2022.
3. Достойный труд: доклад Генерального директора Международного бюро труда. 87-сессия МКТ, Женева, 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ilo.org>. – Дата доступа: 04.08.2022.

4. Самраилова, Е. К. Концепция достойного труда в российской экономике: социальный аспект / Е. К. Самраилова, С. А. Шапиро, Е. В. Вашаломидзе // Путеводитель предпринимателя. – 2015. – № 28. – С. 219.
5. Романова, Н. В. Зарубежный опыт обеспечения достойного труда на различных уровнях управления / Н. В. Романова // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. – 2017. – № 3. – С. 106–110.
6. Перечень индикаторов достойного труда [Электронный ресурс]: [Приказ Национального статистического комитета Республики Беларусь, 28 дек. 2016 г., № 246]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/Perechen_ind.pdf – Дата доступа: 28.08.2022.
7. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mintrud.gov.by/uploads/files/Nacionalnaya-strategia-2035.pdf>. – Дата доступа: 28.08.2022.
8. Армения и МОТ подписали программу достойного труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_429826/lang--ru/index.htm. – Дата доступа: 25.08.2022.
9. Armenia Development Strategy for 2014–2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/armenia_development_strategy_for_2014-2025.pdf. – Дата доступа: 25.08.2022.
10. МОТ и Армения подписали новую страновую программу достойного труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_701759/lang--ru/index.htm. – Дата доступа: 25.08.2022.
11. Программа по достойному труду в Республике Казахстан на 2010–2012 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---rogeneva/documents/genericdocument/wcms_359176.pdf – Дата доступа: 28.08.2022.
12. Национальная Программа достойного труда в Казахстане 24 ноября 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.vkr.ru/news/n6b24.html> – Дата доступа: 28.08.2022.
13. Национальный проект «Устойчивый экономический рост, направленный на повышение благосостояния казахстанцев» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://primeminister.kz/ru/nationalprojects/nacionalnyy-proekt-ustoychivyy-ekonomicheskii-rost-napravlennoy-na-povyshenie-blagosostoyaniya-kazahstancev-1595647>. – Дата доступа: 28.08.2022.
14. Достойный труд в Республике Казахстан в 2020 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39075469&pos=3;-45#pos=3;-45. – Дата доступа: 28.08.2022.
15. В Кыргызстане подписана программа «Достойный труд» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://24.kg/archive/ru/community/10276-2006/11/24/10653.html/> – Дата доступа: 28.08.2022.
16. Программа статистических работ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stat.kg/rus/prog.htm>. – Дата доступа: 28.08.2022.

17. Разумова, Т. О. Достойный труд как основа баланса семья – работа / Т. О. Разумова, М. А. Серпухова // Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации : сб. науч. ст. – Витебск, 2018. – С. 154–158.

18. Стратегическая сессия по здравоохранению, демографии, образованию, культуре и спорту [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/news/45924/>. – Дата доступа: 04.08.2022.

19. Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2021–2023 годы // Российская газета. – 2021. – № 78. – 13 апр. – С. 3–4.

Таранова Т. С.

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОИЗВОДСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

*Таранова Татьяна Сергеевна, доктор юридических наук, профессор;
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин факультета права,
Белорусский государственный экономический университет,
пр. Рокоссовского, 65, 220085, г. Минск, Беларусь, tatiana.taranova@rambler.ru*

В статье рассматриваются вопросы о взаимосвязи норм гражданского процессуального законодательства и законодательства об исполнительном производстве. На основе анализа законодательства и научной литературы делается вывод о том, что изменения в системе органов исполнительного производства не поменяло понимание исполнительного производства как стадии гражданского процесса.

Ключевые слова: исполнительное производство; гражданское процессуальное законодательство; стадия гражданского судопроизводства; самостоятельность исполнительного производства

Taranova T. S.

**ON THE QUESTION OF THE CORRELATION OF ENFORCEMENT
PROCEEDINGS AND CIVIL PROCEDURAL LAW**

*Taranova Tatiana S., doctor of sciences (law), full professor;
head of the department of civil law disciplines, faculty of law
Belarusian State Economic University,
65 Rokossovsky Avenue, Minsk 220085, Belarus, tatiana.taranova@rambler.ru*

The article deals with the issues of the influence of the civil procedural legislation on the development of the legislation on enforcement proceedings. Based on the analysis of legislation and scientific literature, it is concluded that changes in the system of enforcement proceedings have not changed the understanding of enforcement proceedings as a stage of civil procedure.

Keywords: enforcement proceedings; civil procedural legislation; stage of civil proceedings; independence of enforcement proceedings

Исполнительное производство завершает процесс защиты прав и законных интересов субъектов материальных правоотношений. Исполнение решения А. Ф. Черданцев именуется венцом завершения регулирования конкретных отношений. Без исполнения решение представляет собой пустой набор языковых знаков. Исполнение решений, указывает данный автор, является стадией процессуальных моделей применения [1, с. 249].

В теории, наряду с подходом к исполнительному производству как к стадии гражданского судопроизводства, получили свое развитие и другие взгляды о месте исполнительного производства в системе права и

законодательства, в том числе о самостоятельном правовом образовании (отрасли) исполнительного производства в системе права [2, с. 42–46]. Исполнительное производство, указывает Л. М. Пчелинцева, не является частью гражданского судопроизводства, оно имеет иной предмет регулирования, главным участником исполнительных правоотношений является не суд, а орган принудительного исполнения; при этом суд не должен исполнять принятые им решения, приоритет в этой области отдается органам исполнительной власти [3, с. 462–466]. По мнению И. П. Гришина, исполнительное производство не тождественно исполнению судебных постановлений, поскольку не все судебные постановления нуждаются в принудительном исполнении. При этом одна часть судебного постановления может исполняться добровольно, другая – хотя и принудительно, но без использования механизма судебного исполнения. В случаях, предусмотренных законом, требования судебных и иных актов могут исполняться организациями, должностными лицами и органами, которые не являются органами принудительного исполнения [4, с. 290].

По мнению Ю. А. Свирина, посредством трансгрессии (когда институт перерастает свои границы и становится отраслью права) из института исполнительного производства образовалась отрасль гражданского исполнительного права. В дальнейшем методом конвергенции (сближения) возможно появление отрасли исполнительного права, которая будет состоять из подотраслей уголовно-исполнительного, гражданского исполнительного, арбитражного исполнительного, административного исполнительного права. Исполнительное право, как полагает автор, является комплексной отраслью права [5, с. 39].

Не углубляясь в дискуссию об отраслевой принадлежности исполнительного производства и не отрицая особенностей регулирования правоотношений, складывающихся при исполнении исполнительных документов, стоит в то же время проанализировать причины объективной взаимосвязи между указанными правоотношениями и правоотношениями в гражданском судопроизводстве.

Одной из них является *историческая причина, состоящая в том, что гражданское процессуальное право послужило основой для развития исполнительного производства.*

Устав гражданского судопроизводства 1864 г. имел важное значение для зарождения института исполнительного производства в рамках гражданского процессуального права. Устав гражданского судопроизводства 1864 г. распространил на исполнительное производство принцип диспозитивности. Судебные приставы в своей деятельности полностью находились под контролем суда и распределялись по судебным участкам. Вместе с тем по Уставу 1864 г. обращаться к исполнению решения судов могли не иначе как по желанию взыскателя, и суды не обязаны были наблюдать за их исполнением.

В период с 1864 по 1917 г. наблюдается зарождение института исполнительного производства в рамках гражданского процессуального права [5, с. 11–12].

После свершения Октябрьской революции осуществлен слом старой судебной системы. С периодом 1917–1922 гг. связано развитие нового социалистического правопорядка и революционной законности [6, с. 163]. На территории Белоруссии был введен в действие с 1 сентября 1923 г. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. (ГПК 1923 г.). Часть Пятая данного кодекса посвящена исполнению судебных решений и определений. Исполнению подлежали решения судов, судебные приказы по гражданским делам, определения судов по делам особого производства и наложении штрафов, постановления судов по ст. 121а и 459 Уголовно-Процессуального Кодекса (ст. 255 ГПК 1923 г.). Исполнительные действия могли совершаться по устным и письменным заявлениям взыскателя на основании надлежаще выданных исполнительных листов (ст. 256 ГПК 1923 г.).

В последующем в ГПК БССР 1923 г. (с изменениями на 1 мая 1940 г.) перечень оснований исполнения дополнили исполнительные надписи об удостоверении неплатежа, совершенные нотариальными конторами и нотариальными столами, а также выписки из книг регистрации прекращения браков о соглашении родителей по содержанию детей и нетрудоспособного супруга (ст. 300 ГПК БССР 1923 г.).

Правила исполнительного производства содержались также в пришедшем на смену ГПК БССР 1923 г. Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь 1964 г. (ГПК 1964 г.). В данном кодексе исполнительному производству был посвящен раздел V с названием «Исполнение судебных решений». В ст. 313 ГПК 1964 г. предусматривался широкий перечень оснований исполнения, который, помимо постановлений суда по гражданским делам, по уголовным делам в части имущественных взысканий и по делам об административных правонарушениях, включал также постановления прокуроров о выселении в административном порядке; исполнительные надписи нотариальных органов; решения хозяйственных судов в предусмотренных законом случаях; решения Совета Контрольной палаты Республики Беларусь в части денежных начислений на должностных лиц; неоплаченные в срок платежные требования, акцептованные плательщиком; постановления органов и должностных лиц в части взысканий по делам об административных правонарушениях в предусмотренных законом случаях; решения третейских судов; решения товарищеских судов об имущественных взысканиях; решения комиссий по борьбе с пьянством о наложении штрафа; решения комиссий по трудовым спорам и постановления профсоюзных комитетов по трудовым спорам, а также некоторые другие постановления.

В ГПК 1964 г. сохранялся подход, ранее сформированный в гражданском процессуальном законодательстве, в соответствии с которым исполнительные действия могут совершаться по заявлениям взыскателя на

основании исполнительных документов. Судебный исполнитель приступал к производству исполнительных действий после получения надлежаще оформленных исполнительных документов и устного или письменного заявления взыскателя. Исполнительное производство могли возбудить: прокурор, обратившийся в суд с заявлением в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц и вступить в дело, а также органы государственного управления, профсоюзы, государственные предприятия, учреждения, организации, колхозы, иные кооперативные организации, их объединения, другие общественные организации или отдельные граждане по делам, по которым они обращались в суд с заявлением в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц (ст. 325 ГПК 1964 г.)

Последующее реформирование гражданского процессуального законодательства сопровождалось принятием Гражданского процессуального кодекса 1999 г. (далее – ГПК), сменившего ГПК 1964 г.

ГПК в его редакциях прежних лет (до 2016 г.) содержал раздел IX «Исполнительное производство». В данном разделе, как и ГПК 1964 г., указывалось на широкий перечень оснований для исполнения, определялись сроки предъявления исполнительных документов к исполнению, компетенция судебного исполнителя, стороны в исполнительном производстве, меры по обеспечению совершения исполнительных действий, порядок совершения действий, в настоящее время регулируемые Законом Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве).

Исполнение решений и других юрисдикционных актов по защите гражданских и иных прав до 1998 г. регулировалось как заключительная стадия гражданского процесса. В связи с разграничением компетенции общих и хозяйственных судов по исполнению судебных решений к компетенции хозяйственных судов было отнесено исполнение судебных актов этих судов, решений третейских и иностранных судов и других актов по делам хозяйственного (экономического) характера. В исполнительном производстве в гражданском процессе судебными исполнителями реализовывались судебные и несудебные юрисдикционные акты, касавшиеся прав граждан [7, с. 340–341]. Меры по принуждению к исполнению осуществлялись судебными исполнителями, действовавшими при общих и хозяйственных судах.

Важное значение для реформирования института исполнительного производства и выведения судебных исполнителей из круга должностных лиц суда имело вступление в силу Указа Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 530 «О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов». В соответствии с данным Указом создана единая система органов принудительного исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов с включением в ее состав судебных исполнителей общих судов и Службы судебных исполнителей

хозяйственных судов, иных работников аппаратов общих и хозяйственных судов.

Правовой статус судебных исполнителей закрепляется в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 440-З «О судебных исполнителях». В ст. 1 Закона указано, что судебными исполнителями являются лица, которые занимают должности в органах принудительного исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов, которые непосредственно заняты в соответствии с должностными обязанностями исполнением судебных постановлений и иных исполнительных документов.

Другой причиной взаимосвязи и взаимовлияния исполнительного производства и гражданского процессуального права является существенная схожесть их задач.

Задачи исполнительного производства в ст. 459 ГПК (в редакции данного кодекса до 2016 г.) предусматривали обеспечение исполнения решений, определений и постановлений судов по гражданским и административным делам, приговоров, постановлений и определений судов по уголовным делам в части имущественных взысканий, подлежащих исполнению других актов, контроль за добровольным исполнением, а в необходимых случаях их принудительное исполнение в целях охраны и защиты подтвержденных в установленном законом порядке прав граждан, юридических лиц и государства.

Действующая редакция ГПК не определяет задачи для исполнительного производства, в кодексе определены только задачи гражданского процессуального законодательства, которыми согласно ст. 5 ГПК являются обеспечение правильного и своевременного рассмотрения и разрешения судами гражданских дел, исполнение судебных постановлений и других актов, подлежащих исполнению, защита прав и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц.

Задачи исполнительного производства определены ст. 4 Закона об исполнительном производстве. Такими задачами являются восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, организаций, не являющихся юридическими лицами, соблюдение и охрана интересов государства посредством правильного, полного и своевременного исполнения исполнительных документов.

Сравнивая подходы к постановке указанных задач, следует отметить, что, несмотря на наличие определенных различий, в целом эти подходы весьма схожи: касаются защиты прав и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц (восстановление нарушенных прав как следует из содержания ст. 7 ГПК является способом судебной защиты), и исполнения исполнительных документов (судебных постановлений и других актов, подлежащих исполнению).

Во многих случаях реализация судебных постановлений требует их принудительного исполнения в порядке и с применением мер,

предусмотренных законом. При этом исполнимость судебного решения является одним из свойств вступившего в законную силу судебного решения. Н. Б. Зейдер указывает, что исполнимость судебного решения означает возможность принудительного исполнения, т. е. осуществление специальными государственными органами ряда мероприятий, которые направлены на реализацию судебного решения помимо воли лица, обязанного по этому решению [8, с. 170].

Решение задач по восстановлению нарушенных прав взыскателя, соблюдению и охране интересов государства требует при принудительном исполнении обращения взыскания на денежные средства и иное имущество, причитающиеся должнику от третьих лиц, ареста недвижимого имущества должника, передачи на реализацию и принудительной реализации арестованного имущества должника, представления нанимателем сведений о заработной плате и приравненных к ней доходах должника-гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, и при осуществлении других действий (ст. 77, 85, 91, 105 Закона об исполнительном производстве). В ходе решения этих задач судебный исполнитель, осуществляющий исполнение исполнительных документов, совершает процессуальные действия.

Судебный исполнитель вправе приостанавливать исполнительное производство в случае оспаривания в судебном порядке уступки права (требования), перевода долга, а также других случаев перемены лиц в обязательствах; подачи в суд заявления (ходатайства) об отсрочке или рассрочке исполнения судебного постановления, на основании которого выдан исполнительный документ, или судебного постановления, являющегося исполнительным документом, об изменении способа и порядка их исполнения, а также о пересмотре таких судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам; подачи жалобы (протеста) на постановления, действия (бездействие) судебного исполнителя, иного работника органа принудительного исполнения; а также в других случаях в соответствии со ст. 36, 50 Закона об исполнительном производстве. Также судебный исполнитель по письменному заявлению стороны исполнительного производства или по собственной инициативе производит замену стороны по причине выбытия одной из сторон исполнительного производства (в случае смерти гражданина, реорганизация юридического лица, уступки права (требования), перевода долга и других случаев перемены лиц в обязательствах) при отсутствии спора о праве относительно факта правопреемства и круга лиц, являющихся правопреемниками, подведомственного суду (ст. 19 Закона об исполнительном производстве).

В решении задач исполнительного производства важная роль принадлежит суду, на который в силу гражданского процессуального законодательства возложена обязанность по выполнению определенных действий и осуществления контроля за правильностью действий судебного исполнителя. В соответствии со ст. 459 ГПК суды выдают исполнительные листы, дубликаты исполнительных листов, решают вопрос о повороте исполнения судебного постановления, восстанавливают пропущенный срок

предъявления исполнительного документа к исполнению, утверждают мировые соглашения, заключенные в рамках исполнительного производства, рассматривают ходатайства об отсрочке или рассрочке исполнения судебного постановления, о временном ограничении права должника – гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, должностного лица юридического лица, являющегося должником, на выезд из Республики Беларусь, о временном ограничении должника – гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в посещении игорных заведений, виртуальных игорных заведений и участии в азартных играх, представления судебного исполнителя, жалобы (протесты) на постановления, действия (бездействие) судебного исполнителя, иного работника органа принудительного исполнения, постановления руководителя органа принудительного исполнения, а также решают иные вопросы, предусмотренные ГПК и иными законодательными актами.

Следующим обстоятельством, указывающим на взаимосвязь гражданского судопроизводства и исполнительного производства, является их процессуальный характер.

И. Н. Колядко выделяет процессуальную и внепроцессуальную форму исполнительного производства. Последняя вытекает из права взыскателя по денежным требованиям предъявить платежное требование, оформленное на основании исполнительного документа, в банк и (или) небанковскую кредитно-финансовую организацию для списания в бесспорном порядке денежных средств, находящихся на банковских счетах должника, либо по месту получения должником заработной платы и приравненных к ней доходов с заявлением о проведении удержания согласно исполнительному документу. Процессуальной формой принудительного исполнения выступает собственно исполнительное производство, в котором применяются меры, направленных на восстановление нарушенных прав и законных интересов взыскателя, соблюдение и охрану интересов государства, при исполнении исполнительного документа работниками органов принудительного исполнения. Данный автор исполнительное производство в гражданском процессе определяет как урегулированную ГПК и законодательством об исполнительном производстве деятельность суда и судебного исполнителя, а также других участников исполнительного производства по принудительному осуществлению предписаний, содержащихся в судебных постановлениях и иных актах, по защите права установленными законом способами [9, с. 315–348].

Процессуальная основа обуславливает действие в исполнительном производстве императивно-диспозитивного метода, аналогичного методу, применяемому в гражданском процессе.

Императивность метода обусловлена властным характером органа принудительного исполнения [10, с. 14–15]. Императивность проявляется также в обязанностях участников правоотношений, складывающихся при исполнении исполнительных документов, выполнять требования судебного исполнителя. В соответствии со ст. 7 Закона об исполнительном

производстве законные требования судебного исполнителя при исполнении исполнительных документов являются обязательными для всех граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, юридических лиц (включая государственные органы, органы местного самоуправления), организаций, не являющихся юридическими лицами, их должностных лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Республики Беларусь.

Императивность метода проявляется также в том, что пропуск участниками исполнительного производства срока, установленного актами законодательства или судебным исполнителем для исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, согласно ст. 31 Закона об исполнительном производстве, влечет последствия в соответствии с данным Законом. При этом пропуск срока не освобождает должника от исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе. В ст. 46 Закона об исполнительном производстве предусмотрено, что в случае неисполнения должником исполнительного документа в предоставленный ему срок для добровольного исполнения осуществляется принудительное исполнение этого исполнительного документа.

Императивная составляющая метода правового регулирования исполнительного производства предусматривает принятие на любой стадии исполнительного производства мер по обеспечению исполнения исполнительного документа в случае, если их непринятие может затруднить или сделать невозможным исполнение исполнительного документа. Для реализации властных полномочий судебного исполнителя законодательство об исполнительном производстве предусматривает особые меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, которые включают арест наличных денежных средств и (или) иного имущества должника, принадлежащих ему и находящихся у него и (или) третьих лиц; арест денежных средств и (или) иного имущества должника, находящихся на его банковских счетах, во вкладах (депозитах) или на хранении в банках и (или) небанковских кредитно-финансовых организациях, электронных денег, иные меры, указанные в ст. 60 Закона об исполнительном производстве.

Диспозитивность метода правового регулирования означает право участников исполнительного производства на любой стадии исполнительного производства подать заявление, ходатайство по вопросам, связанным с исполнением исполнительного документа; право сторон знакомиться с материалами исполнительного производства, за исключением документов, содержащих информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено, делать выписки из документов, содержащихся в материалах исполнительного производства, снимать за свой счет их копии; представлять дополнительные материалы, подавать заявления, ходатайства; участвовать в совершении исполнительных действий, давать объяснения в устной и (или) письменной формах в процессе совершения исполнительных действий; приводить свои доводы по всем вопросам, возникающим в процессе исполнения исполнительного документа, возражать против ходатайств и доводов других участников исполнительного

производства; заявлять отводы; пользоваться услугами переводчика при ознакомлении с материалами исполнительного производства, участии в совершении исполнительных действий; до окончания исполнительного производства заключить мировое соглашение или медиативное соглашение; обжаловать постановления, действия (бездействие) судебного исполнителя; пользоваться другими правами, предусмотренными и актами законодательства; право сторон исполнительного производства участвовать в исполнительном производстве лично или через своих представителей; право участников исполнительного производства сообщать иной адрес, по которому судебный исполнитель должен направлять извещения, либо указать способ извещения и другие сведения, необходимые для своевременного информирования этого участника (ст. 14, 18, 20, 37 Закона об исполнительном производстве).

Кроме вышеназванных обстоятельств, следует также указать на то, что положения институтов гражданского процессуального права используются в исполнительном производстве в том же значении, в каком они применяются в гражданском процессуальном праве.

Взыскатель и должник в исполнительном производстве в соответствии со ст. 54 ГПК являются участниками гражданского судопроизводства.

В Законе об исполнительном производстве воплощены нормы институтов гражданского процессуального законодательства о представительстве, о процессуальном правопреемстве, об участии переводчика, понятых, специалиста, об отводе (самоотводе) в исполнительном производстве (ст. 19–28 Закона об исполнительном производстве).

В исполнительном производстве так же, как и в гражданском процессе, граждане участвуют в исполнительном производстве лично или через своих представителей. Личное участие граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, в исполнительном производстве не лишает их права иметь представителей. Представителями граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, могут быть адвокаты, законные представители, близкие родственники (родители, усыновители (удочерители), дети, в том числе усыновленные (удочеренные), родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки), супруг (супруга), иные лица в случаях, предусмотренных законодательными актами. Юридические лица, организации, не являющиеся юридическими лицами, участвуют в исполнительном производстве через свои органы или своих представителей в пределах прав, предоставленных им актами законодательства или учредительными документами. Представлять интересы юридических лиц, организаций, не являющихся юридическими лицами, вправе руководители либо работники этих юридических лиц, организаций, не являющихся юридическими лицами, адвокаты, иные лица в случаях, предусмотренных законодательными актами (ст. 20 Закона об исполнительном производстве).

Принятие мер по обеспечению исполнения исполнительного документа регулируется ГПК и Законом об исполнительном производстве. В ст. 60

Закона об исполнительном производстве указаны меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, которые включают в том числе временное ограничение права должника – гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, должностных лиц должника – юридического лица на выезд из Республики Беларусь; временное ограничение должника – гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в посещении игорных заведений, виртуальных игорных заведений и участия в азартных играх; иные меры. Данные меры по обеспечению исполнения исполнительного документа принимаются судом в порядке, предусмотренном ст. 469 ГПК.

Подводя итог вышеизложенного, можно указать, что исполнительное производство исторически развивалось как стадия гражданского процесса, имеющая целью исполнение судебных и иных актов для обеспечения реальной защиты прав субъектов материальных правоотношений. Изменения в системе органов исполнительного производства, повлекшее в связи с этим возложение на работников органов принудительного исполнения исполнение судебных постановлений и иных исполнительных документов, не поменяло понимание исполнительного производства как завершающей стадии гражданского процесса. На указанной стадии осуществляется правоприменительная деятельность судебных исполнителей по реализации предписаний содержащихся в судебных постановлениях и иных актах, подлежащих принудительному исполнению.

Список использованных источников

1. Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учебник для вузов / А. Ф. Черданцев. – М. : Юрайт, 1999. – 432 с.
2. Зипунникова, Ю. Н. К вопросу о процессуальной форме исполнительного производства / Ю. Н. Зипунникова // Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Д. Х. Валеев, М. Ю. Челышев. – М. : Статут, 2009. – 334 с.
3. Пчелинцева, Л. М. Стадии гражданского судопроизводства (§ 2, Глава 19) // Правосудие в современном мире: монография / В. И. Анишина, В.Ю. Артемов, А.К. Большова и др.; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. – М. : Норма, Инфра-М, 2012. 704 с.
4. Гражданский процесс : учебник для юридических вузов / под ред. М. К. Треушникова. – М. : Юриспруденция, 2001. – 400 с.
5. Свирин, Ю. А. Исполнительное производство : учебник / Ю. А. Свирин. – М. : Юрлитинформ, 2020. – 272 с.
6. Красавчиков, О. А. Категории науки гражданского права : избр. тр. : в 2 т. / О. А. Красавчиков. – М. : Статут, 2005. – Т. 1. – 492 с.
7. Колядко, И. Н. Общие положения исполнительного производства (§ 1 глава 11) / И. Н. Колядко // Гражданский процесс. Особенная часть : учебник / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – Минск : Амалфея, 2002. – 592 с.

8. Зейдер, Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н. Б. Зейдер. – М. : Юрид. лит., 1966. – 192 с.

9. Колядко И. Н. Общие положения исполнительного производства (глава 16) / И. Н. Колядко // Гражданский процесс. Особенная часть / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. – 2-е изд. – Минск : Изд. центр БГУ, 2021. – 552 с.

10. Решетникова, И. В. Исполнительное производство: общие положения (§ 1 глава 1) / И. В. Решетникова // Исполнительное производство / И. В. Решетникова, А. В. Закарлюка, М. А. Куликова / отв. ред. И. В. Решетникова. – М. : Норма : Инфра-М, 2019. – 224 с.

Унукович Е. А.

**ПРИМЕНЕНИЕ СУДОМ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСКА ПО СПОРАМ,
ВОЗНИКАЮЩИМ ИЗ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

*Унукович Елена Анатольевна, старший преподаватель кафедры
гражданского процесса и трудового права юридического факультета,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, unukovich@tut.by*

Анализируются особенности применения мер обеспечения иска по спорам, возникающим из брачно-семейных отношений. Поднимаются актуальные вопросы допущения судом в порядке обеспечения иска ограничений в отношении несовершеннолетних детей, в том числе временного ограничения права ребенка на выезд из Республики Беларусь. На основе проведенного анализа автором формулируются предложения, направленные на совершенствование гражданского процессуального законодательства.

Ключевые слова: обеспечение иска; споры о воспитании детей; временное взыскание алиментов; ограничение права выезда; временное отобрание ребенка.

Unukovich A. A.

**APPLICATION BY THE COURT OF MEASURES TO PROVIDE
A CLAIM ON DISPUTES ARISING FROM MARRIAGE AND FAMILY
RELATIONS**

*Unukovich Alena A., senior lecturer at the department of civil procedure and
labour law, faculty of law,
Belarusian State University,
4 Nezalezhnosti Avenue, Minsk 220030, Belarus, unukovich@tut.by*

The article analyzes the features of the application of measures to secure a claim in disputes arising from marriage and family relations. Topical issues are raised when the court allows, in order to secure a claim, restrictions on minor children, including temporary restrictions on the right of a child to leave the Republic of Belarus. Based on the analysis, the author formulates proposals aimed at improving the civil procedural legislation.

Keywords: securing a lawsuit; disputes about raising children; temporary collection of alimony; restriction of the right to leave; temporary removal of the child.

При рассмотрении судами споров, возникающих из брачно-семейных отношений, могут разрешаться как требования имущественного, так и неимущественного характера, что, в свою очередь, оказывает влияние на избираемую судом меру обеспечения иска. Обеспечительные меры

отличаются друг от друга прежде всего по содержанию и направленности составляющих их ограничений, запретов и обязанностей [1, с. 9]. По этой причине суду при разрешении вопроса об обеспечении иска необходимо учитывать характер рассматриваемых исковых требований. Так, в споре о разделе общей совместной собственности супругов суд вправе применить меру обеспечения иска в виде наложения ареста на совместное имущество супругов. Указанная обеспечительная мера является наиболее распространенной в судебной практике при разрешении имущественных требований. Особенностью по рассматриваемой категории дел является то обстоятельство, что применение мер обеспечения иска может быть инициировано ответчиком даже в том случае, если встречные иски не заявляются [2, с. 127]. Несмотря на то, что в гражданском процессе меры обеспечения иска могут быть приняты судом как по своей инициативе, так и по заявлению юридически заинтересованных в исходе дела лиц, как правило, подобные меры инициируются истцом.

Специфика применения мер обеспечения иска проявляется при рассмотрении судом требований о взыскании алиментов на содержание детей. В настоящее время гражданское процессуальное законодательство закрепляет альтернативную возможность заявления требований о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей в порядке искового производства либо приказного производства. При отсутствии необходимости установления материнства и (или) отцовства, уполномоченное лицо может по своему усмотрению реализовать один из возможных видов производства по указанной категории дел. При определении такого порядка лицо должно учитывать процессуальные особенности упрощенного порядка их разрешения, особенно в части имеющихся ограничений в реализации отдельных процессуальных средств защиты. Так, в порядке приказного производства не допускается возможность применения судом обеспечительных мер в отношении заявленного требования. Однако ускоренный порядок их разрешения с вынесением определения о судебном приказе, которое является исполнительным документом, в большинстве случаев обеспечивает оперативную защиту прав несовершеннолетнего ребенка и в отсутствие возможности применения обеспечительных мер. В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 июня 2000 г. № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (далее по тексту – постановление Пленума Верховного Суда № 5) делается акцент именно на взыскании алиментов в порядке приказного производства: «Следует иметь в виду, что взыскание алиментов на содержание несовершеннолетних детей производится, как правило, в порядке приказного производства (п. 2 ч. 1 ст. 394 ГПК)» (п. 6). Указанный вывод полностью подтверждается судебной практикой.

В соответствии с Кодексом Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) при рассмотрении исковых требований о взыскании алиментов на детей, когда ответчик записан родителем ребенка в записи акта о рождении,

суд вправе до рассмотрения дела вынести определение о том, в какой мере ответчик обязан нести расходы по содержанию детей (ч. 1 ст. 97 КоБС). При закреплении права суда на временное взыскание алиментов была сохранена преемственность положений ст. 87 КоБС Белорусской ССР 1969 г. Предоставление суду права вынести определение о временном взыскании алиментов на детей имеет важное значения для искового производства. Содержание ст. 97 КоБС свидетельствует о возможном допущении указанной меры по требованиям о взыскании средств на содержание детей независимо от того, достигли они совершеннолетия или нет. Кроме того, необходимо учитывать и сроки рассмотрения иска о взыскании алиментов. В соответствии с ч. 2 ст. 158 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) для разрешения требования о взыскании алиментов установлен сокращенный срок рассмотрения дела – один месяц со дня принятия заявления судом. Однако в судебной практике достаточно распространенным является соединение требований о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей с иском о расторжении брака, что в свою очередь, с учетом положений ч. 6 ст. 250 ГПК, указывает на необходимость применения судом сроков, установленных для расторжения брака. И именно в связи с этим в постановлении Пленума Верховного Суда № 5 обращается внимание на возможность применения ст. 97 КоБС: «...после возбуждения дела о расторжении брака либо в судебном заседании при отложении дела судья вправе временно взыскать алименты на детей» (п. 6).

Следует согласиться с мнением о том, что временное взыскание алиментов на основании определения суда, следует рассматривать в качестве разновидности обеспечения иска [3, с. 126]. Сравнительный анализ мер обеспечения иска и меры, закрепленной в ст. 97 КоБС, позволяет выделить общие признаки: временный характер, а также применение в состоянии неопределенности права, когда судом заявленные требования по существу не разрешены. Однако имеется и принципиальное отличие: при временном взыскании алиментов на основании ст. 97 КоБС осуществляется реальное исполнения алиментного обязательства, а не обеспечивается возможности его исполнения в будущем.

В целях устранения неопределенности в вопросах реализации указанной меры полагаем необходимым дополнить п. 6 постановления Пленума Верховного Суда № 5 указанием на возможность применения временного взыскания алиментов в порядке, установленном главой 25 ГПК. Подобное дополнение позволит устранить возникающие вопросы в части регулирования порядка отмены указанной меры, обжалования определения о временном взыскании алиментов. Немаловажным является вопрос исполнения указанного определения. С учетом положений ст. 10 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» определение суда об обеспечении иска относится к числу исполнительных документов, вследствие чего предлагаемая выше формулировка позволит устранить возникающие вопросы по порядку исполнения определения суда о временном взыскании алиментов.

При заявлении требования о взыскании алиментов на ребенка за прошлое время (ч. 3 ст. 109 КоБС) полагаем, что обеспечение иска должно допускаться на общих основаниях в порядке, определяемом главой 25 ГПК. В этом случае суд вправе наложить арест на имущество, в том числе денежные средства, ответчика в пределах суммы такого взыскания.

Особенности применения судом мер обеспечения иска проявляются при разрешении споров, связанных с воспитанием детей. В числе споров, возникающих из брачно-семейных отношений, данные споры являются особенно сложными. В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30.09.2004 г. № 11 «О практике рассмотрения судами споров, связанных с воспитанием детей» (далее – постановление Пленума Верховного Суда № 11) не содержится разъяснений по вопросам применения мер обеспечения иска, что, по нашему мнению, является серьезным упущением.

По спорам, связанным с воспитанием детей, в качестве меры обеспечения иска могут устанавливаться временные ограничения права выезда несовершеннолетнего ребенка из Республики Беларусь или установление иного порядка выезда ребенка (с согласия отдельно проживающего родителя). Подобные меры могут применяться, в частности, в рамках рассмотрения спора между родителями об определении места жительства ребенка, о порядке участия в воспитании ребенка отдельно проживающего родителя, об определении порядка выезда несовершеннолетнего ребенка.

Специфика применяемой меры заключается в том, что вводимые судом ограничения затрагивают, не только права ответчика – родителя, но и непосредственно права и интересы несовершеннолетнего ребенка. С одной стороны, установленные судом ограничения, оказывают прямое влияние на права второго родителя, несмотря на то, что в отношении его права выезда из Республики Беларусь запрета нет. Это объясняется тем, свобода передвижения второго родителя, с которым проживает ребенок, в значительной степени связана с теми ограничениями, которые распространяются на его ребенка. С другой стороны, указанные ограничения непосредственно касаются прав и интересов ребенка. В большинстве случаев выезд ребенка в сопровождении родителя, на чьем иждивении он находится, за пределы Республики Беларусь осуществляется на отдых либо в туристических целях, и подобного рода поездки в полной мере соответствуют интересам ребенка. Они расширяют кругозор ребенка, способствуют его развитию и оздоровлению. При этом не стоит исключать, что в отдельных случаях судом могут быть установлены обстоятельства, свидетельствующие об определенных рисках для здоровья и безопасности ребенка, что, безусловно, должно учитываться при допущении подобного рода обеспечительных мер. В ряде случаев рассматриваемые ограничения иницируются истцами в связи с намерениями ответчика совместно с ребенком выехать из Республики Беларусь на постоянное место жительства в

другую страну (например, в связи с заключением брака с иностранным гражданином).

Прежде всего стоит отметить, что возможность временного ограничения права ребенка на выезд из Республики Беларусь противоречит положениям ст. 255 ГПК, с учетом статуса лица, в отношении которого судом устанавливаются ограничения. Несовершеннолетний ребенок, за исключением случаев, когда он по достижении 14 лет сам обращается в суд с исковыми требованиями к своим родителям, в спорах, связанных с воспитанием детей, не занимает никакого процессуального положения. Подобный подход распространяется и на случаи, когда в силу норм КоБС (ч. 4 ст. 74, ч. 3 ст. 78, ч. 2 ст. 79 КоБС) учитывается мнение ребенка, достигшего 10-летнего возраста. По общему правилу, мнение ребенка выявляется органом опеки и попечительства. При необходимости оно может быть выяснено и судом как в процессе подготовки дела к разбирательству, так и в ходе судебного заседания путем личной беседы в присутствии педагога (п. 11 постановления Пленума Верховного Суда № 11). Следует согласиться с критической оценкой примеров из судебной практики, когда мнение ребенка выявлялось в присутствии истца и ответчика либо когда в беседе участвовали и иные участники процесса, которые также задали вопросы ребенку [4, с. 65].

Анализируя содержание мер обеспечения иска (п. 1–3 ч. 1 ст. 255 ГПК), следует отметить, что устанавливаемые судом ограничения и запреты направлены, прежде всего, на ответчика. Содержащиеся предписания при обеспечении иска другим лицам не связаны с ограничениями их прав. Согласно п. 6 ст. 255 ГПК временное ограничение права выезда из Республики Беларусь может выноситься исключительно в отношении ответчика. Однако в спорах, связанных с воспитанием детей, ограничение права выезда выносится в отношении ребенка, не являющегося ответчиком по рассматриваемому спору.

Указанные ограничения соответствуют требованиям ч. 2 ст. 12 Закона «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь» от 20.09.2009 г.: в случае, если один из законных представителей не согласен с порядком выезда из Республики Беларусь несовершеннолетнего, установленным Законом, он имеет право обратиться в суд с заявлением об определении иного порядка выезда из Республики Беларусь несовершеннолетнего. Однако, как уже отмечалось выше, возможность реализации подобной меры применительно к закрытому перечню мер обеспечения иска противоречит содержанию ст. 255 ГПК.

Аналогичные замечания можно высказать и в отношении обеспечительных мер, закрепленных в главе 28² ГПК. Закрепление процессуальных особенностей рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа в рамках реализации положений Конвенции о гражданских аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г. (далее – Конвенция 1980 г.), оказывает влияние и на характер обеспечительных мер. Согласно ст. 334¹⁰ ГПК в необходимых случаях наряду

с другими мерами в соответствии с главой 25 ГПК суд может запретить ответчику до вступления в законную силу решения суда по делу о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа изменять место жительства (место пребывания) ребенка и временно ограничить право ответчика и (или) ребенка на выезд из Республики Беларусь.

С учетом высказанных замечаний полагаем более правильным подход в закреплении системы мер обеспечения иска в хозяйственном процессе: суд, рассматривающий экономические дела, помимо прямо закрепленных в ст. 116 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) мер, вправе принять иные меры, предусмотренные ХПК и иными законодательными актами.

При разрешении вопроса о применении мер обеспечения иска важным является вопрос определения круга обстоятельств, подлежащих установлению судом. Полагаем, что при разрешении споров, связанных с воспитанием детей, в том числе и осложненные иностранным элементом, при допущении обеспечительных мер судом должны учитываться интересы ребенка, и это обстоятельство должно включаться в предмет доказывания при разрешении вопроса о применении мер обеспечения иска.

Интерес несовершеннолетнего ребенка играет в рамках применения обеспечительных мер определяющую роль, несмотря на то, что предметом рассмотрения в суде выступают субъективные материальные право родителя, обратившегося в суд, такие как право определение места жительства ребенка, право на участие в воспитании отдельно проживающего родителя и другие. При разрешении спора между родителями суд должен вынести решение, отвечающее интересам ребенка, и интересы ребенка также должны учитываться при допущении обеспечительных мер.

Закрепление приоритета интересов ребенка отражено и в Конвенции 1980 г. В соответствии со ст. 13 Конвенции судебный или административный орган может отказать в распоряжении о возвращении ребенка, если он обнаружил, что ребенок возражает против возвращения и ребенок достиг такого возраста и степени зрелости, чтобы отвечать за свое мнение. При рассмотрении обстоятельств, указанных в ст. 13, судебные или административные органы принимают во внимание информацию, относящуюся к социальным условиям жизни ребенка, которая предоставляется Центральным органом или другим компетентным органом того государства, где обычно проживает ребенок. Стоит также отметить, что Конвенция не применяется, если ребенок достигает возраста 16 лет (ст. 4). Однако указанные положения не нашли своего отражения в нормах главы 28² ГПК.

Система норм, регулирующих обеспечение иска в гражданском процессе, не учитывает интересы других лиц. Предпочтительной в этой части является регулирование в хозяйственном процессе. Согласно абз. 3 ч. 6 ст. 115 ХПК в обеспечении иска может быть отказано, если применение мер по обеспечению иска может существенно нарушить права других лиц, связанные с объектом обеспечения. Полагаем, что нарушение прав и интересов других лиц (не только в отношении объекта обеспечения), должно

относиться законом к числу обстоятельств, имеющих правовое значение при применении судом обеспечения иска. При этом важно определить лицо, на которое возлагается бремя доказывания указанного обстоятельства.

Лицо, заявившее ходатайство, несет бремя доказывания наличия обстоятельств, являющихся основанием для его удовлетворения [5, с. 171]. Применительно к содержанию ст. 254 ГПК истец, заявивший подобное ходатайство, должен доказать, что непринятие мер обеспечения иска может затруднить или сделать невозможным исполнение решения суда. Однако с учетом специфики споров, связанных с воспитанием детей, судом при разрешении заявления об обеспечении иска должно быть установлено, что допускаемое ограничение прав ребенка отвечает его интересам. По нашему мнению, любое ограничение прав ребенка должно рассматриваться как несоответствующее его интересам, пока не будет доказано обратное. Поэтому истец (иное заинтересованное лицо), заявляющий соответствующее ходатайство, должен представить суду обоснование того, что вводимые в отношении ребенка ограничения соответствуют его интересам.

При рассмотрении судами споров, связанных с воспитанием детей, допускается возможность применения других мер. Согласно ч. 4 ст. 89 КоБС в исключительных случаях, если этого требуют интересы ребенка, суд до вынесения решения может решить вопрос о временном отобрании ребенка у ответчика. Исполнение судебного определения производится в порядке, предусмотренном законодательством об исполнительном производстве.

Принятие такой обеспечительной меры вполне допустимо, например, при наличии обстоятельств, непосредственно угрожающих жизни или здоровью ребенка. Как правило, подобные обстоятельства имеют место в случае лишения родителя родительских прав. Принятие мер обеспечения по искам о лишении родительских прав способствует защите прав детей и защищает их от жестокого обращения со стороны своих родителей, и это, как правило, обосновывает принятие таких мер в указанных случаях [6]. Полагаем обоснованным в этом случае проявление судом инициативы в применении мер обеспечения иска, если уполномоченные лица соответствующего заявления не делают. Право истца поставить вопрос о принятии мер по обеспечению иска относится к числу правомочий, в которых проявляется принцип диспозитивности [7, с. 161–162], и допускаемые ограничения в его действии должны иметь под собой достаточно веские основания. Однако в рассматриваемой ситуации обеспечительная мера применяется в интересах несовершеннолетнего ребенка, который является истцом по делу.

В случае рассмотрения судом споров, связанных с воспитанием детей, между родителями применение такой меры как временное отобрание ребенка у ответчика не должно допускаться. Результат рассмотрения подобного рода споров иногда предсказать невозможно. Ведь суду предстоит взвесить и оценить множество самых разнообразных подчас противоречивых обстоятельств. Вот почему применение мер к обеспечению иска, предъявленного одним родителем к другому, в принципе нецелесообразно

[8, с. 40]. Полагаем, что действия принудительного характера в отношении несовершеннолетнего ребенка могут оказать отрицательное воздействие на его психоэмоциональное состояние.

Рассматривая возможность временного отобрания ребенка на основании определения суда (ст. 89 КоБС), стоит подчеркнуть, что соответствующими полномочиями наделены уполномоченные государственные органы. Отобрание ребенка может быть осуществлено органами опеки и попечительства (ст. 85 КоБС), комиссиями по делам несовершеннолетних (ст. 85¹ КоБС). Поэтому судебная компетенция в этом случае не носит исключительный характер.

Таким образом, материальное право, безусловно, оказывает влияние на процессуальное право, и это обстоятельство должно учитываться законодателем комплексно в рамках проводимой работы по унификации процессуального законодательства.

При закреплении открытого перечня мер обеспечения иска сохраняется возможность оперативного воздействия на действующую систему мер обеспечения иска в зависимости от развития материально-правовых отношений, споры из которых являются предметом рассмотрения в суде. Гарантией защиты прав заинтересованных лиц в рамках реализации судом мер обеспечения иска должно быть их законодательное закрепление либо на уровне Кодекса гражданского судопроизводства либо на уровне иных законодательных актов.

В целях устранения ошибок в реализации мер обеспечения иска по отдельным категориям гражданских дел необходимо на уровне соответствующих постановлений Пленума разъяснять вопросы и особенности их применения, не ограничиваясь при этом воспроизведением общих норм ГПК, регулирующих вопросы обеспечения иска. В частности, полагаем, что особенности применения мер обеспечения иска по спорам, связанным с воспитанием детей, должны найти свое отражение в постановлении Пленума № 11.

Список использованных источников

1. Кузнецов, С. А. Обеспечительные меры в гражданском и административном судопроизводстве / С. А. Кузнецов. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 152 с.
2. Иск в гражданском судопроизводстве: [сборник] / О. В. Исаева, А. А. Демичев, Т. В. Соловьева, Н. Н. Ткачева ; под ред. О. В. Исаевой. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 216 с.
3. Добровольский, А. А. Основные проблемы исковой формы защиты права / А. А. Добровольский, С. А. Иванова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 159 с.
4. Кругова, В. Некоторые особенности рассмотрения судами дел о месте жительства ребенка и об участии отдельно проживающего родителя в воспитании детей / В. Кругова, С. Горбачева // Судовы веснік. – 2014. – № 1. – С. 60–66.

5. Баулин, О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел / О. В. Баулин. – М. : Городец, 2004. – 272 с.

6. Бандык, О. И. Обеспечительные меры в спорах, связанных с воспитанием детей [Электронный ресурс] / О. И. Бандык // ЭТАЛОН / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=u01900704&q_id=0 – Дата доступа: 08.06.2022.

7. Плешанов, А. Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики / А. Г. Плешанов. – М. : НОРМА, 2002. – 352 с. – (Современный гражданский и арбитражный процесс).

8. Нечаева, А. М. Споры о детях / А. М. Нечаева. – М. : Юрид. лит., 1989. – 160 с.

Харитонюк К. Н.

**РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРИМЕНЕНИЕ
ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ИННОВАЦИЯ
ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

*Харитонюк Константин Николаевич, судья Верховного Суда Республики
Беларусь,
ул. Орловская, 76, 220020, г. Минск, Беларусь, hkn@court.by*

Раскрывается современное состояние информатизации судебной системы Республики Беларусь через наиболее часто используемые элементы электронного судопроизводства. Анализируются предложения по совершенствованию законодательства, содержащиеся в проекте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, связанные с допустимостью, порядком представления и исследования электронных доказательств.

Ключевые слова: информатизация судебной системы; электронное судопроизводство; электронные доказательства.

Kharytaniuk K. N.

**DEVELOPMENT OF ELECTRONIC JUDICIAL PROCEEDINGS
AND APPLICATION OF ELECTRONIC EVIDENCE AS INNOVATION
OF THE CIVIL PROCESS**

*Kharytaniuk Konstantin N., judge of the Supreme Court of the Republic of Belarus,
76 Orlovskaya Street, Minsk 220020, Belarus, hkn@court.by*

The article reveals the current state of informatization of the judicial system of the Republic of Belarus through the most commonly used elements of electronic justice. The proposals for improving the legislation contained in the draft Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus, related to the admissibility, procedure for submitting and examining of electronic evidence, are analyzed.

Keywords: informatization of the judicial system; e-justice; electronic evidence.

Безусловно, правовая информатизация имеет ряд очевидных плюсов при рассмотрении судебных дел, поскольку позволяет повысить уровень доступности правосудия (а значит, и укрепить доверие к судам), уменьшить судебные издержки, усилить оперативность рассмотрения дел.

В связи с этим современное состояние информатизации судебной системы Республики Беларусь характеризуется последовательным внедрением в судопроизводство современных информационных технологий, в том числе реализацией на практике отдельных элементов электронного правосудия, таких как: электронная подача документов в суд с возможностью

отслеживания юридически заинтересованными в исходе дела лицами движения дела с помощью специализированного интернет-сервиса суда; направление судебной корреспонденции участникам процесса посредством цифровой связи (электронная почта, факсимильная связь, мобильные устройства и др.); проведение судебных заседаний с использованием видеоконференцсвязи и фиксации судебных заседаний путем аудио- и видеозаписей; использование электронных доказательств; создание электронного банка данных судебных постановлений.

Указанные вопросы постоянно анализируются практикующими юристами, в том числе судьями Верховного Суда Республики Беларусь, а также выступают предметом исследования на страницах печатных изданий Верховного Суда Республики Беларусь [1].

Важную роль в развитии указанных процессов играет и научное осмысление этой проблематики со стороны ученых.

Так, например, В. П. Скобелев разработал и предложил несколько вариантов классификации по разным критериям, применяемых в судопроизводстве информационно-коммуникационные технологий (ИКТ), для лучшего уяснения направления и пределов использования названных технологий в гражданском процессе. Например, в зависимости от сферы (сегмента) судопроизводства, в которой применяются ИКТ, он предложил разделить их на используемые при: обращении заинтересованных лиц в суд с заявлениями о возбуждении дел; извещении участников судопроизводства; собирании и исследовании доказательств; проведении судебных заседаний; ведении делопроизводства; обнародовании информации о процессе и пр. [2, с. 617].

Цель настоящей статьи и ее практическое значение заключается в анализе развития отдельных элементов электронного правосудия, в том числе в связи с включением ряда новаций в проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС).

1. Так, в Республики Беларусь уже на протяжении длительного времени имеется возможность подачи исковых и иных процессуальных заявлений по экономическим делам в электронном виде.

В настоящее время на интернет-портале Верховного Суда Республики Беларусь реализован сервис для подачи исковых заявлений, апелляционных и кассационных жалоб, иных процессуальных обращений по делам, подписанных электронной цифровой подписью, с загрузкой их сразу в Автоматизированную информационную систему судов общей юрисдикции (АИС СОЮ).

Порядок оформления электронных обращений (руководство пользователя) и требования к прикрепляемым документам размещены на интернет-портале Верховного Суда Республики Беларусь в разделе электронных сервисов «Е-court Электронное судопроизводство по экономическим делам».

Один из вопросов, который возникал на практике, заключался в несовпадении подписи лица, подписавшего процессуальный документ

(исковое заявление, жалобу) с электронной цифровой подписью лица, подающего документы в суд в электронном виде. Мониторинг судебной практики по этому вопросу показал, что суды исходят из того, что представление в суд электронных документов, подписанных электронной подписью лица, которое не указано в тексте электронного документа как лицо, его подписавшее, не допускается.

Положительным моментом, призванным более детально урегулировать существующий порядок подачи процессуальных документов, является закрепление в проекте КГС положения о том, что в случаях, установленных этим Кодексом и иными законодательными актами, исковое заявление, заявление, жалоба и иные документы могут быть поданы в суд в виде электронного документа.

При этом видится обоснованным использование термина «электронный документ», который согласно Закону Республики Беларусь от 28.12.2009 «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» означает документ в электронном виде с реквизитами, позволяющими установить его целостность и подлинность, подписать который возможно только с использованием электронной цифровой подписи.

2. Одной из значимых новаций электронного судопроизводства является возможность уплаты государственной пошлины посредством единого расчетного и информационного пространства (далее – ЕРИП), предусмотренная п. 6 ст. 287 Налогового кодекса Республики Беларусь. В случае уплаты государственной пошлины таким образом, для подтверждения этого факта достаточно сообщить учетный номер операции в ЕРИП. Вместе с тем, поскольку не все субъекты хозяйствования могут производить платежи посредством системы ЕРИП, дальнейшее развитие указанного элемента электронного судопроизводства может заключаться в предоставлении судам возможности проверки факта уплаты государственной пошлины посредством удаленного доступа к соответствующим информационным системам.

3. Безусловно, положительным моментом на пути развития правовой информатизации стало появление процессуальной возможности применения современных средств коммуникации при извещении участников процесса о времени и месте судебного разбирательства, что уже позволило увеличить оперативность рассмотрения дел и добиться при этом значительного сокращения судебных расходов.

Извещение посредством электронной почты или смс-сообщений в отношении участников процесса, находящихся на территории Республики Беларусь, не вызывает спорных вопросов, в связи с чем указанные положения также включены в проект КГС.

Однако имеются вопросы при использовании такого способа извещения в отношении нерезидентов, поскольку впоследствии при рассмотрении ходатайства о признании и приведении в исполнение решения экономического суда на территории иностранного государства при подобном способе извещения может возникнуть вопрос о надлежащем извещении

ответчика о рассмотрении дела. В связи с этим в настоящее время электронные средства связи используются только при необходимости ускорения исполнения судебного поручения об извещении, направленного в порядке, предусмотренном международным договором (а также в исключительных случаях, когда имели место факты приостановления приема международных почтовых отправлений).

Таким образом, представляется целесообразным внедрение системы международного межведомственного документооборота (например, в рамках Евразийского экономического союза).

4. Еще одним положительным моментом электронного судопроизводства является возможность выполнения сторонами посредством электронной почты своих процессуальных обязанностей по направлению другим лицам, участвующим в деле, копий отзывов и письменных доказательств, которые у них отсутствуют.

Так, участники процесса указывают свои контактные данные для связи, после чего направляют друг другу копии документов по электронной почте и представляют суду в подтверждение выполнения своей процессуальной обязанности распечатку об отправке электронного сообщения.

Вместе с тем следует отличать вышеуказанную ситуацию (когда необходимо подтвердить только сам факт выполнения процессуальной обязанности – направление документов другим лицам, участвующим в деле) от ситуации, когда нужно подтвердить еще и момент вручения документов (например, для подтверждения соблюдения претензионного порядка). При возникновении спора по данному вопросу, суды в каждом конкретном случае оценивают доводы сторон с учетом представленных доказательств.

5. Новым и актуальным явилось создание Общедоступного банка судебных решений.

Данный ресурс состоит из программного комплекса, обеспечивающего формирование судами информационного массива судебных постановлений и их передачу в Национальный центр правовой информации, оперативное включение в банк судебных решений и отображение на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь.

Это способствует дальнейшему развитию транспарентности судебной системы, повышению правовой культуры общества, позволяет заинтересованным лицам отслеживать актуальные тенденции в судебной практике.

Одной из прогрессивных особенностей банка данных является механизм обезличивания текстов судебных постановлений в целях обеспечения защиты прав граждан на неприкосновенность частной жизни, а также исключения нарушений прав и законных интересов граждан и организаций.

Обезличивание осуществляется разработанным программным комплексом «Модуль обезличивания» под контролем работника суда, в необходимых случаях корректирующего его работу.

6. Достаточно распространенным является проведение судебных заседаний с использованием видеоконференцсвязи, однако следует признать,

что она не решает проблему участия в судебном заседании лиц, которые не могут явиться в здание суда, оборудованное указанной системой, а также лиц, находящихся за пределами Республики Беларусь.

В связи с этим представляется актуальным закрепление в проекте КГС положений о том, что с согласия лиц, участвующих в деле, которые присутствуют в судебном заседании, допускается использование иных технических средств связи для фиксации допроса свидетелей, объяснений сторон, иных лиц, участвующих в деле, пояснений иных участников процесса, находящихся вне места расположения суда, рассматривающего дело.

7. Еще одним вопросом, на котором мне хотелось бы остановиться, является представление доказательств в электронном виде.

В связи с ростом количества дел, по которым стороны представляют в суд сведения о фактах, зафиксированные в различных формах на технических носителях информации, видится целесообразным закрепление в КГС электронных доказательств в качестве самостоятельного вида доказательств и регламентация порядка их представления, исследования и хранения с учетом их специфики.

Положительным моментом является определение в проекте КГС понятия электронных доказательств, под которыми предлагается понимать сведения о фактах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, содержащиеся на электронных носителях информации, в том числе электронные документы, текстовые, мультимедийные и голосовые сообщения, базы данных и другие данные в электронной (цифровой) форме, а также размещенная в глобальной компьютерной сети Интернет информация.

К их специфическим чертам можно отнести наличие в электронных доказательствах метаданных (другими словами, служебной части файла), необходимость принятия дополнительных мер для надлежащего сбора и хранения таких доказательств, особенности в их представлении и исследовании.

Поскольку применение электронных доказательств позволяет легко представлять ненужные большие объемы данных, что может затруднить или сделать невозможным эффективное обращение суда и других участников процесса с такими доказательствами, представляется необходимой активной роль суда в управлении электронными доказательствами и принятие к рассмотрению только тех из представленных доказательств, которые имеют значение для дела (соблюдение критерия относимости доказательств).

С этой целью в проекте КГС предложено урегулировать порядок представления таких доказательств, в том числе указано об обязанности лиц, представляющих доказательства с зафиксированной на них текстовой или графической информацией, сопровождать их изображением записи на бумажном носителе, а в отношении видеозаписи предложено сопровождать ее пояснениями относительно содержания видеозаписи.

Предлагается закрепить в проекте КГС сложившиеся в практике судов, рассматривающих экономические споры, такие особенности исследования электронных доказательств, как возможность исследовать изображение электронного доказательства на бумажном носителе без использования соответствующих оборудования и (или) программного обеспечения по ходатайству сторон или одной из них и при отсутствии возражений лиц, участвующих в деле, а также возможность исследования электронного доказательства на оборудовании и (или) с помощью программного обеспечения лица, представившего электронное доказательство при отсутствии у суда необходимого оборудования и (или) программного обеспечения.

Еще одна специфическая особенность указанных доказательств заключается в том, что в случае необходимости для участия в исследовании электронных доказательств суд вправе привлечь специалиста.

Говоря об оценке вышеуказанных электронных доказательств, следует отметить, что ключевыми вопросами здесь являются идентификация лица, от которого исходит сообщение, и установление его действительного содержания.

Универсальных рекомендаций по вопросу оценки электронных доказательств не существует, однако складывающаяся судебная практика показывает, что имеется большой потенциал в использовании электронных доказательств, когда они оцениваются с точки зрения относимости, допустимости и достоверности через взаимную связь со всеми представленными доказательствами по соответствующему делу в их совокупности.

Завершая разговор о современном состоянии информатизации правосудия, хочу отметить, что при внедрении информационных технологий в судопроизводство мы сталкиваемся с новыми рисками и проблемами, например, такими как защита персональных данных и обеспечение информационной безопасности. Указанные вопросы требуют особого внимания, однако они не должны препятствовать развитию информатизации правосудия, которая способствует повышению качества и эффективности правосудия, делая его более экономичным и доступным для граждан и субъектов хозяйствования.

В качестве дальнейших шагов видится необходимость проработки правовых и практических вопросов формирования полноценного электронного дела в самом широком смысле (без дублирования на бумажном носителе) – от подачи документов в суд до выдачи исполнительных документов, а также расширение способов международного межведомственного взаимодействия в электронном виде.

Список использованных источников

1. Плотников, А. В. Электронное судопроизводство и использование электронных доказательств при рассмотрении дел экономическими судами /

А. В. Плотников, К. Н. Харитонюк // Судебный вестник Плюс: экономическое правосудие. – 2021. – № 8. – С. 4–13.

2. Скобелев В. П. О классификации информационно-коммуникационных технологий, применяемых в цивилистическом процессе / В. П. Скобелев // Информационные технологии и право. Правовая информатизация – 2021 : сборник материалов VII Международной научно-практической практической конференции, Минск, 28 октября 2021 г. / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь ; под ред. А. Ф. Мательского. – Минск : НЦПИ, 2021. – С. 612–617.

Чичина Е. В.

**О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ КООПЕРАТИВНОЙ ФОРМЫ ТРУДА
В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**

*Чичина Елена Вацлавовна, кандидат юридических наук, доцент;
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета права,
Белорусский государственный экономический университет,
пр. Рокоссовского, 65, 220085, Минск, Беларусь, chichina.elena@mail.ru*

Работа подготовлена в рамках комплексного правового исследования форм занятости в сельскохозяйственной отрасли белорусской экономики в контексте целей устойчивого развития. В статье автор фокусирует внимание на трудовом аспекте членства в производственном кооперативе. Исследуется социальный потенциал производственной кооперации на селе, анализируется правовая природа и особенности кооперативного труда, утверждается его самостоятельность в качестве формы занятости. В заключении автор формулирует возможные направления развития белорусского законодательства в части правового регулирования труда членов производственного кооператива из числа сельскохозяйственных организаций.

Ключевые слова: сельское хозяйство; производственный кооператив; трудовые отношения; членство; кооперативный труд; законодательство о труде.

Chichina E. V.

**THE LEGAL REGULATION OF THE COOPERATIVE FORM OF LABOR
IN AGRICULTURAL ORGANIZATIONS**

*Chichina Elena V., PhD (law), docent,
associate professor at the department of civil law disciplines, faculty of law,
Belarusian State Economic University,
65 Rokossovskogo Avenue, Minsk 220085, Belarus, chichina.elena@mail.ru*

The article was prepared as part of a comprehensive legal study of the forms of employment in the agricultural sector of the Belarusian economy in the context of sustainable development goals. In this article, the author focuses on the labour aspect of membership in a production cooperative. The social potential of industrial cooperation in the countryside is studied, the legal nature and features of cooperative labour are analysed, and its independence as a form of employment is affirmed. As a part of the conclusion, the author formulates possible directions for developing Belarusian legislation in terms of legal regulation of the labour of members of a production cooperative from among agricultural organisations.

Keywords: agriculture; production cooperative; labour relations; membership; cooperative labour; labour law.

В юридической науке в последнее время утвердился подход, в силу которого занятость и труд в сфере сельского хозяйства рассматриваются как объекты, чувствительные к воздействию природно-биологических факторов и обусловленных ими рисков, «зеленых» стратегий и процессов цифровизации, что в полной мере оправданно и согласуется с приоритетными направлениями государственной политики, векторами развития национального законодательства.

Однако, помимо природно-биологической, «цифровой» и «зеленой» детерминанты, на правовое положение трудящихся в сельскохозяйственной сфере влияют также правовые формы привлечения их труда. Без учета такого фактора оценка правового регулирования и основанного на нем правового положения трудящихся не будет полной, что не позволит продвинуться в стремлении обеспечить достойный труд работникам данной отрасли.

В Республике Беларусь комплексных исследований форм занятости в сфере сельского хозяйства (в их совокупности и разнообразии) не проводилось.

Анализ законодательства Республики Беларусь на предмет правовой формы, лежащей в основе привлечения труда в сельскохозяйственной отрасли белорусской экономики, показывает значительную вариативность.

Такая вариативность, в свою очередь, обусловлена тем обстоятельством, что сельское хозяйство – значительная и многоукладная отрасль белорусской экономики, в которой представлены все формы собственности и имеет место разнообразие организационно-правовых форм хозяйствующих субъектов. По состоянию на 1 января 2021 г. в Республике Беларусь действовало 1428 сельскохозяйственных организаций, в том числе: 614 открытых акционерных обществ; 630 закрытых акционерных обществ; 289 обществ с ограниченной ответственностью; 7 обществ с дополнительной ответственностью; 39 производственных кооперативов; 449 унитарных предприятий. По состоянию на тот же период было зарегистрировано 3001 крестьянское (фермерское) хозяйство [1].

В методологических целях определимся, что в сельскохозяйственной отрасли белорусской экономики несамостоятельный труд может использоваться на основании:

трудового договора, заключаемого с работниками сельскохозяйственных организаций;

членства в производственном кооперативе, который также относится к числу сельскохозяйственных организаций (иными словами – членства в сельскохозяйственной организации, образованной в организационно-правовой форме производственного кооператива);

«производного» трудового договора, заключаемого с членами крестьянского (фермерского) хозяйства.

Итак, как обозначалось выше, по состоянию на 1 января 2021 г. в Республике Беларусь действовало 39 производственных кооперативов из числа сельскохозяйственных организаций [1]. Это означает, что одной из

правовых форм реализации труда в сфере сельского хозяйства остается членство в производственном кооперативе.

В целях полноты обзора нельзя не указать на тенденцию значительного снижения кооперации в белорусской экономике в целом и в сфере сельского хозяйства в частности. Между тем вопросам развития кооперативов уделяется много внимания на международном уровне, признавая тем самым их экономическое значение, а также потенциал в создании рабочих мест, обеспечении и развитии приносящей доход деятельности и расширении устойчивой достойной занятости. К числу международных документов, призванных воздействовать на формирование национальной политики, обеспечивающей развитие кооперативов, относятся: Рекомендация МОТ № 193 «О содействии развитию кооперативов» (2002 г.), Резолюция 66 сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Кооперативы в процессе социального развития» (2011 г.) и др.

В настоящее время организационно-правовая форма производственного кооператива на законодательном уровне регламентируется Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – ГК); особенностей сельскохозяйственной кооперации в Республике Беларусь не закрепляется (ранее действовавший Указ Президента Республики Беларусь от 2 февраля 2001 г. № 49 «О некоторых вопросах организационно-правового обеспечения деятельности колхозов» утратил силу в 2014 г; отдельный закон о сельскохозяйственной кооперации не принят, хотя ученые неоднократно отмечали необходимость его разработки и принятия [2, с. 11]).

Согласно п. 1 ст. 107 ГК [3] производственным кооперативом (артелью) признается коммерческая организация, участники которой обязаны внести имущественный паевой взнос, принимать личное трудовое участие в его деятельности и нести субсидиарную ответственность по обязательствам производственного кооператива в равных долях, если иное не определено в уставе, в пределах, установленных уставом, но не меньше величины полученного годового дохода в производственном кооперативе. Норм, регламентирующих трудовые отношения членов производственных кооперативов, ГК не содержит. Лишь в п. 2 ст. 108 ГК указывается, что устав производственного кооператива должен содержать условие о характере и порядке трудового участия его членов в деятельности кооператива и их ответственности за нарушение обязательства по личному трудовому участию. Иначе говоря, учредительным документом регламентируются вопросы труда в качестве «корпоративной» обязанности члена, а не собственно самой трудовой деятельности.

В Трудовом кодексе Республики Беларусь [4] закрепляется, что трудовые и связанные с ними отношения, основанные на членстве (участии) в организациях любых организационно-правовых форм, регулируются данным кодексом и иным законодательством о труде. Иное (за исключением норм, ухудшающих положение членов (участников) организаций по сравнению с законодательством о труде) может устанавливаться

в учредительных документах и локальных правовых актах этих организаций (ч. 2 ст. 4).

Таким образом, в настоящее время сложилась ситуация, при которой трудовые отношения членов производственного кооператива практически в полном объеме охватывается нормами трудового законодательства, поскольку иным законодательством (гражданским, аграрным) не устанавливаются рамки, в которых возможно правоустановление на локальном уровне (через учредительные документы и локальные правовые акты), что выравнивает правовое положение наемного работника и члена производственного кооператива, участвующего в его деятельности своим трудом, имуществом и предпринимательством.

Согласно положениям экономической теории в сельскохозяйственной сфере складываются четыре группы общественных отношений, выделяемых в зависимости от фактора производства: по поводу капитала, по поводу земли как особого средства производства, по поводу наемного труда и отношения по организации производства. Как отмечает С. Ю. Иванов, «каждый фактор приносит его носителю доход от своего использования в процессе общественного производства: земля – ренту, капитал – проценты (дивиденды), наемный труд – заработную плату, организаторская деятельность – предпринимательскую прибыль» [5, с. 24–25]. Членство в производственном кооперативе из числа сельскохозяйственных организаций является уникальной формой хозяйствования, в которой имеет место *неразрывное* единство всех указанных выше составляющих: личное трудовое участие; объединение имущества, в том числе земельных участков; совместная деятельность членов не только через труд, капитал и землю, но также и посредством предпринимательских (организационно-управленческих по своему характеру) усилий. Говоря иначе, «члены производственного кооператива в сфере сельского хозяйства являются одновременно носителями всех четырех факторов производства (земли, капитала, труда и организации), поэтому между ними и кооперативом не может существовать самостоятельных (отдельных) трудовых, имущественных, управленческих и земельных отношений» [5, с. 49].

Обозначенное единство внутрихозяйственной организации производственного кооператива, в свою очередь, позволяет утверждать о самостоятельности кооперативного труда в качестве отдельной и особой формы занятости, не тождественной работе по найму и даже «трудовым отношениям, основанным на членстве». Последние предполагают обособленность отношений членства и трудовых отношений, что не отвечает тезису о единстве кооперативной формы хозяйствования и труда.

В качестве дополнительного обоснования еще раз сошлемся на российского ученого С. Ю. Иванова, который в своей диссертации «Кооперативная форма сельскохозяйственного труда в России: теоретико-правовое исследование» разграничил рассматриваемые общественные отношения со схожими формами (иными формами участия в юридических лицах и наймом), обосновал их самостоятельность и даже предложил

к нормативному закреплению новый обозначающий термин «отношения по личному трудовому участию» [5].

Самостоятельность кооперативного труда в качестве формы занятости предполагает наличие собственного правового режима, который, повторимся, в настоящее время в Республике Беларусь отсутствует. При этом в отношении отраслевой принадлежности особого правового режима труда членов кооператива существует вариативность в правовом поле и дискуссия – в научном.

Как показывает зарубежный опыт, такой особый правовой режим может быть создан как в рамках законодательства о труде, так и в законодательстве иной отраслевой принадлежности.

Например, в Трудовом кодексе Азербайджана [6] содержатся специальные нормы, регулирующие труд «сельскохозяйственных работников», которые далее дифференцируются в зависимости от формы занятости (найм или «членство в сельскохозяйственной организации»).

В данном вопросе интересен и опыт Польши. Трудовым кодексом Республики Польша [7] (далее – ТК Польши) выделяется отдельный вид трудовых отношений и опосредующего их трудового договора – трудовые отношения на основании кооперативного трудового договора. Согласно ст. 77 ТК Польши трудовые отношения между трудовым кооперативом и его членом устанавливаются кооперативным трудовым договором (§ 1).

Федеральным Законом Российской Федерации от 8 декабря 1995 г. «О сельскохозяйственной кооперации» [8] (далее – Закон РФ о сельскохозяйственной кооперации) применительно к труду членов производственного кооператива устанавливается, что:

правом нанимать работников из числа членов кооператива пользуются только потребительские кооперативы, а значит – отношения между членом производственного кооператива и самим кооперативом не понимаются как наемный труд (в том числе и как трудовые отношения, производные от членства);

труд членов производственного кооператива регулируется Законом РФ о сельскохозяйственной кооперации, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, уставами кооперативов;

время работы в кооперативе членов производственного кооператива засчитывается в общий и непрерывный трудовой стаж на основании записей в трудовых книжках и (или) на основании соответствующей информации, внесенной в сведения о трудовой деятельности указанных членов кооператива;

производственный кооператив вносит в Фонд социального страхования Российской Федерации, Пенсионный фонд Российской Федерации и фонды обязательного медицинского страхования страховые отчисления от своих доходов в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

члены производственного кооператива и их наследники имеют преимущественное право на получение работы в кооперативе в соответствии со своей специальностью и квалификацией. В случае невозможности обеспечить члена кооператива работой в данном кооперативе ему может быть временно предоставлено право на трудоустройство вне данного кооператива без утраты членства в нем;

производственный кооператив самостоятельно определяет формы, системы и порядок оплаты труда членов кооператива. Оплата труда может производиться как деньгами, так и в натуральной форме. Размер оплаты труда членов производственного кооператива определяется в зависимости от его личного трудового участия и доходов кооператива. Помимо оплаты труда член производственного кооператива получает кооперативные выплаты в порядке и в сроки, которые предусмотрены уставом кооператива;

отдельные члены кооператива (председатель, члены правления кооператива и члены наблюдательного совета кооператива) могут быть подвергнуты дисциплинарным взысканиям только по решению общего собрания членов кооператива;

член наблюдательного совета производственного кооператива может быть освобожден от основной работы в кооперативе без его согласия только решением общего собрания членов кооператива.

Приведенные примеры законодательного отражения на уровне трудовых кодексов и иных законодательных актов отдельного статуса труда членов производственных кооперативов в сфере сельского хозяйства (подобных ему национальных организационно-правовых форм юридических лиц) показывают вариативность в решении вопроса об отраслевой принадлежности правового регулирования (законодательство о труде и аграрное законодательство), но однозначно подкрепляют в тезисе о нетождественности такой формы приложения труда классическому найму, что требует создания собственного правового режима.

Итак, в качестве промежуточных выводов исследования правового регулирования кооперативной формы труда в сфере сельского хозяйства кратко резюмируем:

1. Исследование гражданского и аграрного законодательства, законодательства о труде и социальном страховании позволило выявить три правовые формы организационно и управленчески несамостоятельного труда, применяемые в сельскохозяйственной отрасли белорусской экономики:

- работу на основании трудового договора, заключаемого с работниками сельскохозяйственных организаций (классический найм; трудовые отношения, основанные на трудовом договоре);
- личное трудовое участие членов производственного кооператива из числа сельскохозяйственных организаций (кооперативная форма труда);
- работу на основании трудового договора, заключаемого с членами крестьянского (фермерского) хозяйства (трудовые отношения, производные от членства).

Каждая их выделенных форм предполагает собственный правовой режим.

2. Одной из форм реализации труда в сфере сельского хозяйства, по-прежнему, остается членство в производственном кооперативе.

Членство в производственном кооперативе из числа сельскохозяйственных организаций является уникальной формой хозяйствования, в которой имеет место *неразрывное* единство следующих составляющих: личное членское трудовое участие; объединение имущества, в том числе земельных участков; совместная деятельность членов не только через труд, капитал, землю, но и посредством предпринимательских (организационно-управленческих по своему характеру) усилий. Обозначенное единство внутрихозяйственной организации производственного кооператива, в свою очередь, позволяет утверждать о самостоятельности кооперативного труда в качестве отдельной и особой формы занятости, не тождественной работе по найму и даже «трудовым отношениям, основанным на членстве». Последние предполагают обособленность отношений членства и трудовых отношений, что не отвечает тезису о единстве кооперативной формы хозяйствования и труда.

Самостоятельность кооперативного труда в качестве формы занятости предполагает наличие собственного правового режима, который в настоящее время в Республике Беларусь отсутствует

Как показывает зарубежный опыт, такой особый правовой режим может быть создан как в рамках кодифицированных актов законодательства о труде (Азербайджан, Польша), так и в законодательных актах иной отраслевой принадлежности (Российская Федерация).

Исследованные примеры законодательного отражения на уровне трудовых кодексов и иных законодательных актов отдельного статуса труда членов производственных кооперативов (подобных ему национальных организационно-правовых форм юридических лиц) дополнительно подкрепляют в тезисе о нетождественности такой правовой формы реализации труда классическому найму.

Список использованных источников

1. Сельское хозяйство Республики Беларусь : статистический сборник [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/3a9/3a9942589996c1bd248d5b05512fd7d7.pdf> – Дата доступа: 13.06.2022.

2. Кузьмич, И. П. Сельскохозяйственный производственный кооператив как организационно-правовая форма ведения сельскохозяйственного производства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / И. П. Кузьмич; БГУ. – Минск, 2002. – 21 с.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от

18.07.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Иванов, С. Ю. Кооперативная форма сельскохозяйственного труда в России: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / С. Ю. Иванов ; гос. образовательное учреждение «Саратовская гос. акад. права». – Саратов, 2004. – 58 с.

6. Трудовой кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : 1 февр. 1999 г., № 618-IQ : в ред. Закона Азербайджанской Респ. от 13.05.2022 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2653 – Дата доступа: 03.06.2022.

7. Kodeks prasy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19740240141/U/D19740141Lj.pdf> – Дата доступа: 22.06.2022.

8. О сельскохозяйственной кооперации [Электронный ресурс] : Федер. закон Российской Федерации, 8 дек 1995 г., № 193-ФЗ : в ред. Федер. закона Российской Федерации от 06.12.2021 г. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10105638/> – Дата доступа: 22.06.2022.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Алещенко А. В.</i> ПРОИЗВОДСТВО В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРОЕКТА КОДЕКСА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	3
<i>Бесецкая Н. А.</i> СВОЕВРЕМЕННОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ НАДЛЕЖАЩЕГО СУДЕБНОГО ИЗВЕЩЕНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	13
<i>Болохонов Б. С.</i> К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ВИД ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА»	20
<i>Бритова Т. К.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	29
<i>Ващебрович М. Г.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНИКА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	36
<i>Вышеславова Т. Ф.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕВОДА РАБОТНИКОВ НА ДИСТАНЦИОННЫЙ РЕЖИМ ТРУДА	42
<i>Ермакова Е. П., Ситкарева Е. В.</i> КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИСКИ В СФЕРЕ «ЗЕЛЕНОГО КАМУФЛЯЖА»	48
<i>Жукова О. В., Ильина О. Ю.</i> ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	55
<i>Каралькевич Л. Л.</i> НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ	61
<i>Карнова Ю. С.</i> ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СПОСОБОВ ИЗВЕЩЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	65
<i>Кирвель И. Ю.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ	74
<i>Князькин С. И.</i> РОЛЬ НОРМ ПРАВА В ПРИНЯТИИ СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ	80
<i>Ковалёва Т. В.</i> ПРЕКРАЩЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ЗА НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ	87
<i>Кожевников О. А.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ НОТАРИАТОМ	94
<i>Колядко И. Н.</i> О ВКЛАДЕ УЧЕНЫХ-ПРОЦЕССУАЛИСТОВ В РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	100
<i>Никонова Н. Н.</i> СРОК ДАВНОСТИ НА ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ПО ЧАСТНОПРАВОВЫМ ТРЕБОВАНИЯМ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	108
<i>Подупейко А. Г.</i> ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СРОЧНЫХ ТРУДОВЫХ ДОГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ХХ в.	118
<i>Постовалова Т. А.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД	126

<i>Сенкевич В. В.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	133
<i>Скобелев В. П.</i> ПО КАКИМ ПРАВИЛАМ ДОЛЖНЫ РЕШАТЬСЯ ВОПРОСЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА, ПРЯМО НЕ УРЕГУЛИРОВАННЫЕ В ГЛАВЕ 32 ГПК?	139
<i>Солянкина Н. А.</i> ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ДОСТОЙНОГО ТРУДА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	150
<i>Таранова Т. С.</i> К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	159
<i>Унукович Е. А.</i> ПРИМЕНЕНИЕ СУДОМ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСКА ПО СПОРАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ ИЗ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	170
<i>Харитонюк К. Н.</i> РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ИННОВАЦИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.....	179
<i>Чичина Е. В.</i> О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ КООПЕРАТИВНОЙ ФОРМЫ ТРУДА В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ	186